К. Ф. РЫЛЕЕВ

Советский писатель

К. Ф. РЫЛЕЕВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Вступительная статья
В. Г. Базанова и А. В. Архиповой

Подготовка текста
А. В. Архиповой, В. Г. Базанова,
А. Е. Ходорова

Примечания
А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1971

Р 1
Р—95

Стихотворное наследие К. Ф. Рылеева (1795—1826), выдающегося поэта-декабриста, одного из вождей Северного общества, представлено в этом издании с исчерпывающей полнотой. В книгу включены не только законченные произведения, — особый раздел составляют отрывки и наброски неосуществленных замыслов — вплоть до отдельных строк. Несколько текстов публикуется впервые. Знаменитый рылеевский сборник «Думы» воспроизведен в настоящем издании в том виде, в каком он вышел при жизни поэта в 1825 году.

7-4-1
323—71

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ РЫЛЕЕВА

Кондратий Федорович Рылеев — один из зачинателей и классиков русской революционной гражданской поэзии, вдохновляемой передовым общественным движением и враждебной самодержавию. Он полнее других выразил в поэзии декабристское мировоззрение и развил основные темы декабризма. В творчестве Рылеева нашли отражение важнейшие моменты истории декабристского движения в его самый существенный период — между 1820—1825 годами.

Имя Рылеева в нашем сознании окружено ореолом мученичества и героизма. Обаяние его личности борца и революционера, погибшего за свои убеждения, так велико, что для многих оно как бы заслонило эстетическое своеобразие его творчества. Традиция сохранила тот образ Рылеева, который был создан его друзьями и последователями, сначала в воспоминаниях Н. Бестужева, затем в статьях Огарева и Герцена.

«Рылеев был поэтом общественной жизни своего времени, — писал Огарев. — Хотя он и сказал о себе: «Я не Поэт, а Гражданин», — но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию». [1]

Однако Рылеев был сложной и противоречивой фигурой. Политические и философские взгляды его были отражением тех противоречий, которые присущи всему декабристскому движению. Наиболее демократичный и радикальный представитель Северного общества, Рылеев не был свободен от сомнений и колебаний, от сознания

---

[1] Предисловие к «Думам» К. Рылеева. — Н. П. Огарев, Избр. произведения, т. 2, М., 1956, с. 448.

своего одиночества, своей трагической обреченности. Как поэт он не смог раскрыться до конца. Путь его был грубо оборван как раз в тот момент, когда Рылеев обрел свой подлинный высокий голос, когда он мог сказать в русской литературе новое и значительное слово.

Рылеев начал поздно, но развивался быстро, быстро набирал силу и становился заметным явлением в русской литературе. Он стремился создавать такие произведения, которые зажигали бы сердца, воспитывали твердость духа и вселяли веру в победу над деспотизмом. Лучшие из них доныне поражают нас своей искренностью, целеустремленностью, подчиненностью высокой гуманной идее. Все это позволяет утверждать, что в лице Рылеева русская литература потеряла значительного и самобытного художника.

1

Кондратий Федорович Рылеев родился 18 сентября 1795 года. Отец его, Федор Андреевич Рылеев, был подполковником Эстляндского полка и, уйдя в отставку, служил управляющим киевским имением кн. В. В. Голицыной. Родовое поместье Рылеевых, небольшое село Батово, находилось в Софийском уезде Петербургской губернии. Там Кондратий Федорович провел свои ранние годы. Детство поэта не было светлым и безмятежным. Родители Рылеева не отличались образованностью. Отец был человеком жестоким и скупым, отношения его с сыном, что видно и по их переписке, всегда оставались холодными и формальными. Мать Рылеева, человек гораздо более ему близкий, позднее писала сыну: «Правда твоя, что я не была счастлива, отец твой не умел устроить мое и твое спокойствие. Что делать! Богу так было угодно». [1]

Шестилетнего мальчика в 1801 году отдали в Первый кадетский корпус, где он пробыл свыше двенадцати лет. Там были написаны его первые произведения.

Хотя в Первом кадетском корпусе, как и в большинстве учебных заведений той эпохи, были сильны литературные интересы, общий уровень преподавателей и воспитанников был несравним с передовыми учебными заведениями страны, и кадетский корпус не стал для Рылеева той благоприятной средой и литературной школой, какой был Царскосельский лицей для Пушкина и его товарищей.

Война 1812 года сыграла огромную роль в идейном развитии будущего декабриста. Подобно многим своим сверстникам, он рвется

---

[1] Письмо от 19 октября 1817 г. — К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., т. 2, изд. «Библиотеки декабристов», М., 1907, с. 110.

на фронт, мечтает о военных подвигах. Под впечатлением побед русской армии Рылеев делает первые пробы пера в стихах («На погибель врагов» и «Любовь к отчизне») и в прозе («Победная песнь героям»).

В феврале 1814 года Рылеев был выпущен из корпуса прапорщиком, направлен в 1-ю артиллерийскую бригаду и принял участие в заграничном походе, побывав в Польше, Пруссии, Саксонии, Баварии, Франции и Швейцарии. Все это безусловно повлияло на юного офицера, расширило его кругозор. За границей Рылеев продолжает заниматься литературой, пишет стихи и прозаические статьи в форме писем и дневниковых записей. В них сказалась и его любознательность, и наблюдательность, и наивность. В «Письмах из Парижа» заметно сочувствие французам и уважение к Наполеону, что говорит уже о критическом восприятии официальных «установок».

В конце 1815 года Рылеев возвратился в Россию и был командирован вместе с конно-артиллерийской ротой в Острогожский уезд Воронежской губернии, где оставался несколько лет. Пребывание Рылеева в Острогожском уезде — очень существенный этап в его биографии.

Рылеев навсегда полюбил этот степной край, пограничный с Украиной, и украинская тема стала позднее одной из ведущих в его творчестве. Знакомство с семьей острогожского помещика М. А. Тевяшева привело к значительному событию в личной жизни Рылеева: старшая дочь Тевяшева, Наталья Михайловна, вскоре стала женой поэта. В острогожский период Рылеев много пишет, но стихи его, как и письма к матери, сентиментальны и полны литературных штампов. Вот, например, как описывает поэт свою жизнь в письме от 10 августа 1817 года: «Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке; ездим по горам — и любуемся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном береге растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни, и через минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем, — и наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения». [1]

Он пишет мадригалы своей невесте, дружеские послания по образцу «Моих пенатов» Батюшкова, песни, романсы, шарады, акро-

---

[1] К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., Редакция, вступительная статья и комментарии А. Г. Цейтлина, изд-во «Academia», М.—Л., 1934, с. 438—439. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: Рылеев, Полн. собр. соч.

стихи и тому подобные альбомные мелочи. Подобно своим ровесникам, поэтам-декабристам В. Ф. Раевскому и Кюхельбекеру, Рылеев начинает как ученик и подражатель новой поэтической школы, связанной с именами Батюшкова и Жуковского. Молодого Рылеева с бо́льшим основанием, чем Кюхельбекера или Раевского, можно назвать именно подражателем. Своего у него очень мало. И недостаток образования, и отсутствие высокоразвитой культурной среды здесь безусловно сказались. Потенциальные возможности Рылеева были очень велики, но пока он развивается медленно, и его раннее творчество — пример трудного роста.

В 1818 году Рылеев выходит в отставку по причинам как личного (родители невесты настаивали на отставке), так и общественного порядка. Разочарование в военной службе типично для многих передовых офицеров, возмущавшихся теми палочными порядками, которые стали господствовать в армии после окончания войны. Говоря о своей отставке, Рылеев писал матери: «И так уже много прошло времени в службе, которая не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, и с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастию, не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю». [1]

В январе 1819 года Рылеев женился на Н. М. Тевяшевой и поселился с женой сначала в Батове, а затем в Петербурге.

Переезд в Петербург, о котором Рылеев так долго мечтал и от которого так многого ждал, — поворотный момент во всей его жизни. Здесь он родился как гражданский поэт, здесь началось его литературное и политическое созревание.

Познакомившись с петербургскими литераторами А. Е. Измайловым, В. К. Кюхельбекером, Ф. В. Булгариным, Ф. Н. Глинкой, освоившись с литературным миром столицы, Рылеев нашел ту благоприятную среду, отсутствие которой так долго замедляло его творческий рост. С 1820 года начинает он печататься в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный», а затем в «Невском зрителе». И хотя основная печатная продукция Рылеева — это те же любовные послания в стиле Батюшкова, мадригалы и шарады, его гражданский и политический рост идет очень быстро. К концу 1820 года Рылеев освобождается от идиллических настроений.

1820 год — важная веха в истории русской общественной мысли и рубеж в развитии декабризма. К этому году относится ряд значительных событий международной и внутренней жизни. В январе на-

---

[1] Письмо от 7 апреля 1818 г. — Рылеев, Полн. собр. соч., с. 446.

чалась революция в Испании, под предводительством Рафаэля дель Риэго. Революционные выступления происходили в Неаполе, Португалии, Сицилии. В России — рост крестьянских волнений и восстание Семеновского полка, высылка Пушкина из Петербурга. Все это влияло на умонастроение передовых людей эпохи и членов тайных обществ. В 1820 году на совещании Коренной управы Союза благоденствия большинство присутствующих высказалось за республику как лучшую форму правления в России. В результате этого совещания произошел раскол среди членов Союза благоденствия. Он вскоре распался, но вместо него были организованы Южное (1821) и Северное (1822) тайные общества.[1] 1820 год в истории декабризма интересен и тем, что в декабристскую литературу пришел крупнейший ее поэт — Рылеев.

Осенью 1820 года в 10-й книжке «Невского зрителя» была напечатана знаменитая сатира «К временщику», которая принесла Рылееву не только известность, но и славу. Если печатавшиеся одновременно с ней элегии и дружеские послания поэт подписывал инициалами или печатал анонимно, то в сатире появилась полная подпись поэта. Это был мужественный вызов, подчеркнутая готовность ответить за свое печатное выступление. Н. А. Бестужев говорит в своих воспоминаниях: «Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью».[2] Традиционное в литературном плане (кстати, во многом стилистически близкое сатире Милонова «К Рубеллию»), стихотворение Рылеева поразило всех своей гражданской смелостью и обличительным пафосом. В письме к М. Г. Бедраге от 23 ноября 1820 года автор сатиры сообщал, что «многие удивляются, как пропустили ее. . .»[3] Между тем именно это письмо, содержащее к тому же ироническую характеристику членов царской фамилии, было перлюстрировано на главном почтамте. Очевидно, Рылеев вызвал подозрение властей как человек недовольный и неблагонадежный.

Отношение его к окружающей действительности делается все более критическим. Приглашая своего острогожского приятеля, артиллерийского капитана А. И. Косовского, перебраться в Петербург, Рылеев «не переставал, — как об этом рассказывает в своих воспоминаниях Косовский, — твердить и убеждать, что пора нам поверить

---

[1] В исторической литературе высказывалось мнение, что Северное общество было основано почти одновременно с Южным — в 1821 г. См.: М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 1, М., 1955, с. 340.

[2] Н. Бестужев, Воспоминание о Рылееве. — «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 12.

[3] Рылеев, Полн. собр. соч., с. 455.

себя, взглянуть попристальней на все окружающее нас, ибо кроме зла, несправедливостей и неслыханного лихоимства ничего у нас нет, а потому необходимо думать, дорожить каждым днем и трудиться для будущего счастья России». [1]

И Рылеев пытался трудиться на гражданском поприще. В январе 1821 года он был избран заседателем в С.-Петербургскую палату уголовного суда и оставался в этой должности до весны 1824 года. О честности и гражданской смелости Рылеева, о сочувствии его представителям простого народа сохранились выразительные воспоминания. [2]

Ведя упорную борьбу со всякими нарушениями и злоупотреблениями в суде, Рылеев понимал, что весь государственный аппарат продажен, что все чиновники живут за счет взяток и притеснений. Летом 1821 года, снова посетив Острогожский уезд, он уже не идиллически, а саркастически описывает провинциальную обстановку. «Холод обдает меня, — пишет он Булгарину, — когда я вспомню, что кроме множества разных забот меня ожидают в Петербурге мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного *рода приказных*... Ты, любезный друг, на себе испытал бессовестную алчность их в Петербурге; но в столицах приказные некоторым образом еще сносны... Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои *давно просвещенные* соотечественники в страшную годину междуцарствия не принесли России столько зла, как сие лютое отродие... В столицах берут только с того, кто *имеет дело*, здесь со всех... предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа...» [3]

К началу 20-х годов Рылеев, еще не будучи членом тайного общества, вполне уже был готов к вступлению в него. Его участие в 1820—1821 годах в масонской ложе «Пламенеющая звезда», а также активное сотрудничество в Вольном обществе любителей российской словесности, куда он был принят в апреле 1821 года по рекомендации Дельвига, еще более сблизило Рылеева со многими представителями оппозиционно настроенной интеллигенции.

---

[1] «Литературное наследство», № 59, М.—Л., 1954, с. 249.

[2] Например, рассказ Н. Бестужева о мещанине, который был рад, что его отдадут под суд Рылеева («Воспоминания Бестужевых», с. 13). О защите Рылеевым крепостных крестьян гр. Разумовского см.: И. И. Игнатович, Рылеев в «деле» о волнении крепостных крестьян графа Разумовского. — «Литературное наследство», № 59, с. 289—299; а также: А. Г. Цейтлин, Творчество Рылеева, М., 1955, с. 58—61.

[3] Рылеев, Полн. собр. соч., с. 458—459.

Таким образом, мы можем утверждать, что из трех факторов, названных самим Рылеевым на следствии по делу декабристов, повлиявших на развитие его свободомыслия — заграничные походы, «чтение разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие», «беседы с людьми одинакового образа мыслей»,[1] — именно третий, то есть общение с вольнолюбиво настроенными людьми, сыграл едва ли не решающую роль.

И если в первые годы пребывания в Петербурге Рылеев еще не нашел себя как поэт, то он вступил на тот путь, по которому пришел к главному делу своей жизни.

Эволюция Рылеева показательна и типична для многих его современников: Пушкина, Кюхельбекера, В. Ф. Раевского и других поэтов эпохи, представителей гражданской поэзии. Полудетские патриотические стихи о 1812 годе, связанные с традициями XVIII века, затем ученичество у Батюшкова или Жуковского, подражательная поэзия юношеских лет и, наконец, обращение к окружающей действительности, критика ее в гражданских вольнолюбивых стихах.

Причем две линии, две школы (рационалистический XVIII век с его нормативностью и высоким пафосом и романтическая поэзия «новой школы» с ее индивидуализмом, вниманием к миру чувств и плавностью стиха) сосуществуют в творчестве молодых поэтов. То одна, то другая берет верх (патриотические и гражданские темы влекли за собой одический настрой, а интимные — элегическое оформление), но обе они традиционны, литературны и до определенного момента одна другой не мешают.

В 1810-е годы в литературном сознании еще преобладали рационалистические представления, согласно которым в поэзии существуют разные темы, требующие и разного стилистического воплощения; сохранилось метафизическое деление тем и стилей на высокие и низкие, общественно значимые и личные. Обращаясь к высокой теме, поэт использовал соответствующие стилистические средства (высокий жанр, «высокий штиль» со славянизмами, инверсиями, риторическими фигурами); создавая же любовную элегию или дружеское послание, заботился о плавности стиха, использовал соответственную лексику, набор определенных образов, даже традиционные рифмы. Все это мы видим в творчестве Ф. Н. Глинки, Вяземского, молодого Пушкина. То же самое и в поэзии начинающего Рылеева. Свою сатиру «К временщику» он пишет александрийским стихом с выдержанными цезурами и парной рифмовкой, обильно используя обраще-

[1] Следственное дело Рылеева. — «Восстание декабристов. Материалы», т. 1, М.—Л., 1925, с. 156. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: «Восстание декабристов», т. 1.

ния, вопросы, восклицания, высокую и архаичную лексику. Здесь уже Рылеев употребляет слова-символы, слова-сигналы — характернейший прием гражданской вольнолюбивой поэзии. Слова «тиран», «отечество», «сограждане», а также античные имена Брута или Катона, окруженные определенными ассоциациями, очень многое говорили читателю.

Мощный накал негодования, угрожающий тон сатиры выделяет это стихотворение Рылеева из ряда других гражданских произведений эпохи. Вместе с тем сатира «К временщику». как и другие произведения ранней декабристской поэзии («Рассказ Цинны» П. А. Катенина или «Опыты трагических явлений» Ф. Н. Глинки), была вполне традиционной в своем поэтическом оформлении.

Одновременно с гражданской сатирой Рылеев пишет и печатает любовные стихи. Тут почти все литературно и условно. Все эти Лиды, Делии и Дориды, эти «подражания Тибуллу» и «подражания древним», эта «хижина», в которой герой «вкушал» «сладострастие и негу», — все это говорит о подражании Батюшкову, об использовании готовых приемов и образов, ставших штампами.

Но несамостоятельность Рылеева была временной. В 1821—1823 годах, все более проникаясь критическим отношением к окружающей действительности, он сосредоточивается преимущественно на гражданской поэзии, обогащая ее опытом новой поэтической школы. Главное, что вносит романтическая поэзия в гражданскую тему, — это личное восприятие окружающего, лирический образ автора, современника или участника происходящих исторических событий. Заслуга Рылеева перед русской поэзией заключается прежде всего в том, что он создал индивидуальный, конкретный, глубоко лирический образ поэта-гражданина, человека, способного переживать все «бедствия своей отчизны», всю мировую несправедливость как личное свое страдание и стремящегося бороться с несправедливостью до конца, отдав этой борьбе все свои силы, всю свою жизнь. Но такой органичный, художественный образ гражданина возник у Рылеева не сразу.

В 1821—1823 годах поэт обращается непосредственно к современности и на современном материале создает образы положительных героев, по его мнению достойных подражания. Таков А. П. Ермолов, талантливый полководец, прославившийся в войне 1812 года. В оценке поэта он «надежда сограждан, России верный сын». В год восстания в Греции Рылеев обратился к Ермолову с призывом помочь восставшим грекам:

Ермолов! поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

Рылеев отозвался здесь на слухи о назначении Ермолова главнокомандующим в войне за освобождение Греции от турецкого владычества. Могущественная Россия должна превзойти Древний Рим, породивший «Брутов двух и двух Катонов», — мечтал Рылеев. Если в 1814 году поэт прославлял любовь к отечеству, которая проявляется прежде всего в борьбе с внешним врагом, то теперь он превыше всего ставит «любовь к общественному благу», понимая ее как основу патриотизма. Рылеев настойчиво ищет вокруг себя носителей политической доблести, он возлагает надежды на Ермолова и Мордвинова, но более всего думает о гражданском воспитании молодого поколения. Адмирал Н. С. Мордвинов, старый екатерининский деятель, известный своей оппозиционностью в царствование Александра I, пользовался большим почетом у декабристов, и не случайно именно ему Рылеев посвящает оду «Гражданское мужество».

Рылеев показывал на следствии, что после переворота Мордвинову вместе с М. М. Сперанским как верховным правителям должна была быть передана исполнительная власть. Проповедуя на конкретном примере нравственные идеи, Рылеев в то же время подготовляет общественное мнение, рисуя образ человека, достойного встать у кормила государственной власти.

Рылеев переоценивал «гражданское мужество» Мордвинова, но делал это сознательно. Он надеялся, что преувеличения, допущенные им, оправдают себя в будущем. То, что приписано Ермолову, Мордвинову, полагал Рылеев, несомненно разовьется, проявит себя уже в ближайшем поколении, пусть даже гражданские достоинства Ермолова и Мордвинова не столь велики. Он, собственно, не их самих старался возвысить, а ту благородную гражданскую позицию, следовать которой, по мнению поэта, обязаны были лучшие люди страны. В оде «Гражданское мужество» отразились кратковременные надежды Рылеева на «просвещенного монарха», с которыми он вскоре — весной 1824 года — решительно расстается.

2

В поисках героических сюжетов и образов Рылеев обращается к русской истории. И это обращение не случайно. Интерес к историческим и национальным темам, вообще характерный для предромантизма и романтизма, в декабристской поэзии всегда был связан с патриотическими идеями гражданственности. У Рылеева возникает замысел целого цикла стихотворных рассказов о разных деятелях русской истории, об их подвигах или злодеяниях. Эти рас-

сказы Рылеев назвал думами, используя термин украинского фольклора.

Рылеев работал над думами в 1821—1823 годах. В 1824 году он собрал их в отдельную книгу, которая вышла в 1825 году. «Думы» выявили новое, уже самобытное лицо Рылеева-поэта и привлекли внимание критики.

Первая дума — «Курбский», написанная летом 1821 года, была по существу элегией на историческую тему. В следующих произведениях подобного рода жанр думы кристаллизуется уже с полной отчетливостью.

У дум Рылеева было несколько источников. Сам он называл в качестве своего предшественника польского поэта Юлиана Немцевича, с которым переписывался и сочинение которого «Spiewy hystoryczne» («Исторические песни») хорошо знал. Одна из дум Рылеева, «Глинский», является вольным переводом «песни» Немцевича. Однако, как показал в своем исследовании В. И. Маслов, влияние Немцевича на «Думы» «было весьма незначительно: от Немцевича Рылеев заимствовал только общую тенденцию и форму дум; что же касается выбора сюжетов и их разработки — здесь Рылеев был самостоятелен и не зависел от своего образца».[1] Отмечает В. И. Маслов и превосходство «Дум» Рылеева над «Песнями» Немцевича с художественной и идейной стороны (националистически настроенный Немцевич воспевал «воинскую доблесть и грозный вид войск», Рылеев «пленялся более широкими идеалами», ему был дороже «прямой гражданин», «верный сын своей отчизны»[2]).

Важным источником дум Рылеева была «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, которую он, как и большинство его современников, читал с огромным интересом. Собственно, чтение Карамзина и дало непосредственный толчок для создания стихотворений на исторические темы.

Летом 1821 года Рылеев писал из Острогожска Булгарину: «В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита». И, посылая в письме думу «Курбский», замечает: «Вот безделка моя — плод чтения девятого тома».[3]

Темы и даже сюжеты целого ряда дум заимствованы Рылеевым из «Истории» Карамзина. Но были у поэта-декабриста и другие

---

[1] В. И. Маслов, Литературная деятельность Рылеева, Киев, 1912, с. 180.
[2] Там же.
[3] Рылеев. Полн. собр. соч., с. 458.

источники: книги по истории П. С. Железникова, Д. Н. Бантыша-Каменского, исторические рассказы и предания И. И. Голикова, Н. И. Новикова, С. Н. Глинки, Ф. Н. Глинки и другие, а также художественные произведения на историческую тему (трагедии Сумарокова и Княжнина, повесть Карамзина «Марфа Посадница» и другие). При всем том оригинальность рылеевских дум как явления искусства, проникнутого единым пафосом и единой мыслью, не вызывает сомнений. «Возбуждать доблести сограждан подвигами предков» [1] — эта воспитательная, просветительская цель дум, удачно определенная А. А. Бестужевым, полностью соответствовала тем воззрениям на художественную литературу, которые господствовали среди членов Союза благоденствия и были сформулированы в его уставе — «Зеленой книге». Там говорилось, что в художественном произведении главное — мысль, идейное и нравственное содержание, а не погоня за изяществом выражения, что цель искусства — воспитание достойных людей, «состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего», [2] иными словами — воспитание личности деятельной, благородной, способной служить общественным, гражданским интересам.

И хотя Рылеев не состоял членом Союза благоденствия, все эти идеи были ему известны, так как Ф. Глинка проводил их в своей деятельности в руководимом им Вольном обществе любителей российской словесности.

В думах многое идет от романтической школы: обращение к национальной традиции, русской старине и фольклору, обусловившее жанровое оформление поэтических рассказов Рылеева. В отличие от сентименталистов, занимающихся преимущественно такими фольклорными жанрами, как любовная песня и волшебная сказка, романтики интересовались в фольклоре прежде всего эпическими сказаниями, историческими песнями. Примечательно, что в 1821 году Рылеев увлекся «Словом о полку Игореве», памятником, который русские романтики не отделяли от фольклорных произведений и ценили как образец самобытности и проявления героического духа русского народа. Сохранился небольшой отрывок рылеевского перевода «Слова». Из него видно, что именно героическое начало привлекло поэта-декабриста в этом древнем произведении:

---

[1] А. А. Бестужев. Взгляд на старую и новую словесность в России. — «Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым», изд-во АН СССР, М.—Л., 1960, с. 23.

[2] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 1, М., 1951, с. 271.

В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным половцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян.
Но презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем...

Строки эти перекликаются с оценкой «Слова», данной А. Бестужевым: «Непреклонный, славолюбивый дух народа дышит в каждой строке». [1]

Поиски героического начала в фольклоре и древней литературе, характерные прежде всего для декабристов, привели к тому, что Рылеев заинтересовался думами, т. е. историческими песнями и сказаниями украинского и польского фольклора. Однако и историзм и фольклорность рылеевских дум были только заданы, обозначены в заглавиях, именах и подзаголовках, но совсем не реализованы в самих произведениях. Думы Рылеева — произведения во многом переходные. Тенденции просветительские, рационалистические в них сочетаются с романтическими. Конечно, они резко отличаются от произведений классицизма на исторические темы. В них преобладает лирическое начало, страстный, эмоциональный монолог героя, излияние его чувств. Общая обстановка призвана создавать подходящий фон, аккомпанирующий чувствам героя. Как правило, это пейзаж, столь же взволнованный, как и душа героя: ночь, буря, скалы, уединенное место. Здесь несомненно влияние оссиановской поэзии, создавшей мрачный, тревожный образ дикой природы, как нельзя лучше отражавший трагическое сознание эпохи романтизма. Поздний вечер или ночная мгла, темные тучи, сквозь которые сверкает луна, а иногда вой ветра и блеск молний — таков пейзаж многих дум Рылеева («Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Рогнеда», «Курбский», «Смерть Ермака», «Наталья Долгорукова», «Державин», «Вадим», «Марфа Посадница», «Царевич Алексей Петрович в Рожествене»). Суровый, трагический колорит дум обусловлен прежде всего тем, что герои поэта — чаще всего мученики и страдальцы, гибнущие за правое дело или мучимые совестью за свои грехи. Спокойному, безмятежному тону элегической лирики противостоят бурные рылеевские картины борьбы и мести, великих страстей, страданий и бед. Одна за другой сменяются катастрофические ситуации, герои Рыле-

---

[1] А. А. Бестужев, Взгляд на старую и новую словесность в России. — «Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым», с. 13.

ева выдерживают трудный искус, ради своего дела они принимают и ссылку и плен; бывают времена, когда целый народ попадает под иго завоевателей и мужественно сносит неволю, копя силы для освобождения. Тоскует на чужбине Курбский, в ссылке томится Артемон Матвеев, в плену у шведов Яков Долгорукий, в темницу брошен боярин Глинский, в цепях в темнице Богдан Хмельницкий, русского патриота Артемия Волынского ведут на казнь.

Рылеевские герои «с величием души» принимают выпавшие на их долю бедствия, твердо стоят за свои убеждения и не боятся смерти. Наиболее показательна в этом отношении дума «Волынский» с ее основным мотивом: «...за истину святую и казнь мне будет торжеством».

Первое место в думах занимает образ борца за национальную независимость родины. Рылеев гордится своими предками, возвеличившими славу России. Он описывает подвиги Олега, Святослава, Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ермака, Якова Долгорукого, Сусанина, воспевает не только русских патриотов: среди героев дум мы видим Богдана Хмельницкого, боровшегося за освобождение Украины от польского ига. Примечательно, что в длинный список борцов за свободу и славу отечества Рылеев включает женщин, не уступающих в твердости своим мужьям. Рассказывая сыну, как славен был дед его, Рогнеда восклицает:

Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье.

(«Рогнеда»)

Лирическое эмоциональное начало дум Рылеева подчинено конкретной просветительской задаче, и в этой установке на поучение, на воспитание положительным примером видна связь декабристского романтизма с эстетическими идеалами эпохи Просвещения.

Морализирующая идея дум была для Рылеева главной. История — это собрание положительных и отрицательных примеров. Различия исторических эпох, характеров людей сами по себе не интересуют поэта. Поэтому так мало в его думах конкретного исторического «фона», обстановки, быта, поэтому все герои его говорят одинаковым возвышенно-декламационным языком, поэтому так часты в думах аллюзии и анахронизмы. Когда Дмитрий Донской обра-

щается к своему войску перед началом Куликовской битвы, он говорит на языке гражданской поэзии начала XIX века, в которой слова «тиран», «свобода», «древние права граждан» звучали совершенно злободневно. Сборник «Думы» можно считать одним из замечательных достижений декабристской поэзии, созданной в период между ликвидацией Союза благоденствия и организацией Северного общества. Здесь полностью сказался патриотизм и свободолюбие Рылеева, однако «Думы» не являются отражением высшей фазы его революционности: здесь нет Рылеева-республиканца.

Думы еще до выхода их отдельной книгой были одобрительно встречены современниками. П. А. Вяземский писал 23 января 1823 года Рылееву и Бестужеву: «С живым удовольствием читаю я думы, которые постоянно обращали на себя и прежде мое внимание. Они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших».[1] Думы вызвали положительную оценку Ф. В. Булгарина в «Северном архиве» (1823), Н. И. Греча в «Сыне Отечества» (1823), А. А. Бестужева в «Полярной звезде» (1823), П. А. Вяземского в «Новостях литературы» (1823) и ряд других отзывов. Думы стали предметом литературных споров, их ждали, о них спрашивали. Выход их в 1825 году отдельной книгой также вызвал поток отзывов, как печатных, так и заключенных в частной переписке тех лет.

Известно, что среди подавляющего большинства положительных или даже восторженных отзывов современников резко выделяется очень скептическое мнение Пушкина. Это вполне объяснимо. Для большинства образованных читателей «Думы» явились как раз тем, чего ждали от литературы: они удовлетворяли интерес к национальной теме, к истории, к героической, гражданской идее. Они были возвышенны и чувствительны, в них сказывался романтический колорит исключительных характеров и обстоятельств. Но историзм и народность «Дум», скорее декларированные, чем осуществленные, не отвечали художественным устремлениям Пушкина, который преодолел уже романтический историзм. Его не устраивало невнимание Рылеева к точности живописания («. . .у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило. . .»[2]) и анахронизмы «Дум» («. . .герб российский на вратах византийских — во время Олега герба русского не было — а двуглавый орел есть герб византийский и значит разде-

---

[1] «Русская старина», 1888, № 11, с. 312.

[2] Письмо к Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г. — Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, изд-во АН СССР, М.—Л., 1937, с. 46.

ление Империи на Зап⟨адную⟩ и Вост⟨очную⟩ — у нас же он ничего не значит»[1]). Но больше всего Пушкина не удовлетворяло неумение Рылеева постичь дух изображаемой эпохи и показать свойственные каждой эпохе различные характеры действующих лиц. В мае 1825 года Пушкин писал Рылееву, что его думы «слабы изображением и изложением. Все они на один покрой. Составлены из общих мест (loci topici): описание места действия, речь героя — и нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен».[2]

Рылеев, которому еще раньше были известны критические замечания Пушкина, писал ему в марте 1825 года: «Знаю, что ты не жалуешь мои думы, несмотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей».[3] Спор о думах состоялся в начале 1825 года. Пушкин в ту пору окончательно утвердился на позициях строгого историзма. «Думы Рылеева и целят, а все невпопад»,[4] — писал Пушкин В. А. Жуковскому в конце апреля 1825 года. «Невпопад» в том смысле, что поэзия расходится с историей: Рылееву не хватает объективности, он пытается «уломать» историю в заранее изготовленную схему гражданских понятий.

Проблема рылеевского историзма не есть проблема правдивости, верности исторических лиц. Рылеев смело вкладывал свои лозунги и свои собственные мысли в уста героев. Однако было бы ошибкой считать, что в своих думах Рылеев умышленно искажал историю. Он обращался к истории прошлого, к отечественным преданиям и летописям, и все это делал для того, чтобы найти доступ к чувству многих, всей нации, и выдать идеалы, за которые декабристы боролись, за идеалы общенародные, завещанные предками. Священный авторитет праотцев, на которых должны были все равняться, Рылееву был дорог еще и потому, что вопрос шел не об отдельном человеке, а о народе-нации, о родной стране. Поэт создает некое собирательное лицо, заменяющее собой отдельные личности и нацию в целом.

Это происходило потому, что Рылееву, как и большинству наследников просветительских идей, был свойствен метафизический подход к истории. Человеческая личность, национальный характер

---

[1] Письмо к Л. С. Пушкину от 1—10 января 1823 г. — Там же, с. 54.

[2] Там же, с. 175.

[3] Рылеев, Полн. собр. соч., с. 489.

[4] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, с. 167.

представлялись им вечными и неизменными, с чем, как говорилось, Пушкин уже не был согласен.

Однако Пушкин, внимательный читатель «Дум», заметил, что, работая над ними, Рылеев не оставался на одном месте. Последние (по времени написания) думы «Иван Сусанин» и «Петр Великий в Острогожске» он отметил как удачные исключения.[1] В письме к Вяземскому от 4 ноября 1823 года Пушкин заметил: «Первые думы Ламартина в своем роде едва ли не лучше «Дум» Рылеева; последние прочел я недавно и еще не опомнился — так он вдруг вырос».[2]

Работая над думами в течение 1821—1823 годов, Рылеев менялся как поэт. В последних его думах появляется более пристальное внимание к фону, который в думе «Петр Великий в Острогожске» обрисован не схематично, а конкретно и самобытно, с подлинным знанием местности.

В «Иване Сусанине» правдивое изображение крестьянского быта, сосредоточенность на событиях и поступках героя (а не декларативный монолог, как в более ранних думах) делают образ костромского крестьянина живым и убедительным. И все же жанр думы — в том виде, как он сложился у Рылеева, — не давал возможности развернуть в нем этнографические или исторические описания. Заключительные строфы «Петра Великого в Острогожске», так понравившиеся Пушкину, собственно уже выводили произведение за пределы этого жанра, отличительную особенность которого составлял героический пафос.

Издавая «Думы» в 1825 году отдельной книгой, Рылеев почти ничего в них не изменил. Творчески он уже перерос их настолько, что не мог возвращаться к работе над ними. Но вместе с тем считал их полезными и нужными для читателя. Его взгляд на литературу как на общественно значимое явление, упор на ее воспитательную роль оставался неизменным. Рылеев только сопроводил свои «Думы» предисловием и историческим комментарием, в большей части написанным П. М. Строевым, отчасти самим поэтом.

Сохранилось две редакции предисловия Рылеева к «Думам». Более ранняя редакция (1823 или начало 1824 года) подчеркивает просветительский пафос всего сборника. Судя по этому предисловию, «Думы» предназначались для простого народа, а целью автора было «пролить в народ наш хоть каплю света». Резкие выпады про-

---

[1] Письмо к Рылееву от второй половины мая 1825 г. — Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, с. 175.
[2] Там же, с. 381.

тив деспотизма и тиранов — врагов просвещения («...один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество... Невежество народов — мать и дочь деспотизма...») — показывают, что предисловие это создавалось поэтом, который видел в поэзии средство борьбы с деспотизмом. Однако понимая, что такое предисловие цензура не пропустит, Рылеев создал другую его редакцию, в которой отбросил все рассуждения о деспотизме и просвещении, сократил большую часть ссылок на Ю. Немцевича и высказал очень примечательные соображения о фольклорных истоках своих дум. «Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдачном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них... Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели».

Это указание в предисловии 1824 года на связь с фольклором, никак до того не отразившуюся в самих думах, говорит о новом сдвиге в творчестве Рылеева, когда он, подобно другим романтикам, вплотную подошел к проблеме народности литературы и с этих позиций обратился к фольклору. Интерес к этнографии, историческому колориту, народному быту, слабо ощутимый в поздних думах, очень заметен в последующем творчестве поэта. Предисловие к «Думам» отражает, таким образом, позиции Рылеева не в период создания дум, а уже в период его работы над историческими поэмами.

Надо полагать, сам Рылеев, уже неудовлетворенный историзмом своих дум, решил дополнить их историческим комментарием. Написанные в большинстве своем точным прозаическим языком, содержащие даты, ссылки на летописи, значительный фактический материал, отсутствующий в думах, эти исторические справки иногда расходились с художественными текстами в трактовке поведения исторических героев и их оценке (см., например, думы «Глинский», «Курбский»). Но свой усилившийся интерес к историческим подробностям Рылеев уже реализовал в произведениях других жанров. Он шел к эпосу и драме.

3

1823 год — год окончания «Дум» и начала работы над поэмой «Войнаровский» — знаменует наступление нового периода творчества Рылеева. В этом же году он вступает в тайное общество, что определяет дальнейшее направление его творчества.

В первой половине 1823 года И. И. Пущин принимает Рылеева

в Северное общество в качестве «убежденного», то есть члена так называемого «верхнего круга». Отсюда можно заключить, что по своим политическим взглядам Рылеев был готов к вступлению сразу в «верхний круг».

В марте 1825 года его избрали в руководящий орган общества — Думу, и он идейно возглавил движение. Деятельность Рылеева в тайном обществе хорошо изучена советскими историками. Нас в данном случае интересует, так сказать, психологическая сторона этой деятельности: насколько отразилась в ней личность самого Рылеева, равно отразившаяся и в его поэтическом творчестве, то есть какими нитями связана его революционная и поэтическая деятельность. Рылеев-борец и Рылеев-поэт неотделимы друг от друга, в том и в другом отношении он был первым среди петербургских декабристов.

Анализ следственных материалов и воспоминаний о поэте как деятеле тайного общества позволяет утверждать, что он пользовался большим влиянием, привлекая к себе сердца своим энтузиазмом, искренностью и чистотой помыслов. В своих политических высказываниях Рылеев последовательно проводил идею демократизма, стремился принимать в общество не только дворян, настаивал на выборности и периодической сменяемости руководящих органов тайного общества. [1]

Показательна в этом отношении его встреча с П. И. Пестелем, которая произошла в апреле 1824 года. Во время этой беседы обсуждались разные варианты законодательного устройства для будущей России, причем и Пестель и Рылеев в откровенном обмене мнениями естественно прибегали к заострению своих мыслей, особенно в спорных вопросах.

Наиболее «удобным и приличным для России» Рылеев считал «образ правления Соединенных Штатов», правда с различными отступлениями и изменениями. Пестель был, по-видимому, с ним согласен, однако очень подчеркивал целесообразность личной диктатуры после победы восстания. «Зашла речь и о Наполеоне, — показывал Рылеев. — Пестель воскликнул: «Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уж иметь над собою деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортун! Он отличал не знатность, а дарования!» и проч. Поняв, куда все это клонится, я сказал: «Сохрани нас бог от Наполеона! Да впрочем,

---

[1] См. показания Рылеева Следственному комитету. — «Восстание декабристов», т. 1, с. 166. См. также показания В. И. Штейнгеля. — «Литературное наследство», № 59, с. 235.

этого и опасаться нечего. В наше время даже и честолюбец, если только он благоразумен, пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном». — «Разумеется! — отвечал Пестель. — Я только хотел сказать, что не должно опасаться честолюбивых замыслов, что если бы кто и воспользовался нашим переворотом, то ему должно быть вторым Наполеоном...»[1] Но именно «второго Наполеона» не желал Рылеев, и когда декабрист К. П. Торсон предложил избрать императора, он «на это отвечал, что теперь Наполеоном нельзя быть».[2]

Рылеев был противником личной диктатуры и всегда говорил о том, что вся полнота законодательной власти после восстания должна быть передана Верховному собору. На следствии поэт показывал: «С самого вступления моего в общество по 14 декабря я говорил одно: что никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным; что это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться беспрекословно есть обязанность каждого».[3]

Однако надежды Рылеева на то, что после восстания демократические формы правления возникнут сами собой, были политически наивны.

Приезд Пестеля в Петербург, взбудораживший петербургскую тайную организацию, не мог не повлиять и на Рылеева, у которого усилились антимонархические настроения. Возможно, не без влияния Пестеля занял Рылеев и наиболее левую позицию среди других лидеров Северного общества в земельном вопросе. Рылеев становится одним из вождей петербургского республиканизма.

Стремлением сохранить все движение в чистоте, ничем не запятнать и не унизить его проникнута вся политическая деятельность Рылеева. Доверие к членам (в Северном обществе не практиковался специальный ритуал принятия в члены, всякие торжественные присяги и клятвы, — «довольствовались честным словом»[4]), отсутствие какого бы то ни было материального поощрения,[5] упор на то, что в движении могут участвовать только из идейных, принципиальных побуждений, — все это характеризует тактику Рылеева в Северном

---

[1] «Восстание декабристов», т. 1, с. 178.

[2] Там же, с. 183.

[3] Там же, с. 175.

[4] Показания Рылеева от 24 декабря 1825 г. — Там же, с. 159.

[5] «Деньгами военных чинов к возмущению не поощряли, равно и гражданских чиновников будущим возвышением и разделением властей». Там же, с. 161.

обществе. Он категорически отверг план А. И. Якубовича — возбудить народ призывами к грабежу и разгрому кабаков.[1] В своей революционной деятельности Рылеев стремился быть на той высоте, на какую ставил своих поэтических героев.

Политическая деятельность Рылеева в тайном обществе оказала большое влияние на его последующее творчество. Он не просто продолжает развивать в поэзии свободолюбивые темы, он наполняет их конкретным историческим материалом, уже по-новому осмысленным. Поэмы Рылеева знаменовали развитие его не только в литературном, но и в политическом плане.

В русской поэзии 20-х годов жанр романтической поэмы занимает исключительно важное, ведущее место. Образцы этого нового в литературе жанра были даны в южных поэмах Пушкина. Но последователи Пушкина (Баратынский, Рылеев) не были его подражателями, они создали свои оригинальные памятники романтического эпоса.[2]

В поэме «Войнаровский» (отдельные главы начали печататься в 1824 году, а целиком она вышла в 1825 году) Рылеев решает ряд важных общелитературных задач. Его произведение получилось эпичнее, чем южные поэмы Пушкина: это было связное и подробное изложение событий, повествование, содержащее описания природы, быта, этнографические и исторические подробности. Этим поэма решительно отличается от дум, хотя думы и поэмы Рылеева имеют много общего. Но уже в «Войнаровском» Рылеев преодолевает односторонность дум, он стремится к широте художественной концепции, к правдивости психологических характеристик.

Пушкин сразу оценил «Войнаровского». Познакомившись с отрывками поэмы по «Полярной звезде» 1824 года, он писал 12 января того же года А. Бестужеву: «Рылеева «Войнаровский» несравненно лучше всех его дум, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет».[3] И в дальнейшем все написанное Рылеевым вызывало одобрение Пушкина (до возвращения из ссылки он знал только его напечатанные произведения). И в отзывах о «Наливайке» видно, что Пушкин больше всего ценил в Рылееве повествовательность, конкретные описания среды, поступков и событий («размашку в слоге»); гораздо холоднее относился он к лирическому началу, гражданскому пафосу Рылеева. Пушкин не со-

---

[1] См. «Восстание декабристов», т. 1, с. 185, 188.

[2] Вопрос об отличии «повествовательной» поэмы Рылеева от лирической поэмы Пушкина рассмотрен в статье В. Гофмана «Рылеев-поэт». — Сб. «Русская поэзия XIX века», Л., 1929, с. 1—71.

[3] Пушкин. Полн. собр. соч., т .13, с. 84—85.

бирался упразднять гражданскую поэзию, но он требовал от поэта правдоподобного изображения исторических характеров и художественной объективности. Собственные литературные поиски Пушкина середины 20-х годов, его работа над романом в стихах и исторической трагедией показывают, что самой насущной задачей русской литературы он считал овладение большим материалом, умением давать глубокие обобщения, отражать основные явления жизни и постигать ее законы.

Работа Рылеева над крупными поэтическими жанрами, создаваемыми на историческом материале, стремление к точности, к тому, чтобы стихи его содержали большой запас информации, — все это очень импонировало Пушкину. О «Войнаровском» он сказал: «Эта поэма нужна была для нашей словесности». [1]

При всем романтическом субъективизме своего метода Рылеев стремился в «Войнаровском» дать много сведений, новых для читателя. Этнографически точные описания Якутска и сибирской природы в начале поэмы очень нравились большинству читателей. В этом проявилось свойственное романтикам увлечение экзотикой и этнографией (воспроизведение местного колорита, описание народного быта, обрядов и т. п.). Читатели даже считали описания в поэме Рылеева краткими и недостаточными.

П. А. Муханов в апреле 1824 года писал Рылееву, выражая не только свое мнение, но и других южных декабристов, в частности М. Ф. Орлова, и Пушкина: «Если ты позволишь сказать тебе то, что юго-западные русские литераторы говорят о твоем дитятке, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что подслушал.

1. Описание Якутска хорошо, но слишком коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, между тем как эпизод сей новостью предметов был бы очень оригинален. Представя разительно Сибирь, ты бы написал картину новую совершенно.

2. Описание охоты Войнаровского должно быть тоже несколько просторнее, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятие ссыльных и жителей, которые проводят свои дни с зверями, и тем более выказать род жизни Войнаровского. Тогда прекрасное описание бега оленя будет более кстати. Теперь оно кажется введенным на сцену как бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера и Войнаровского.

3. Пушкин находит строфу «И в плащ широкий завернулся» единственною, выражающею совершенное познание сердца человече-

---

[1] Письмо к Рылееву от 25 января 1825 г. — Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, с. 134.

ского и борение великой души с несчастьем. Но рассказ пленных, сам по себе будучи очень удачен, требовал бы некоторого введения; ибо «Я из Батурина недавно» могло бы быть предшествуемо описанием пленных и сверх этого представить картину людей, толпящихся узнать о своем отечестве ... Вообще находят в твоей поэме много чувства пылкости. Портрет Войнаровского прекрасен. Все это шевелит душу; но много нагих мест, которые ты должен бы украсить описанием местности».[1]

Готовя «Войнаровского» к отдельному изданию, Рылеев не учел пожеланий Муханова и Орлова, хотя кое в чем, вероятно, и соглашался с ними. В своем стремительном творческом развитии он почти никогда не возвращался к уже созданным произведениям с целью их переработки.

Начиная с «Войнаровского» все последующие замыслы поэм и драматических произведений Рылеева связаны с историей Украины, что обусловливалось как биографическими обстоятельствами (жизнь в пограничных с Украиной областях, личные связи со многими представителями украинской интеллигенции), так и политическими устремлениями поэта (эпизоды национально-освободительного движения на Украине XVI—XVII веков). К истории борьбы Мазепы с Петром I, в которой активное участие принимал Войнаровский, Рылеев подошел как «к борьбе свободы с самовластьем», что не могло не вызвать нареканий со стороны многих прогрессивно настроенных его современников.[2] Здесь, несомненно, проявился романтический субъективизм Рылеева, не позволивший ему полно и беспристрастно изучить историческую эпоху и сделать из этого изучения объективные выводы. В большой степени Рылеев находился под влиянием чужих концепций. Как показал В. И. Маслов, подробно исследовавший вопрос об источниках поэмы, на трактовку Рылеевым образа Мазепы могло повлиять изображение этого героя в одноименной поэме Байрона,[3] а также общение Рылеева с националистически настроенным украинским и польским дворянством. Ни исторические работы, которыми пользовался Рылеев («История Малой России» Д. Бантыша-Каменского, а также труды других историков, которые

---

[1] Цит. по кн.: А. Г. Цейтлин, Творчество Рылеева, М., 1955, с. 128—129.

[2] Например, П. А. Катенин, вообще не одобривший поэмы Рылеева, писал Н. И. Бахтину: «...всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном». — «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 86.

[3] См.: В. И. Маслов, Литературная деятельность Рылеева, с. 279—289.

Рылеев мог читать: И. Голикова, Ф. Прокоповича), ни украинский фольклор не содержали положительной оценки Мазепы. Иначе относились к нему польские и украинские помещики и казачья верхушка. «В то время как простонародье презирало «пса проклятого Мазепу», высшие слои украинского общества любили этого гетмана и связывали с ним воспоминания о лучших днях своего существования».[1]

Рылеев в пору создания «Войнаровского» интересовался украинским фольклором, и интересы эти отразились в поэме (отдельные описания, фразеологические обороты восходят к украинским народным песням). Однако глубокого осмысления народного мировоззрения, восприятия народной точки зрения нет в «Войнаровском». Народное мнение в поэме существует, но оно не стало ведущим и определяющим. Рылеев создал антиисторический характер гетмана, что стало особенно очевидным после пушкинской «Полтавы». Пушкин в своей поэме полемизировал с Рылеевым. В предисловии к «Полтаве» он писал: «Мазепа есть одно из самых значительных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения...»[2] Однако нельзя сказать, что рылеевский Мазепа — безупречный «герой свободы, новый Богдан Хмельницкий». Отношения автора к нему сложнее. В поэме рассыпаны отдельные замечания о Мазепе, которые дают основание говорить, что Рылеев пытался преодолеть односторонность в изображении гетмана, желал сделать его образ более противоречивым, но не выполнил своего замысла до конца. Поэт вселил в душу Войнаровского сомнение в Мазепе:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон, —
Мне гетман не открыл сей тайны.

Но едва ли не самым суровым осуждением Мазепы являются слова двух пленных украинцев, включенные в рассказ Войнаровского:

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал: —

---

[1] В. И. Маслов, Литературная деятельность Рылеева, с. 303.
[2] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 505.

Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан им на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье!»

Это народная точка зрения как бы корректирует характеристику, данную пылким почитателем Мазепы — Войнаровским.

Подобно «Думам» «Войнаровский» был снабжен историческими комментариями и вступительными статьями. Статьи, написанные А. Бестужевым и декабристом-историком А. Корниловичем, оснащены значительным фактическим материалом и дают объективные характеристики как Мазепы, так и Войнаровского, подчас расходящиеся с характеристиками, содержащимися в поэме. История, хотя и изучалась автором «Войнаровского» и проникла в ткань поэмы гораздо сильнее, чем в думы, все-таки не слилась органически с поэзией. Исторические факты часто оставались сами по себе, поэтический вымысел — сам по себе.

В открывающем поэму посвящении А. А. Бестужеву Рылеев полемически заостряет идею гражданственности: «Я не Поэт, а Гражданин». Этим Рылеев хотел сказать, что он не признает поэзии ради поэзии, не видит настоящего поэта вне гражданского служения. Рылеев вполне самостоятельно решал проблему положительного героя. Его не могли удовлетворить меланхолические мечтатели, ушедшие в мир своих тоскливых переживаний, светские герои, беспечно прожигающие жизнь, одинокие бунтари, выступающие независимо от нации и желающие воли только себе. Рылеев отказывается от всех этих вариантов героя и дает образ гражданина, живущего интересами своего народа, интересами родины. Герои Рылеева, в том числе и Войнаровский, не отщепенцы и гордые индивидуалисты. Войнаровский одинок по необходимости, ссылкой он обречен на духовную и физическую смерть, но это не препятствует ему оставаться героической натурой. Вера в правоту своего дела его никогда не покидает. При всех особенностях своего положения Войнаровский был и остается носителем гражданской идеи, это человек с обязательствами перед другими, с судьбой не столько личной, сколько исторической.

Поэма была встречена восторженно читающей публикой и критикой. Положительные отзывы о поэме дали «Северный архив» еще

в 1823 году (речь шла об отрывках из поэмы, прочитанных на заседании Вольного общества любителей российской словесности), «Полярная звезда на 1825 год», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Северная пчела»; а в частных письмах современников также находим много сочувственных и даже восторженных отзывов о «Войнаровском». Особый интерес вызвали описания украинской и сибирской природы, оригинальность поэмы, ее национальный, русский характер. «Вот истинно национальная поэма!» [1] — восклицал Булгарин.

Особенно дорог Рылееву был отзыв Пушкина. 12 февраля 1825 года он писал ему: «Очень рад, что „Войнаровский“ понравился тебе. В этом же роде я начал „Наливайку“...» [2]

Рылеев задумал поэму о Наливайке как историческое повествование об освободительной борьбе народа. Поэма, посвященная борьбе украинских казаков против польского владычества в конце XVI столетия, не была закончена Рылеевым. Три отрывка из нее поэт опубликовал в 1825 году в «Полярной звезде»: «Киев», «Смерть чигиринского старосты», «Исповедь Наливайки». Судя по этим и другим сохранившимся отрывкам и наброскам, поэма была задумана Рылеевым в широком социально-политическом и историческом плане. Картины народной жизни, быта, украинской природы, описания исторических событий должны были создать широкий эпический фон, может быть еще более развернутый, чем в «Войнаровском».

Вероятно, изображению народной массы и отражению народной точки зрения в этой поэме должно было быть уделено гораздо больше места, чем в «Войнаровском». И — что особенно важно — здесь уже не было такого расхождения между историей и позицией автора. И в художественном, и в политическом отношении вторая поэма Рылеева — значительное движение вперед по сравнению с «Думами» и первой его поэмой.

Наливайко — настоящий мститель за поруганную честь народа, он возглавляет борьбу против иноземного ига и избирается гетманом. Он готов отдать свою жизнь за спасение родины, одно чувство руководит его поступками; и дружба и любовь подчинены ненависти к тиранам и поработителям. Это был высокий образ героя-борца, страдающего за свой народ:

---

[1] «Северная пчела», 1825, 14 марта. Нравственная репутация Булгарина в то время была вне подозрений, и с ним поддерживали отношения многие известные писатели, в числе которых были Грибоедов, А. Бестужев и Рылеев.

[2] Рылеев, Полн. собр. соч., с. 483.

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

Но образ этот оставался в большей степени выразителем гражданственной настроенности автора, чем объективным историческим характером украинца XVI века. Вероятно, поэтому Пушкин отметил как особо удавшиеся эпические отрывки поэмы и остался холоден к монологам героя. Пушкин ждал от Рылеева историзма и «повествовательности».

Когда Пушкин сообщил Рылееву свои замечания о «Смерти чигиринского старосты», Рылеев писал в ответ: «Ты ни слова не говоришь об «Исповеди Наливайки», а я ею гораздо более доволен, нежели «Смертью чигиринского старосты», которая так тебе понравилась. В «Исповеди» — мысли, чувства, истина, словом гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя, наоборот, в удальстве более дела».[1] Отсюда можно заключить, что этот второй отрывок, о котором не упомянул Пушкин, Рылеев считал наиболее значительным и удавшимся ему. Действительно, «Исповедь Наливайки» представляет собой высшее достижение агитационно-романтической поэзии Рылеева; процитировав отрывок из «Исповеди Наливайки», Герцен сказал: «В этом весь Рылеев».[2]

Так получилось, что поэмы Рылеева явились не только пропагандой декабризма в литературе, но и поэтической биографией самих декабристов, включая декабрьское поражение и годы каторги. Читая поэму о ссыльном Войнаровском, декабристы невольно думали о себе. Готовясь к схватке с самодержавием, они знали, что

---

[1] Письмо от 12 мая 1825 г. — Рылеев, Полн. собр. соч., с. 494.
[2] Русский заговор 1825 года. — А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 13, М., 1958, с. 138.

в случае неудачи впереди их ждет суровая кара. Поэма Рылеева воспринималась и как поэма героического дела, и как поэма трагических предчувствий. Судьба политического ссыльного, заброшенного в далекую Сибирь, встреча с женой-гражданкой — все это почти предсказание. Для декабристов, томившихся в сибирской ссылке, «Войнаровский» оказался поэмой итогов. Таким же скорбным памятником декабризма стала и «Исповедь Наливайки». По словам Николая Бестужева, она настолько поразила декабристов своим «пророческим духом», что Михаил Бестужев сказал однажды Рылееву: «Предсказание написал ты самому себе и нам с тобой». [1]

В последние годы талант Рылеева быстро набирал силу, что подтверждают несомненные достижения поэта как в лирических, так и в повествовательных жанрах.

Он собирался написать большую поэму из исторического прошлого Украины или Запорожья. В бумагах поэта сохранились отдельные черновые наброски поэмы о Мазепе. Два отрывка из этой поэмы («Гайдамак» и «Палей») были опубликованы в начале 1825 года, и на них обратил внимание Пушкин, предвещая перемену «министерства на Парнасе»: «Если «Палей» пойдет, как начал, Рылеев будет министром». [2]

Одновременно с этим Рылеев задумал историческую трагедию о Богдане Хмельницком (первоначально это был замысел поэмы «в 6-и песнях». «Иначе не все выскажешь», — сообщал Рылеев Пушкину. [3]). Дошедший до нас отрывок этой трагедии дает основание предполагать, что, будучи законченной, она явилась бы крупнейшим событием в рылеевском творчестве.

4

К середине 1820-х годов в русской литературе снова усиливается интерес к драматическим жанрам. Этот интерес даже потеснил на время увлечение романтической поэмой. Раздумья о ходе исторического процесса, о судьбе человека в этом процессе, о роли народа в истории, о национальном характере и самобытной народной культуре — все это находило просторное отражение в жанре

---

[1] «Воспоминания Бестужевых», с. 7.

[2] Письмо к Л. С. Пушкину от конца января — начала февраля 1825 г. — Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, с. 143.

[3] Письмо от 12 февраля 1825 г. — Рылеев. Полн. собр. соч., с. 483.

исторической трагедии. Теперь история интересует писателей не как собрание поучительных примеров, не как удобный материал для выражения политических аллюзий, а как проявление национального опыта, определенных закономерностей развития. Почти все значительные писатели 1820-х годов обращались к драматургии, и прежде всего к исторической трагедии. П. А. Катенин переводил Корнеля, Жуковский — Шиллера, Кюхельбекер — Эсхила. Оригинальные исторические трагедии писали или начинали писать Ф. Глинка, Катенин, Грибоедов, Пушкин, Кюхельбекер. Причем трагедия середины 20-х годов приобретает иные черты, обновляясь внутренним и внешним образом. Теперь в ней почти никогда не соблюдаются три единства, в языке персонажей сказываются индивидуальные различия, драматурги отходят от традиционного александрийского стиха. Но эти внешние изменения обусловлены более глубокими внутренними изменениями жанра: изображая важные исторические события, трагедия показывает участие в них народа, смело включает массовые сцены, в которых народ выступает не в качестве безмолвных статистов, а является активной силой. Это приводит к увеличению числа действующих лиц, к разрастанию событийных эпизодов, к появлению множества сцен, происходящих в разное время и в разной обстановке.

Путь этот в той или иной степени проделали многие писатели. Драматургию же декабристского толка вместе с тем отличает тенденция к свертыванию любовной интриги за счет более развернутого и целеустремленного изображения политических, социальных коллизий. Кюхельбекер в 1822 году написал трагедию «Аргивяне» о вражде двух братьев — тирана и республиканца — в древнем Коринфе. Борьба страстей, чувства и долга переплетается с любовной интригой — соперничеством двух героев. В трагедии многое идет от драмы шиллеровского образца. Вскоре Кюхельбекер занялся созданием трагедии, в которой действует на сцене простой народ, а любовный мотив сходит на нет, ибо главное место в ней занимает тема республиканского заговора против тирании. Но такую трагедию (вторая редакция «Аргивян») Кюхельбекер завершить не смог. Пушкин, наоборот, быстро оставив замысел трагедии о Вадиме, которую поначалу предполагал, видимо, писать в традиционном духе озеровских трагедий, сосредоточил свои силы на исторической народной драме, создав «Бориса Годунова». Замысел драмы подобного же типа созревал у Грибоедова (планы и сцены трагедии «1812 год»).

Путь Рылеева-драматурга тоже очень показателен. Хотя он не создал ни одного законченного драматического произведения, его

поиски шли в том же направлении, что и у его современников-драматургов.

Еще в 1822 году, до начала работы над «Войнаровским», Рылеев задумывает историческую трагедию о Мазепе. Наброски и планы трагедии показывают, что тема любовных страстей и мелодраматические эффекты здесь едва ли не преобладали: злодей Мазепа мстит Петру за оскорбление; Кочубей мстит Мазепе за поруганную честь дочери; Матрена Кочубеева мечется между отцом и любовником, сходит с ума, безумная пляшет вокруг эшафота, на котором казнен ее отец, наконец кончает жизнь самоубийством в бурную ночь при блеске молний и раскатах грома. Интересно и то, что Мазепа обрисован здесь как человек хитрый, беспринципный и коварный, далеко не таким, каким изображен он позднее в «Войнаровском». От замысла трагедии о Мазепе Рылеев отказался, использовав частично этот материал в поэме. Но уже в 1825 году он снова обратился к трагедии, оставив замысел поэмы о Богдане Хмельницком. Трагедия «Богдан Хмельницкий» не была закончена. Известен только пролог к ней, показывающий, как далеко ушел Рылеев вперед по пути народности и историзма.

Трагедия начинается с пролога на Чигиринской площади. Прежде чем показать своего героя, Рылеев изображает ту среду, в которой созревало национально-освободительное движение, — активный народный фон. На Чигиринской площади происходят события общенародного значения, на ней творится история. Крестьяне разорены и угнетены, и они готовы к протесту; крестьяне на площади — необычный эпизод. Казаки произносят речи, полные негодования и протеста.

Эта сцена — свидетельство незаурядного мастерства и смелости Рылеева. Более чем когда бы то ни было заботясь об исторической достоверности своей драмы, он, по свидетельству Ф. Глинки, «намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению».[1] Быт и нравы украинских крестьян, их язык нашли отражение в прологе к «Хмельницкому», написанном белым пятистопным ямбом. Трагедия Рылеева, если судить по ее началу, должна была, по всей вероятности, приблизиться к тому типу народной исторической драмы, образец которой был дан Пушкиным.

Н. А. Бестужев писал в своих воспоминаниях, что «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта. Можно было надеяться, что опытность на литературном

---

[1] «Литературное наследство», № 59, с. 216.

поприще, очищенные понятия и большая разборчивость подарили бы нас произведениями совершеннейшими. Жалею, что слабая моя память не может представить ясного тому доказательства из начатков о «Мазепе» и «Хмельницком». Из первого некоторые отрывки напечатаны, другой еще был, так сказать, в пеленках, но уже рождение его обещало впереди возмужалость таланта».[1]

5

С особой силой развернулось дарование Рылеева-лирика в его стихотворениях 1824—1825 годов. Вступление в Северное общество и активная деятельность в нем наполнили жизнь поэта новым содержанием, высоким смыслом. Все это отразилось в лирике Рылеева, сказалось на образе его лирического героя. Положительный герой в стихах Рылеева начала 20-х годов был обобщенной и абстрактной фигурой («Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!»). Даже нося конкретные имена современников поэта (А. П. Ермолов, Н. С. Мордвинов), герой этот все-таки оставался абстрактным образом («надежда сограждан», «любимец славы», «витязь юный» — сказано о Ермолове, которому в это время было уже, кстати, сорок четыре года). В «Послании к Н. И. Гнедичу» нарисован обобщенный образ высокого поэта, в оде «Гражданское мужество» — самоотверженного гражданина. Герои эти не имеют индивидуальных черт, их благородные качества вечны во все времена:

...Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.

(«Гражданское мужество»)

Положительный герой гражданской лирики поначалу изображался обособленно от лирического образа поэта, который в элегиях и дружеских посланиях выглядел достаточно условным (и любовная лирика молодого Рылеева, и стихотворение «Пустыня» — во многом подражания Батюшкову и вариации его тем любви, дружбы и сво-

---

[1] «Воспоминания Бестужевых», с. 27. Рылеев читал пролог к «Хмельницкому» в кругу литераторов и членов тайного общества в конце 1825 г. См. показания В. И. Штейнгеля («Литературное наследство», № 59, с. 234).

бодной жизни в тихом уголке). В дальнейшем лирический образ автора усложняется, а главное, приобретает индивидуальные черты.

Темы гражданские начинают звучать как личные в творчестве ряда передовых поэтов 20-х годов. Герой «Уныния» Вяземского или «Деревни» Пушкина лично глубоко страдает от всех несправедливостей политического строя, он скорбит за угнетенный народ, хотя мог бы и наслаждаться жизнью. Каждый из значительных русских поэтов вносит свои индивидуальные черты в создание образа лирического героя — передового человека эпохи 20-х годов. И мы не спутаем страстно-взволнованного героя Пушкина со скептиком Баратынского, сурового заговорщика-революционера В. Ф. Раевского с вечно мятущимся скитальцем Кюхельбекера.[1]

Среди поэтов, создавших лирический образ борца и вольнолюбца, первое место принадлежит Рылееву. Отражая в стихах свой богатый внутренний мир, свои страдания и сомнения, он создал индивидуализированный, правдивый и конкретный образ революционера-декабриста.

В «Стансах», написанных в 1824 году и посвященных А. Бестужеву, Рылеев развивает как будто бы уже традиционную тему о несбывшихся грезах юности, разочаровании и жизненной усталости. «Опыт грозный» разогнал все юношеские иллюзии, и «мир печальный» предстал поэту как угрюмая могила. Люди, которые, казалось бы, разделяют воззрения героя, на самом деле далеки от него. Не вошедшая в печатный текст строфа «Стансов» объясняет подлинные причины грусти и тоски поэта:

Все они с душой бесчувственной
Лишь для выгоды своей
Сохраняют жар искусственный
К благу общему людей...

«Они» — это современники Рылеева, способные поговорить об «общем благе», но совершенно не способные чем бы то ни было пожертвовать ради этого блага. Равнодушие, холодность, эгоизм людей становятся трагической темой лирики Рылеева.

Особой силы достигает эта тема в лучшем лирическом произведении Рылеева — стихотворении «Я ль буду в роковое время...».

---

[1] Об эволюции лирического героя в русской поэзии 1820-х годов см.: Л. Я. Гинзбург, О проблеме народности и личности в поэзии декабристов. — Сб. «О русском реализме XIX в. и вопросах народности в литературе», М.—Л., 1960, с. 74; см. также «Историю русской поэзии», т. 1, Л., 1968, с. 293—297.

Впервые оно было опубликовано в 1856 году в герценовской «Полярной звезде» под названием «Гражданин», и хотя название это вряд ли принадлежит Рылееву, оно закрепилось за стихотворением.

«Я ль буду в роковое время...» написано Рылеевым, по всей видимости, в 1824 году, хотя свидетельства современников указывали и другое время его создания — декабрь 1825 года. Во всяком случае, это произведение зрелого поэта, в котором оригинальность и самобытность стиля Рылеева проявились с наибольшей полнотой.

Вступив на путь политической поэзии уже с 1820 года, в последние годы перед восстанием декабристов Рылеев отразил в своих произведениях революционные и республиканские взгляды. В полной мере это относится к «Гражданину» — стихотворению заведомо нелегальному, написанному с агитационными целями.

Усвоив просветительский взгляд на поэзию, закрепленный в теоретических положениях устава Союза благоденствия, Рылеев писал в 1825 году в статье «Несколько мыслей о поэзии»: «Употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных».[1] Те же мысли демонстративно подчеркнуты и в посвящении «Войнаровского» А. Бестужеву, которого поэт просит принять «плоды трудов»:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства;
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

Противопоставление «чувств» и «мыслей» «искусству» хотя и идет вразрез с характерным для 20-х годов углубленным вниманием к изобразительным возможностям поэтического языка, к отработке стиля и стиховой техники, не означает, что проблемы формы не занимали или мало занимали Рылеева. Наряду с другими поэтами эпохи он создал стиль новой гражданской поэзии, освободившийся от архаичной поэтики гражданской поэзии XVIII века и преодолевший ограниченность поэтического стиля «карамзинистов», стиля, связанного с разработкой «интимных» тем. И стихотворение «Гражданин» — наиболее яркое проявление нового стиля. Все черты высокого героя гражданских стихов и лирического героя многих произведений Рылеева приходят здесь в слияние, создают образ целостный и новый в русской поэзии. «Гражданин» — вершинное в этом отноше-

[1] Рылеев, Полн. собр. соч., с. 313.

ний произведение, принципиальная удача поэта и в плане идеологическом, и в плане литературном.

Образ автора в стихотворении — это образ гражданина в декабристском понимании этого слова.[1] Он воплощает в себе все высокие добродетели: любовь к отчизне, смелость, целеустремленность, готовность жертвовать собой.

Это и принципиально новый литературный образ. Прежде всего он глубоко лиричен, дан «изнутри». Во-вторых, его чувства, его поведение, как они описаны в стихотворении, вступают в резкое столкновение с чувствами и поведением большинства. Как видно из стихотворения, положение рылеевского героя, сходное с одиноким положением Чацкого, во многом обусловлено действительным одиночеством революционера-патриота в тогдашнем обществе. Примечательно, что добродетели Гражданина уже не соответствовали той литературной традиции, которой руководствовался еще недавно поэт, создавая образы положительных героев-современников («Послание к Гнедичу», «Гражданское мужество» и др.).

Рылеев отходит от обычной для гражданской поэзии 1810—1820-х годов ситуации столкновения и борьбы тиранов с героями или возвышенных поэтов с продажными льстецами («Поэты», «Ермолову» Кюхельбекера, «К временщику», «Послание Гнедичу» Рылеева и многие другие). Та коллизия, которую показал Рылеев в «Гражданине», внешне напоминает конфликт Катона со сторонниками Цезаря («Отрывки из Фарсалии» Ф. Глинки), но в действительности является новой, впервые «нащупанной» Рылеевым и введенной им в поэзию. Лирический образ стихотворения — Гражданин — не столько борется со своими врагами, сколько убеждает возможных союзников. «Изнеженное племя переродившихся славян» — это не «тираны», не «льстецы», не «рабы» и даже не «глупцы». Это юноши с «хладной душой». Холодность, равнодушие ко всему, эгоизм — главные их черты. Это та часть дворянского общества, которую наиболее активные декабристы упорно, но тщетно стремились привлечь на свою сторону. Сочувствовали многие, но вступать в решительную борьбу отваживались одиночки. И это глубоко волновало декабристов, было постоянной темой их разговоров.

А. В. Поджио в своих показаниях рассказывал о приезде летом 1823 года в Петербург князя А. П. Барятинского, который был

---

[1] О декабристской фразеологии, в частности об осмыслении слова «гражданин», см.: В. Гофман, Литературное дело Рылеева. — К. Ф. Рылеев, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1934, с. 41—43.

послан Пестелем к Никите Муравьеву с целью выяснить, «какой успех общества в числе членов, на какие силы он надеется, может ли отвечать за оные».[1] На это Н. Муравьев отвечал ему, «что молодые люди не к тому склонны»,[2] что здесь трудно что-нибудь обещать определенное. Эти «не к тому склонные» молодые люди и были той частью образованного дворянства, которая примыкала к декабристам во время относительного затишья и легализации форм их деятельности (в пору Союза благоденствия), но отходила от движения в период обострения общественных противоречий. Думая о безучастных, «не к тому склонных» молодых людях, Рылеев пишет свое лирическое воззвание. Именно как воззвание восприняли «Гражданина» декабристы. Н. Бестужев говорит, что стихотворение написано «для юношества высшего сословия русского»,[3] а в списке М. Бестужева оно названо «К молодому русскому поколению».[4]

Ставя конкретную политическую задачу в пропагандистском произведении, Рылеев решает ее как художник. Именно благодаря поэтическому воплощению темы ему удалось создать произведение большой обобщающей силы. Оно было вызвано к жизни определенным историческим моментом, но оказалось актуальным для многих поколений русских людей. В стихотворении два образа, противостоящих друг другу: лирический герой, «я», и «изнеженное племя» юношей, пренебрегающих гражданским долгом. Противопоставление этих образов и соотнесенность их с понятиями времени, истории, народа составляют идейный смысл стихотворения и четко выражены во всей его композиции.

Построение «Гражданина» отличается стройностью и логичностью. Каждая из пяти четырехстрочных строф состоит из однотипных в синтаксическом отношении предложений, причем логические, синтаксические и ритмические членения везде совпадают (строфа — законченное предложение, двустишие — отдельная синтагма). Метр стиха — ямб, преимущественно шестистопный, — вызывает ассоциации с торжественными стихами, проникнутыми ораторской интонацией.

Но при всей четкости и традиционности построения, «Гражданин» отличен от стихотворений предыдущего литературного периода. Его интонация — страстная и взволнованная — достигается ритмико-

---

[1] «Восстание декабристов», т. 11, с. 69.
[2] Там же, с. 72.
[3] «Воспоминания Бестужевых», с. 28.
[4] См. «Литературное наследство», № 59, с. 92.

мелодическими приемами (например, колебаниями ритма — чередованием шести-, пяти- и четырехстопных стихов).

«Роковое время», «тяжкое иго», «предназначенье века» — эти слова характеризуют общие, отвлеченные и возвышенные понятия. Наряду с этим Рылеев широко применяет распространенные в вольнолюбивой гражданской поэзии слова-сигналы («гражданин», «иго самовластья», «угнетенная свобода», «отчизна», «народ», «бурный мятеж», «свободные права»). Вместе с тем Рылеев тщательно избегает архаизмов. Использованные славянизмы («праздность», «тяжкий» и др.) — это слова разговорного языка, а эпитет «хладный» был настолько распространен в поэтической речи того времени, что не воспринимался как архаизм. В строении фраз совершенно отсутствуют чуждые русскому языку инверсии. Рылеев пишет в высоком стиле, пользуясь исключительно средствами живого русского языка.

Лексический состав стихотворения ярко характеризует антитеза, проведенная через весь его текст. Она помогает поэту обрисовать две группы образов, противопоставленные в «Гражданине». Так, «кипящая душа» (гражданина) соотносится с «хладной душой» (юношей), рифмуются слова, казалось бы обозначающие несовместимые понятия: «сладострастья — самовластья» (первое возбуждает ассоциации легкой поэзии, второе — политическое слово). Та же антитеза и в рифмах последней строфы: «неги — Риеги». Из обоих рифмующихся слов первое связано с элегической, второе — с политической поэзией.

Лексика «Гражданина» вызывает ряд исторических ассоциаций. Говоря о том, что его современники — это «племя переродившихся славян», Рылеев вводит очень важную для него тему русского прошлого. Образ славянина как носителя героических и патриотических чувств постоянно присутствует в декабристской поэзии. Для Рылеева славянин не просто предок. Это тоже своеобразное слово-сигнал, влекущее за собой представление о национальной доблести, мужестве, суровой простоте нравов, свободолюбии. (Так тема прошлого раскрывается в «новгородских» образах В. Раевского и Кюхельбекера, в думах самого Рылеева, в стихотворениях Н. М. Языкова и В. Н. Григорьева.) Молодые люди — «переродившиеся славяне», эти слова должны были многое сказать читателю. Имена Брута и Риэги также были именами-сигналами. Первое отсылало к античной истории, к теме древних республик и тираноборства, со вторым связана была злободневная в 20-е годы тема испанского восстания. Поставленные в последней строке стихотворения, имена эти особенно запоминались и воспринимались как боевой призыв.

Если тема Гражданина дана в высоком стилистическом ключе, то тема «хладных юношей» стилистически ей противопоставлена. «Нега», «сладострастье», «праздность» — слова, ассоциирующиеся с темами интимной лирики. Ими насыщает Рылеев характеристику «юношей». В первой строфе — «изнеженное племя», во второй — «объятья сладострастья» и «постыдная праздность» (интересно, что первоначально в автографе было: «беспечная праздность», но Рылеев заменил традиционный эпитет своим резко оценочным определением — он судит праздность с позиций гражданских); в последней строфе — «объятья праздной неги», где эти слова нагнетаются. «Сладострастье», «нега» и «праздность» приводят к страшному греху — к «хладности». Повторение эпитета «хладный» в третьей строфе («Пусть с хладною душой бросают хладный взор») [1] концентрирует внимание читателя именно на этой особенности молодого поколения. Борьбе с «хладностью», то есть с современной эгоистической моралью, поэт-декабрист придает столь же важное значение, как некогда обличению тиранов и временщиков.

Можно сказать, что основное противоречие, раскрытое Рылеевым в стихотворении, — противоречие между объективным ходом времени и заблуждениями людей, этого объективного хода истории не понимающих. «Роковое время» — образ, возникающий уже в первом стихе, — развит в последующих строфах стихотворения: «народ, восстав», будет искать «свободных прав» в «бурном мятеже», то есть настанет время неизбежного народного возмущения. Гражданин понимает, куда направлен ход событий, он с историей заодно. Иным будет удел тех, кто не хочет «постигнуть... предназначенье века».

В стихотворении отсутствуют мотивы сомнений, грусти и разочарования, свойственные некоторым другим произведениям Рылеева, а характерная для него тема обреченности («Исповедь Наливайки») переосмыслена. Обреченным оказывается не герой, а те, кто не понимает его, не идет вместе с ним, кому грозит позор и жалкая участь. Поэтому Рылеев не только клеймит их, но и убеждает. В этом агитационный эффект стихотворения. Здесь нет канонизированного конфликта добра со злом. Это скорее конфликт веры

---

[1] Интересно, что в списках М. Бестужева и Н. Бестужева (см. «Литературное наследство», № 59, с. 92) эта строка звучала иначе: «Пусть с хладнокровием бросают хладный взор». Трудно сказать, было ли это ошибкой или «поправкой» переписчиков или более ранним вариантом самого Рылеева. Очевидно, что выражение «хладная душа» в тексте стихотворения звучит куда более выразительно, чем слово «хладнокровие».

с безверием, убежденности с равнодушием. Едва намеченная Рылеевым, тема эта стала ведущей в классической русской литературе.

Впоследствии Герцен с болью писал о людях XIX века, утративших идеалы «все до единого, от распятия до фригийской шапки». Он говорит о «застое», о «китайском сне», в который погрузилось «пречистое мещанство». [1]

Герцен писал о европейцах, но это был больной вопрос и русской жизни. Равнодушные, утратившие веру — это и печальное поколение, изображенное Лермонтовым, и отчасти плеяда «лишних людей», и скептики Достоевского, и рационалисты Л. Толстого. Каждый писатель по-своему трактует безверие, но для каждого из них безверие, равнодушие, холодность — один из опаснейших недугов времени.

Исходя из самой действительности, Рылеев возвысил злободневную политическую сатиру до уровня безупречного художественного произведения, затрагивающего глубочайшие проблемы русской национальной жизни.

Поэзия декабристов никогда еще не поднималась до такой мужественности и силы, которых Рылеев достиг в «Гражданине», как будто поэт накануне 14 декабря ударил в набат, с тем чтобы поднять борцов на битву. Отзвуки «Гражданина» слышались 14 декабря на Сенатской площади. Выходя из дому, декабрист А. М. Булатов говорил своему брату: «И у нас явятся Бруты и Риеги, а может быть, и превзойдут тех революционистов». [2]

Другие стихотворения Рылеева этого периода показывают, как много новых тем поставил он в поэзии, как усложнился и психологизировался образ его лирического героя, сохраняя всю цельность и самобытность образа поэта-борца.

Интересны созданные им лирические образы женщин, а также его любовная лирика последних лет.

Весной 1825 года написано стихотворение «Вере Николаевне Столыпиной», обращенное к дочери Н. С. Мордвинова по поводу смерти ее мужа, сенатора А. А. Столыпина, близкого к декабристским кругам. Это типично декабристское дидактическое стихотворение рисует идеальные образы гражданина и гражданки. Рылеев говорит о высоком общественном предназначении женщины. Он

---

[1] «Концы и начала». — А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 16, М., 1959, с. 178.

[2] М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, Киев, 1906, с. 238.

одним из первых в русской литературе создал образ героини, не уступающей мужчине ни своими гражданскими добродетелями, ни своим личным мужеством. Намеченный уже в думах («Ольга при могиле Игоря», «Рогнеда»), образ этот развит в «Войнаровском», где показана идеальная женщина-гражданка, разделившая со своим мужем и его убеждения, и его участь. Вера Николаевна Столыпина уподобляется великим женщинам прошлого. Она должна подчинить свое личное горе «священному долгу» перед обществом и воспитать своих детей как героев и борцов с «неправдой».

Зимой 1824—1825 годов Рылеевым написан был цикл любовных элегий. Цикл этот явно автобиографичен. Хотя и ранняя лирика поэта несла в себе отзвуки действительно пережитых чувств, она ограничивалась традиционными мотивами тоски в разлуке с возлюбленной или радости обладания. Зрелые стихи Рылеева — это рассказ о неповторимом чувстве, это история любви, радости и горести которой конкретны и индивидуальны. Из элегий Рылеева мы узнаем, как поэт встретился с женщиной, с которой у него поначалу были обычные светские отношения: может быть, легкое кокетство с ее стороны, легкое ухаживание — с его («У вас в гостях бывать накладно. . .»). Но обаяние женщины, частые встречи с ней, общие воспоминания (она родом из тех мест, где раньше жил поэт) и общие интересы поселяют в душе поэта глубокое чувство, с которым он пытается бороться, так как не хочет нарушить свой долг по отношению к другой женщине («В альбом Т. С. К.»). Побеждает чувство: женщина узнает о страданиях героя и награждает его ответной любовью («Исполнились мои желанья»). Но счастье его не может быть ни полным, ни долгим. Любовь осознается как запретная и преступная («Покинь меня, мой юный друг. . .»). Это история чувства разделенного, но вместе с тем несчастливого, это рассказ о сомнениях и колебаниях между влечением к любимой женщине и голосом совести:

Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

Эти сомнения отразились и в последнем стихотворении цикла — «Когда душа изнемогала. . .». Наступившее после размолвок и ссор примирение не дает и не может дать герою счастья. Мысль об обреченности этого чувства уже не покидает поэта.

Весь этот лирический цикл внушен, по-видимому, глубоким увлечением Рылеева некоей Теофанией Станиславовной К.[1] О ней

[1] См. «Литературное наследство», № 59, с. 160—162.

есть туманные сведения в воспоминаниях Н. Бестужева. Т. С. К. — красивая молодая женщина, полька по национальности, обратилась в 1824 году к Рылееву по уголовному делу ее мужа. По словам Н. Бестужева, она произвела на поэта сильное впечатление не только своей красотой и умом, но и свободолюбивыми высказываниями. Рылеев, не избалованный обществом просвещенных женщин, увидел в К. свой идеал.

Хотя Рылеев не достиг в любовной лирике той глубины и психологической тонкости, которую мы видим в произведениях Пушкина или Баратынского, тем не менее в своих стихах он стал выражать подлинные чувства. Но особое восприятие мира поэтом-гражданином проявилось и тут. Страдания влюбленного, на которого сильное воздействие оказывают представления о долге, нравственной чистоте, выполнении взятых на себя обязательств, переплетаются со страданиями гражданина и патриота. Свидетельством этого является замечательное стихотворение «Ты посетить, мой друг, желала...», завершающее, по нашему мнению, любовный цикл 1824 года. В этом произведении любовная тема получила новое и неожиданное освещение. Вся элегия говорит о невозможности личного счастья для героя. Знаменитые слова:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет —

неоднократно цитировались для подтверждения стоической суровости героя, который отвергает все личное ради высокой цели. Но думается, элегия эта отражает более сложное душевное состояние человека.

Героиня далеко не безразлична ему. Он говорит о ней с нежностью и благодарностью. Ее любовь могла бы принести счастье и успокоение. Но этот путь героем отвергается:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

И причина этого вынужденного, но необходимого расхождения — «несходство характеров», мотив, широко распространенный в позднейшей лирике, но совершенно неожиданный в элегии 20-х годов:

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.
Прощаешь ты врагам своим, —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Причина расхождения — не измена возлюбленной, не охлаждение к ней героя, а различие их взглядов на мир, то, что женщина «чужда» устремлениям возлюбленного. Рылеев предъявляет совершенно иные требования к любимой женщине. Вероятно, общность целей могла бы стать залогом прочной и счастливой любви. Отсутствие этой общности не отменяет любовь, но вносит в нее противоречия и страдания.

Сплетение в стихах интимнейших чувств с политическими страстями говорит о смелости и новаторстве Рылеева-лирика. Изображение сложности и противоречивости душевного состояния героя показывает, что психологизм, рефлексия, свойственные позднему романтизму, не минули и декабристской поэзии (ср. элегии Кюхельбекера 20-х годов или стихотворение В. Ф. Раевского «К моей спящей»). И все-таки в поэзии декабристов, и прежде всего в творчестве Рылеева, акцент делается не на борьбе противоречий, из которых нет выхода, а на изображении того пути, по которому следует идти.

6

Особое место в поэтическом наследии Рылеева занимают его агитационные песни, написанные им совместно с А. А. Бестужевым. Свое вступление в Северное общество Рылеев ознаменовал тем, что осенью 1823 года на одном из заседаний тайного общества предложил воздействовать на общественное мнение распространением свободолюбивых и противоправительственных песен. И подобные песни Рылеев стал сочинять сам.

Сатирические и «подблюдные» песни Рылеева и А. А. Бестужева следует рассматривать как наиболее яркое проявление декабристской потаенной поэзии, отмеченное печатью народности. Не следует забывать, что песни эти писались с оглядкой на восстание Семеновского полка.

Об агитационных песнях существует большая литература (работы М. А. Брискмана, Ю. Г. Оксмана, А. Г. Цейтлина и других).

Выяснено, что песни неоднородны как по своему политическому содержанию, так и по степени приближенности их к фольклору, ориентация на который вообще несомненна. Агитационные песни, как правило, или имитируют народные («подблюдные») песни или сочинены «на голос» популярных романсов.

Некоторые из сатирических декабристских песен не рассчитывались на широкую агитацию. Такова песня «Ах, где те острова...», в которой множество собственных имен и намеков, понятных лишь в узком кругу людей.

Особо следует выделить песни Рылеева и Бестужева, созданные для распространения в народе. Это песни «Царь наш — немец русский...», «Уж как шел кузнец...» и «Ах, тошно мне...». Здесь размышления об исторической роли народа, политическая революционность, литературная установка на фольклор и стихийный демократизм «левых» декабристов сливаются воедино, особенно в последней из названных песен.

Песня «Царь наш немец русский...» предназначалась для солдат и написана как бы от их лица. Подобно другим агитационным песням, она дошла до нас в разных вариантах, более кратких и более пространных, с целым рядом подробностей. Однако подробности эти в основном частного характера («Волконский баба Начальником штаба. А другая баба Губернатор в Або. А Потапов дурный Генерал дежурный»), интересные лишь для посвященных. В песне использованы типично фольклорные приемы (песенные повторы, интонации), однако лексика ее не выдержана в народном духе и встречаются слова, не соответствующие солдатской речи («комплименты», «просвещенье»).

Песню «Уж как шел кузнец...» следует выделить особо. В ней царь назван тираном и подлецом, достойным смерти. Оружие мщения — мужицкий нож, взятый из народно-разбойничьих песен. Вместе с царем казни достойны князья и вельможи, попы и святоши. Носителем социального мщения выступает кузнец.

Появление песни «Уж как шел кузнец...» следует поставить в прямую связь с дискуссией в Северном обществе о цареубийстве, она во многом предваряет эту дискуссию, а может быть, является ее отзвуком.

Отклонив анархический план Якубовича «разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу»,[1] Рылеев и Бестужев отвергли и

---

[1] Показания Рылеева Следственному комитету. — «Восстание декабристов», т. 1, с. 188.

его предложение цареубийства из личной мести (Якубович лично ненавидел Александра I, но отказался от плана цареубийства, когда к власти пришел Николай). Однако мысль о цареубийстве как необходимом акте политической борьбы не вызывала сопротивления Рылеева.

В отличие от Никиты Муравьева, Рылеев и Александр Бестужев были сторонниками самых решительных методов борьбы, и сама идея цареубийства их горячо волновала. Когда в ноябре 1825 года, в связи с первой присягой Константину, обсуждался план дальнейших действий, Рылеев был за то, чтобы пойти на крайние меры. «Предполагалось, — говорил Каховский на следствии, — в первых днях по известии о кончине императора, если цесаревич не откажется от престола или если здесь не успеют, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации; сие тоже говорил Рылеев, а барон Штейнгель сказал: лучше перед тем днем захватить их всех у всеночной в церкве Спаса за Золотой решеткой. Рылеев подхватил: „Славно! Опять народ закричит: любо! любо!..“».[1] На заседании тайного общества Рылеев говорил о цареубийстве словами, очень близкими песне «Уж как шел кузнец...»:

А молитву сотворя —
Третий нож на царя.
Слава!

Понятно, что под песней «Уж как шел кузнец...» не могли подписаться умеренно настроенные декабристы вроде Никиты Муравьева и тем более Федора Глинки.

В. И. Штейнгель в своих показаниях довольно точно воспроизвел борьбу внутри Северного общества, которая продолжалась до самого 14 декабря: «Начались частые приезды к г. Рылееву и рассуждения. Я заметил, что Александр Бестужев и Каховский, которого в это только время узнал, были пламенными террористами. Помнится мне, что именно 12-го числа, пришед к Рылееву, я застал Каховского с Николаем Бестужевым, говорящих у окошка, и первый сказал: „С этими филантропами ничего не сделаешь; тут просто надобно резать, да и только...“».[2]

В песне «Уж как шел кузнец...» больше всего ощущается связь с фольклором. Она тоже известна в нескольких вариантах, которые все имитируют песни «подблюдные». В песне Рылеева и Бестужева

---

[1] «Восстание декабристов», т. 1, с. 376.
[2] «Литературное наследство», № 59, с. 235.

сохранен фольклорный припев-повтор «Слава!», использованы и такие фольклорные приемы, как троекратность («три ножа») и последовательное усиление мотива («Первый нож На бояр, на вельмож... Второй нож На попов, на святош... Третий нож На царя»).

Иначе проявилась народность в песне «Ах, тошно мне...». Тут перед нами случай, когда поэты-декабристы идеологически преодолевают расстояние между собою и народом, столь фатальное для всего их движения.

Эта песня — пример наибольшего сближения декабристской поэзии с народом, с народной поэзией по существу, в широком идейно-политическом смысле. Именно народ подсказал поэтам-декабристам эту песню, в народном творчестве следует искать ее основной источник. В солдатской прокламации 1820 года о судебном беззаконии было сказано: «В судебных местах нимало нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия».[1] В песне Рылеева и Бестужева о тех же судебных местах говорится почти языком солдатской прокламации:

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде:
        Без синюхи
        Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Здесь нет стилизации под фольклорную песню, да и написана она «на голос» популярного сентиментального романса Нелединского-Мелецкого. Но, звучащая от лица крестьян, песня эта правдиво и разносторонне рисует народную жизнь «изнутри», изображенную самими крестьянами. И эта народная точка зрения выражена в песне удивительно точно. Народ здесь не идеализирован, он лишен того романтического ореола, которым окружался со времен «Записок русского офицера» Ф. Глинки во всех декабристских произведениях. Народ показан угнетенным, но не сломленным, полным юмора и здравого смысла. Жизнь его показана конкретно, но без излишних деталей, мельчащих картину. Крепостное право («людями, как скотами, долго ль будут торговать?»), барщина, взяточничество судейских, солдатчина, государственные налоги («То дороги, то налоги разорили нас вконец»), засилье кабаков, попы-мироеды — кажется, ни одна существенная сторона народной жизни не оставлена без

---

[1] Цит. по статье: М. Семевский, Волнение в Семеновском полку в 1820 г. — «Былое», 1907, № 2, с. 85.

внимания. И авторы смотрят на эту жизнь не «сверху», из Петербурга, а «снизу», из крепостной деревни. Для них «баре с земским судом и с приходским попом» — высшее начальство и вершители их судьбы.

В песне «Ах, тошно мне...» отсутствуют интонации и фразеология лирических и исторических народных песен, нет ни отрицательных сравнений, ни параллелизмов, ни постоянных эпитетов. А между тем народный характер песни очевиден. Это достигается и языком песни, в котором широко использована простонародная лексика (причем авторы тактично избежали нарочитых просторечий и вульгаризмов), меткие народные выражения, поговорки («По две шкуры с нас дерут: Мы посеем, они жнут», «Без синюхи судьи глухи, Без вины ты виноват» и т. п.). Они придают описаниям ужасов народной жизни некоторый юмористический оттенок. Эта способность народа подсмеиваться над своими угнетателями, стоять выше их больше всего говорит о жизнеспособности народа, о сохранении им чувства собственного достоинства. И хотя в песне не содержится призывов к восстанию, уничтожению царя и вельмож, как в других агитационных песнях, конец ее звучит очень смело, намекая на многое. Вся последняя строфа составлена из народных пословиц и поговорок:

А до бога высоко,
До царя далеко,
        Да мы сами
        Ведь с усами.
Так мотай себе на ус.

Здесь и дерзость, и лукавство, и вера в свои силы, и надежда на лучшее будущее.

Сама попытка писать стихи отдельно для народа и для передовой дворянской молодежи свидетельствует о нормативности декабристской эстетики. Народность понималась ими еще отвлеченно, романтично, подчас как внешняя форма. Песня «Ах, тошно мне...» — не типичное, а исключительное проявление декабристской народности. Показательны воспоминания Н. Бестужева о мечтах Рылеева-революционера сравняться с народом в первом акте борьбы с самодержавием. Утром 14 декабря Рылеев говорил Н. Бестужеву: «Если кто-либо выйдет на площадь, я стану в ряды солдат с сумой через плечо и ружьем в руках». Николай Бестужев заметил, что во фраке этого нельзя делать. Рылеев продолжал: «А может быть, надену русский кафтан, чтобы сроднить солдата с поселянином в первом действии их взаимной свободы». Однако Бестужев и это отсоветовал:

«Русский солдат не поймет этих тонкостей патриотизма, и ты скорее подвергнешься опасности от удара прикладом, нежели сочувствию твоему благородному, но неуместному поступку, к чему этот маскарад?» Выслушав Бестужева, Рылеев задумался и сказал: «В самом деле, это слишком романтично».[1] Декабрист-революционер, готовившийся в день восстания выйти на площадь в простом русском кафтане и с ружьем в руках, и поэт-гражданин, создающий революционные песни для народа в народном, крестьянско-солдатском стиле, — явления параллельные и поясняющие друг друга.

7

14 декабря 1825 года Рылеев вышел на Сенатскую площадь, а вечером того же дня был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Последние месяцы его жизни, которые он провел в заключении, под судом и следствием, — глубоко трагичны во всех отношениях. В первые дни Рылеев растерялся, хотя, казалось, был готов пострадать за свои убеждения и предчувствовал заранее свою трагическую судьбу. Его письма царю и некоторые показания говорят о его сломленности, о том, что дело тайного общества он считал окончательно проигранным. Из всех чувств его ведущим было чувство вины — вины перед товарищами, которых он повел за собой и привел к гибели, перед женой, перед маленькой дочкой, даже перед царем, в справедливость которого на какое-то время Рылеев поверил, как и многие другие декабристы.

Поэтому он постоянно просил царя о милости, особенно к товарищам, так как «они все люди с отличными дарованиями и с прекрасными чувствами».[2] На каком-то этапе следствия Рылеев пытался запираться и отрицать свою вину, когда ему предъявили обвинение в замыслах цареубийства. Но поведение его было непоследовательно и ничем не помогло ему. Позднее стремление винить себя во всем и даже в «заблуждениях» своих товарищей должно было, видимо, морально поддерживать Рылеева.

«Признаюсь чистосердечно, что я сам себя почитаю главнейшим виновником происшествия 14 декабря, ибо . . .я мог остановить оное и не только того не подумал сделать, а напротив, еще преступною ревностию своею служил для других, особенно для своей отрасли, самым гибельным примером. Словом, если нужна казнь для блага

---

[1] «Воспоминания Бестужевых», с. 36—37.
[2] «Восстание декабристов», т. 1, с. 155.

России, то я один ее заслуживаю, и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мне, и все другие чтобы были возвращены их семействам, отечеству и доброму государю его великодушием и милосердием».[1]

Но не только эти показания Рылеева, данные в апреле 1826 года, отражают основное настроение его во время следствия. В каземате Петропавловской крепости поэту приходят на память легенды и предания о христианских мучениках, казнимых цезарями, безжалостно гонимых и преследуемых. И в стихах, обращенных к декабристу Е. П. Оболенскому, свою судьбу и судьбу своих друзей по общему делу поэт осмысляет как один из эпизодов извечного истребления праведников сильными мира сего:

«[И плоть и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать,
Но тщетный страх не должен вас тревожить,]
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
И этим зла вам причинить не может.
Счастлив, кого Отец мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот царствия небесного наследник».

Так в религиозной форме Рылеев отстаивал правоту и святость того дела, которому отдал свою жизнь. В узниках Петропавловской крепости поэт видит служителей высшей нравственности. Он осмысляет свой путь как путь проповедника истины, и хотя «для смертного ужасен подвиг сей, но он к бессмертию стезя прямая».

Рылеев в своей жизни осуществил ту высокую программу романтической поэзии, когда истинный поэт преследуется и гибнет за свои убеждения.

Многие поэты и до Рылеева и после него проповедовали этот идеал мужества и героического самоотвержения, писали о гонении, темнице, плахе. Но немногие могли подтвердить это своей собственной жизнью и деятельностью: одни приспосабливались к обстоятельствам и изменяли себе, другие примирялись и замолкали. Рылееву же суждено было испить до дна самому эту чашу страдания, и как

---

[1] «Восстание декабристов», т. 1, с. 185.

ни ужасна и ни трагична такая судьба, в ней был великий смысл и великий урок для следующих поколений революционеров.

Рылеев погиб 13 июля 1826 года. Надолго исключенный из официальной истории литературы, он не был забыт, и стихи его продолжали широко распространяться. Не только поэзия, но и личность казненного декабриста стала объектом идеологической борьбы. Одни постарались всячески принизить его и показать человеком недалеким, почти ничтожным (Н. И. Греч), другие создали образ идеализированный, рыцаря без страха и упрека (Н. А. Бестужев). Образ, запечатленный декабристами, оказался более жизненным, и таким он вошел в сознание многих поколений.

В середине XIX века в оценках поэзии Рылеева наметилась тенденция к противопоставлению гражданского пафоса художественной значимости его стихов. Взгляд этот проявлялся порой в самых разноречивых мнениях о рылеевском творчестве. Н. И. Греч в старости писал о Рылееве: «Поэтического дарования он не имел и писал стихи негладкие, но замечательные своей желчью и дерзостью».[1] То есть «желчь» и «дерзость» Рылеева здесь выглядят как чисто индивидуальные признаки человеческого характера, никакого поэтического звучания будто бы не имеющие. Сравнивая поэмы Рылеева и Пушкина, Н. Бестужев утверждал, что Рылеев выше «по соображению и ходу», «хотя по стихосложению» «никак не может равняться ни с самыми слабыми произведениями» Пушкина.[2] Раздельное рассмотрение содержания и формы в данном случае шло от признания того, что стихи Рылеева гораздо беднее его «мыслей», «чувствований» и «жара душевного».

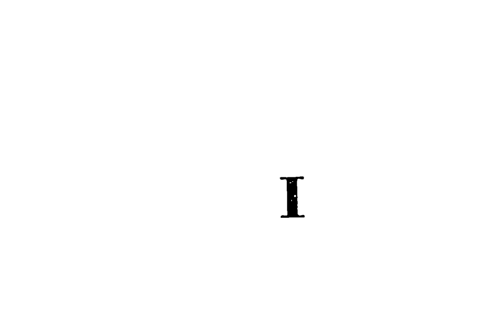
Только советские литературоведы, глубоко и разносторонне исследовав творчество поэта-декабриста, смогли отказаться от мысли о его поэтической неполноценности. Но в нашем представлении утвердилось мнение о каком-то особом литературном пути Рылеева, об исключительной его миссии. В. Гофман, один из интереснейших исследователей творчества Рылеева, утверждал, что главным признаком его поэзии было «ощущение внелитературной цели, как разрешенного так или иначе задания», что эта внелитературная цель, отодвигающая на второй план «признаки слога или жанровые признаки», и определяла исключительное положение Рылеева в литературе его эпохи.[3]

---

[1] Н. И. Греч, Записки о моей жизни, СПб., 1886, с. 366.
[2] «Воспоминания Бестужевых», с. 25—26.
[3] См.: Виктор Гофман. Рылеев-поэт. — Сб. «Русская поэзия XIX века», Л., 1929, с. 31.

Несомненно, Рылеев-поэт обладал оригинальным голосом, однако путь его в истории литературы не был исключительным. Он делал общее дело вместе с другими поэтами и писателями, создававшими в начале прошлого века великую русскую литературу. Мысли о народе и о народности литературы, овладение многообразной жизненной правдой, выражение сложной человеческой личности, ее внутреннего мира, выработка литературного языка — во всех этих аспектах Рылеев работал и оставил свой след. Он проложил путь для больших тем позднейшей литературы, которая всегда стремилась активно вторгаться в жизнь и видела свою цель в том, чтобы улучшать действительность и бороться за справедливость. Она всегда имела эту «внелитературную» цель, и формула Рылеева: «Я не Поэт, а Гражданин» — глубоко органична для русской литературы.

В. Базанов
А. Архипова

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. К ВРЕМЕНЩИКУ

(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны,
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждáн спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!

О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

⟨*1820*⟩

2. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ОДНОГО СТАРОГО ВОИНА, УМЕРШЕГО ОТ КРОВОПУСКАНИЯ

Вот верное изображенье
Того, которого щадили сорок лет
Трехгранные штыки и пули на сраженье, —
Не пощадил его лишь докторский ланцет!

⟨*1820*⟩

3. К ДРУГУ

Не нам, мой друг, с тобой чуждаться
Утех и радостей земных,
Красою милых не прельщаться
И сердцем дорожить для них.
Пусть мудрецы все за химеру
Считают блага жизни сей, —
Не нам их следовать примеру
В цветущей юности своей.

Теперь еще в нас свежи силы
И сердце бьется для любви;
Придут дни старости унылы —
Угаснет прежний огнь в крови,
К утехам чувства онемеют,
Кровь медленней польется в нас,
Все нервы наши ослабеют...
И всё напомнит смерти час!
Тогда, тогда уже не время
О милых будет вспоминать
И сей угрюмой жизни бремя
В объятьях нежных облегчать...
Итак, доколе не промчалась
Быстротекущих дней весна,
Доколь еще не показалась
На наших кудрях седина,
Доколь любовью полны очи
Прелестниц юных нас манят
И под покровом мрачной ночи
Восторг и радости сулят —
Мой друг, в свой домик безопасный,
Когда сну предан Петроград,
Спеши с Доридою прекрасной
На лоно пламенных отрад.

⟨1820⟩

4. К ДЕЛИИ

Опять, о Делия, завистливой судьбою
Надолго, может быть, я разлучен с тобою!
Опять, опять один с унылою душой
В Пальмире Севера прекрасной
Брожу как сирота несчастный,
Питая мрачный дух тоской!
Ничтожной славой ослепленный,
Жилище скромное и неги и отрад,
Жилище радостей — твой дом уединенный,
Безумец, променять дерзнул на Петроград,
Где всё тоску мою питает,
Где сердце юное страдает!

Почто молениям твоим я не внимал?
Почто, о Делия! с тобою я расстался?
Ах! я б теперь с тоскою не скитался,
Но в хижине б твоей с любовью обитал,
В сей хижине, где я узнал тебя впервые!
Где в жизни первый раз, с потоком сладких слез,
В часы для сердца дорогие,
Несмелым голосом *люблю* я произнес!
Где ты мне на любовь любовью отвечала,
Где сладострастие и негу я вкушал...
Где ты в объятиях счастливца трепетала,
Где я мгновения восторгами считал!..
Ах! скоро ли опять из шумной и огромной
Столицы Севера, о мой бесценный друг!
Нечаянно в твой домик скромный
Предстанет нежный твой супруг?..

⟨*1820*⟩

5. СЧАСТЛИВАЯ ПЕРЕМЕНА

Свершилось наконец! Я Лидой обладаю
И за протекшие страдания мои
В награду пламенной любви
Теперь в восторгах утопаю!

Вчера, еще вчера, суровый бросив взгляд,
Надежды Лидинька навек меня лишила
И в сердце юном породила
Любви пренебреженной ад!

В отчаяньи, в тоске, печальный и угрюмый,
В уединение свое я прибежал;
В уме рождались мрачны думы,
Я то немел, то трепетал...

Вдруг слышу милый глас... и зрю перед собою
Младую Лидиньку вечернею порою,
В слезах раскаянья, с любовию в очах,
С улыбкой горестной на розовых устах!

«Прости, что я не доверяла,
Мой милый друг! любви твоей;
Но ныне я тебя узнала,
И предаюсь взаимно ей».

И с сими нежными словами
Вдруг бросилась в мои объятия она
И, страсти пламенной полна,
К моим устам касалася устами;
Огонь любви в очах ее пылал!
В восторгах страстных я и млел, и трепетал,
И Лиду прижимал
К трепещущей груди дрожащими руками!..

⟨1820⟩

6. ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Завеса наконец с очей моих упала,
И я коварную Дориду разгадал!
Ах! если б прежде я изменницу узнал,
Тогда бы менее душа моя страдала,
Тогда б я слез не проливал!
Но мог ли я иметь сомненье!
Ее пленительный и непорочный вид,
Стыдливости с любовию боренье,
И взгляды нежные, и жар ее ланит,
И страстный поцелуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое в часы отрад признанье,
Всё, всё казалось в ней свидетельством любви
И нежной страсти пылким чувством!
Но было всё коварств плодом
И записных гетер искусством,
Корысти низкия трудом!
А я, безумец, в ослепленьи
Дориду хитрую в душе боготворил,
И, страсти пламенной в отрадном упоеньи,
Богов лишь равными себе в блаженстве мнил!..

⟨1820⟩

7. К ДЕЛИИ

Подражание Тибуллу

Почто, о Делия! с коленопреклоненьем
К бессмертным прибегал с напрасным я моленьем?
Почто на алтарях им фимиам курил,
Коль рок тебя ко мне еще не возвратил?
Дерзал ли у богов в своих моленьях скромных
Тибулл испрашивать себе палат огромных,
Иль Крезовых богатств, иль славы и честей,
Иль тучных пажитьми Церериных полей,
Иль стад бесчисленных с обширными лугами? —
Об скромной бедности лишь им скучал мольбами,
Которую б делил всегда с тобою я;
Молил, чтоб при тебе застала смерть меня...
На что сокровища, на что стада мне тучны?
Иль будем боле мы с тобой благополучны
В чертогах мраморных, для коих привезли
Огромны глыбы гор из разных стран земли?
Ах! нет, ни золото, ни ткани драгоценны,
Ни храмины, рукой искусства иссеченны,
Ни в злате блещуща толпа наемных слуг
Нам счастья даровать не в силах, милый друг!
С тобой мне, Делия, и домик мой убогий
Олимпом кажется, где обитают боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Он гонит от себя сует крылатых рой;
И я за миг один, с тобой в нем проведенный,
Не соглашуся взять сокровищ всей вселенной.

О боги! Пусть Тибулл, всех благ земных лишась,
Но только с Делией своей соединясь,
В дому родительском с ней вместе обитает
И вместе с нею же в нем дни свои скончает.

О дщерь Сатурнова! И ты, любови мать!
Дерзаю к вам мольбы усердны воссылать;
Вы с благосклонностью, вам сродной, им внемлите
И Делию навек Тибуллу возвратите.
Но если Парки мне сего не прорекли,
Коль Делии не зреть мне боле на земли,

То пусть сей час сойду в подземные пещеры,
Где сестры лютые безжалостной Мегеры,
В жилище мрачном их тень новую узря,
Улыбкой адскою приветствуют себя.

Острогожск
1820

8

Безделок несколько наш Бавий накропав,
Твердит, что может он с Державиным равняться.
В жару мечтать так Бавий прав!
Но вправе же за то и мы над ним смеяться.

Острогожск
1820

9. ШАРАДА

Часть *первая* моя, от зноя укрывая,
Усталых путников под тень свою манит
И, их прохладой освежая,
С зефиром шепчет и шумит.

Вторая часть моя приводит в восхищенье,
Коль был творцом ее Державин иль Петров;
Когда ж скропал Свистов —
Всех погружает в усыпленье!

А *целое*, заметь, читатель дорогой,
В себе волшебника всю заключало силу,
Посредством коей он прекрасную Людмилу
Похитил дерзостно, в час полночи глухой,
Из брачной храмины в волшебный замок свой.

1820

10. ЖЕСТОКОЙ

Смотри, о Делия, как вянет сей цветочек,
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочком рвет листочек
Суровой осени рука!

Ах! скоро, скоро он красы своей лишится,
Не станет более благоухать;
Последний скоро лист свалится,
Зефир не будет с ним играть.

Угрюмый Аквилон нагонит тучи мрачны,
В уныние природу приведет,
Оденет снегом долы злачны, —
Твой взор и стебля не найдет...

Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой
И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...

Всё изменяется под дланью Крона хладной;
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Под старость к злу родит любовь!

Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

⟨1821⟩

11. НЕЧАЯННОЕ СЧАСТИЕ

(Подражание грекам)

О радость, о восторг!.. Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрел полунагую!
Какое зрелище отрадное очам!
Власы волнистые небрежно распущенны
По алебастровым плечам,

И перси девственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкий стан под дымкою одной,
И полные огня пленительные очи,
И всё, и всё — в часы глубокой ночи,
При ясном свете ламп, в обители немой!
Дыханья перевесть не смея в изумленьи,
На прелести ее в безмолвии взирал —
И сердце юное пылало в восхищеньи;
В восторгах таял я, и млел, и трепетал,
И взоры жадные сквозь дымку устремлял!
Но что я чувствовал, когда младая Лила,
Увидев в храмине меня между столпов,
Вдруг в страхе вскрикнула и руки опустила —
И с тайных прелестей последний спал покров.

1820 или 1821 (?)

12. ПЕРЕВОДЧИКУ «АНДРОМАХИ»

(На случай пятого издания перевода
сей прекрасной Расиновой трагедии)

Пусть современники красот не постигают,
Которыми везде твои стихи блестят;
Пускай *от зависти* их даже не читают
И им забвением грозят!
Не верь зоилам сим: они шипят из праха,
Ни дарования, ни вкус им не даны,
Коль Гермиона, Пирр, Орест твой, Андромаха
Им кажутся смешны...
Хвостов! будь тверд и не страшись забвенья:
Твой славный перевод Расина, Буало,
В награду за труды и дивное терпенье,
Врагам, *завистникам* назло,
Венцом бессмертия венчал твое чело.
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать
И слезы сожаленья
На мавзолей твой проливать.

1821

13. ПУТЬ К СЧАСТИЮ

Сатира [1]

(РАЗГОВОР ПОЭТА С БОГАЧОМ — СТАРИННЫМ ЕГО ЗНАКОМЦЕМ)

П о э т

Придумать не могу, какой достиг дорогой
В храм изобилия, приятель мой убогой?
Давно ли ты бродил пешком по мостовой,
Едва не в рубище, с поникшей головой?
Тогда ты не имел нередко даже пищи,
Был худ, как труженик или последний нищий!
Теперь защеголял в одеждах дорогих;
В карете щегольской, на четверне гнедых
Летишь, как вихрь, и, пыль взвивая за собою,
Знакомым с важностью киваешь головою!
Сияя роскошью владетельных князей,
Твой дом есть сборище отличнейших людей.
С тобою в дружестве министры, генералы,
Ты часто им даешь и завтраки и балы;
Что прихоть с поваром лишь изобресть могла,
Всё в дань со всех сторон для твоего стола...
Меж тем товарищ твой, служитель верный Феба,
И в прозе, и в стихах бесплодно просит хлеба.
Всю жизнь в учении с дней юных проведя,
Жить с счастием в ладу не научился я...
Как ты достиг сего, скажи мне, ради бога?

Б о г а ч

Уметь на свете жить — одна к тому дорога!
И тот, любезный друг, бывал уже на ней,
Кто пользу извлекал из глупости людей;
Чьи главны свойства — лесть, уклончивость, терпенье
И к добродетели холодное презренье...
Сам скажешь ты со мной, узнав короче свет, —
Для смертных к счастию пути другого нет.

П о э т

Хотя с младенчества внимая гласу чести,
Душ мелких ремесло я видел в низкой лести,

---

[1] Сочиненная на польском языке Ф. В. Булгариным.

Но, угнетаемый жестокою судьбой,
И я к ней прибегал с растерзанной душой;
И я в стихах своих назвал того Катоном,
Кто пресмыкается, как низкий раб, пред троном.
И я Невеждину, за то, что он богат,
Сказал, не покраснев: «Ты русский Меценат!»
И если трепетать душа твоя привыкла
В восторге пламенном при имени Перикла,
То подивись! я так забылся наконец,
Что просвещенья враг, невежда и глупец
И, словом, жалкий Клит, равно повсюду славный,
Воспет был, как Перикл, на лире своенравной!
И всяк, кто только был богат иль знаменит,
У бедного певца был Цесарь, Брут иль Тит!
И что ж? достиг ли я чрез то желанной цели?
Увы! я и теперь, как видишь, без шинели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрение и стыд мне принесло!
Что ж до терпения... его, скажу неложно,
Так много у меня, что поделиться можно.
Ко благу нашему, любезный друг, оно
В удел писателям от неба суждено.
Ах, кто бы мог без сей всевышнего помоги
Снести цензуры суд привязчивый и строгий,
Холодность публики, и колкость эпиграмм,
Злость критик, что дают превратный толк словам,
И дерзких крикунов не дельное сужденье,
И сплетни мелких душ, и зависти шипенье,
И площадну́ю брань помесячных вралей,
И грозный приговор в кругу невежд-судей,
И, наконец, гнев тех, которые готовы
На разум наложить протекших лет оковы!
И, словом, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь неприятности и беспокойства зрю;
С терпеньем всё сношу, узреть плоды в надежде,
Но остаюсь без них, как и теперь и прежде.

Богач

По правилам твоим давая ход делам,
Нельзя успеха ждать и зреть плоды трудам.
Искусно должно льстить, чтоб быть льстецом приятным;

К чему приписывал ты добродетель знатным,
Коль ни ее в них нет, ни побужденья к ней!
Как в зеркале себя мы зрим в душе своей,
И мнимых свойств хвала вельмож не восхищает,
Но чаще их краснеть к досаде заставляет;
Не в дружбе жить с тобой ты сам принудишь их,
Но бегать от тебя и от похвал твоих.
Когда же вздумаешь опять за лиру взяться,
То помни, что всегда долг первый твой — стараться
Не добродетели в вельможах выхвалять,
Но слабостям уметь искусно потакать.
Грабителю тверди, что наживаться в моде,
Скажи, что всё живет добычею в природе;
Красы увядшей вид унынием зови;
Кокетку старую — царицею любви.
Кто ж сластолюбия почти погиб в пучине,
Тому изобрази в прелестнейшей картине
Все ласки нежные прелестниц записных,
И их объятия, и поцелуи их,
И чувства пылкие, и негу сладострастья,
Прибавь, что только в нем искать нам должно счастья.
Невеждам повторяй, что просвещенье вред,
Что завсегда оно причиной было бед,
Что наши праотцы, хоть книг и не любили,
Но чуть не во сто крат счастливей внуков жили;
Творца галиматьи зови красой певцов,
Дивись высокому в бессмыслице стихов...
Но чтоб без бед пройти по скользкой сей дороге,
Подчас будь глух и нем и забывай о боге;
У знатных бар шути и забавляй собой,
В день другом будь для них, а в сумерки слугой;
Скрыв самолюбие под маской униженья,
С терпением внимай глас гнева и презренья
И, если вытерпишь и боле что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это к счастью путь!
Располагаясь так, ты будешь всем приятен,
И так богат, как я, и точно так же знатен...

П о э т

Нет, нет! не уступлю за блага жизни сей
Ни добродетели, ни совести моей!

Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающий в порок со струн своих перуны,
Живыми красками, в разительных чертах,
Меня изобразил и выставил в стихах...

Богач

Так думая, мой друг, ты в нищете, конечно,
При прозе и стихах останешься навечно!
Но било семь... прощай! Сенатор граф Глупон
Просил меня к себе приехать на бостон!

Зима или весна 1821

14. А. П. ЕРМОЛОВУ

Наперсник Марса и Паллады!
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —
И, цепи сбросивши панического страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровию земля промокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулися вздремавшие перуны,
Отвсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя все ратники, тебя победы ждут...

Весна 1821

15

Давно мне сердце говорило:
Пора, младый певец, пора,
Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылый,
И смутный сон младой души
На лоне неги и свободы,
И расцветающей природы
Прогнать с заботами в тиши.
Настал желанный час — и с тройкой
Извозчик ухарской предстал,
Залился колокольчик звонкой —
И юный друг твой поскакал. . .
Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как разлилась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада. . .

20 июня 1821

16. ⟨НА РОЖДЕНИЕ Я. Н. БЕДРАГИ⟩

Да будешь, малютка, как папа, бесстрашен,
Пусть пламень гусара пылает в крови;
Как маменька — доброй душою украшен
И общей достоин любви.
Но что я желаю — любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже в колыбели, малютка, с тобой,
Без них — не родится Бедрага.

13 июля 1821

17—18. ⟨*ИЗ ПИСЬМА К Ф. В. БУЛГАРИНУ*⟩

1

Когда от русского меча
Легли моголы в прах, стеная,
Россию бог карать не преставая,
Столь многочисленный, как саранча,

Приказных род в странах ее обширных
Повсюду расселил,
Чтобы сердца сограждан мирных
Он завсегда, как червь, точил...

2

Кто не слыхал из нас о хищных печенегах,
О лютых половцах иль о татарах злых,
О их неистовых набегах
И о хищеньях их?
Давно ль сей край, где Дон и Сосна протекают
Средь тучных пажитей и бархатных лугов
И их холодными струями напояют,
Был достояньем сих врагов?
Давно ли крымские наездники толпами
Из отческой земли
И старцев, и детей, и жен, тягча цепями,
В Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря творцу, Россия покорила
Врагов надменных всех
И лет за несколько со славой отразила
Разбойника славнейшего набег...
Теперь лишь только *при наездах*
Свирепствуют одни исправники в уездах.

Начало августа 1821

19. К К⟨ОСОВСКО⟩МУ

**В ОТВЕТ НА СТИХИ,
В КОТОРЫХ ОН СОВЕТОВАЛ МНЕ
НАВСЕГДА ОСТАТЬСЯ НА УКРАИНЕ**

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!

Кумир младой души —
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак простите вы:
Краса благой природы,
Цветущие сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной, —
Где, горя, и сует,
И обольщений чуждый,
Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;
Где б дни его текли
Под сенью безмятежной
В объятьях дружбы нежной
И родственной любви!

Всё это оставляя,
Пылающий поэт
Направит свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед!
В тревожном шуме света,
Средь горя и забот,
В мои младые лета,
Быть может, для поэта
Она венок совьет.
Он мне в уединеньи,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

Лето 1821

20. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Пр⟨асковье⟩ Тих⟨оновне⟩ Чир — ной

Под тенью миртов и акаций
В могиле скромной сей
Лежит прелестная подруга юных граций:
Ни плачущий Эрот, ни скорбный Гименей,
Ни прелесть майской розы,
Ни друга юного, ни двух младенцев слезы
Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвете лет навеки обрекли
Ее из пламенных объятий
Супруга нежного, детей, сестер и братий
В объятья хладные земли. . .

Лето 1821

21. М. Г. БЕДРАГЕ

На смерть Полины молодой,
Твое желанье исполняя,
В смущеньи, трепетной рукой,
Я написал стихи, вздыхая.
Коль не понравятся они,
Чего и ожидать нетрудно,
Тогда не леность ты вини,
А дар от Аполлона скудной,
Который дан мне с юных лет;
Желал бы я — пачкун бумаги —
Писать как истинный поэт,
А особливо для Бедраги;
Но что же делать? . . силы нет.

Лето 1821

22. ПУСТЫНЯ

(К М. Г. Бедраге)

Бежавший от сует
И от слепой богини,
Твой друг, младой поэт,
Вдруг стал анахорет

И жизнь ведет в пустыне...
В душе моей младой
Нет боле жажды славы,
И шумные забавы
Сменил я на покой.
Безумной молодежи
Покажется смешно,
Что я не пью вино,
Что мне вода дороже
И что я сплю давно
На одиноком ложе,
Но, несмотря на то,
На тихий звук свирели
В уютный домик мой
Вертлявою толпой
Утехи налетели
И весело обсели
В нем все углы, мой друг;
С печалию ж докучной
Сопутник неразлучный,
Томительный недуг
И, дочь мирского шума
Со свитою своей,
Души угрюмой дума
От хижины моей
Стремятся торопливо...
Лишь только боязливо
Задумчивость порой
Заглянет в угол мой,
Покойный и счастливый.

«Оставив шумный свет
И негу сладострастья,
Как мог во цвете лет
Найти дорогу счастья
Твой ветреный поэт?» —
Ты спросишь в изумленьи.
Мой друг! в уединеньи,
Как пышные цветы,
Кипят в воображеньи
Прелестные мечты...
Они волшебной силой

В тени моей немой,
С своей подругой милой —
Фантазией младой,
Меня увеселяют
Чудесною игрой
И сердцу возвращают
Утраченный покой,
Который мне в пустыне
Милее всех даров
Обманчивой богини:
И злата, и чинов,
И шумных пирований,
И ласковых речей,
И ветреных лобзаний
Предательниц-цирцей...

Но ты, мой друг бесценный,
Быть может, хочешь знать,
Как дни мои летят
В Украйне отдаленной.
Изволь: твой друг младой,
Простясь с коварным миром,
С свободою златой,
Душ пламенных кумиром,
Живет в степи глухой,
Судьбу благословляя;
Он с ложа здесь встает,
Зарю предупреждая,
И в садик свой идет
Немного потрудиться,
Взяв заступ, на грядах.
Когда ж устанет рыться,
Он, с книгою в руках,
Под тень дерев садится
И в пламенных стихах
Иль в прозе, чистой, плавной,
Чужд горя и забот,
Восторги сладки пьет.
То Пушкин своенравный,
Парнасский наш шалун,
С «Русланом и Людмилой»,
То Батюшков, резвун,

Мечтатель легкокрылый,
То Баратынский милый,
Иль с громом звучных струн,
И честь и слава россов,
Как диво-исполин,
Парящий Ломоносов,
Иль Озеров, Княжнин,
Иль Та́цит-Карамзин
С своим *девятым томом*;
Иль баловень Крылов
С гремушкою и Момом,
Иль Гнедич и Костров
Со стариком Гомером,
Или Жан-Жак Руссо
С проказником Вольтером,
Воейков-Буало,
Жуковский несравненный,
Иль Дмитриев почтенный,
Иль фаворит его
Милонов — бич пороков,.
Иль ветхий Сумароков,
Иль «Душеньки» творец,
Любимец муз и граций,
Иль важный наш Гораций,
Поэтов образец,
Иль сладостный певец,
Нелединский унылый,
Или Панаев милый
С идиллией своей —
В тиши уединенной
Дарят попеременно
Мечты душе моей.

Но полдень! В дом укромный
Иду; давно уж там
Меня обед ждет скромный;
Приятный фимиам
От сочных яств курится;
Мгновенно возбудится
Завидный аппетит —
И труженик-пиит
За шаткий стол садится...

Потом на одр простой
Он на часок приляжет;
Бог сна, Морфей младой,
Ему гирлянду свяжет
Из маковых цветов,
И в легком сне покажет
Приятелей-певцов...
Они все в Петрополе;
В моей счастливой доле
Лишь их недостает!
Под вечер за работу
Иль в сад, иль в кабинет,
Иль грозно на охоту
С котомкой за спиной
Иду с ружьем — на бой
Иль с зайцами, иль с дичью!
И, возвратясь домой,
Обременен добычью,
Пью ароматный чай...
Вдруг входит невзначай
Ко мне герой Кавказа,
Которого в горах
Ни страшная зараза,
Ни абазех, ни бах,
Ни грозный кабардинец,
Ни яростный лезгин,
Ни хищный абазинец
Среди своих долин
Шесть лет не в силах были
Дух твердый сокрушить...
Непобедимым быть,
Казалося, судили
Герою небеса!
Но вдруг его пленили
Прелестные глаза...
Вздыхая и вздыхая,
Не умер чуть боец;
Но сжалясь наконец,
Красавица младая
И сердце и себя,
Героя полюбя,

С рукой ему вручила
Во храме под венцом;
Но скоро изменила
И молодым певцом
Бойца переменила. . .
Сей отставной майор,
Гроза Кавказских гор,
Привез с собой газеты.
Принявши грозный вид, —
«Почто, — входя, кричит, —
Мои младые леты
С такою быстротой,
О труженик младой!
Сокрылись в безднах Леты?
Война, война кипит!
В Морее пышет пламя!
Подняв свободы знамя,
Грек Оттоману мстит!
А я, а я не в силах
Лететь туда стрелой,
Куда стремлюсь душой!
Кровь тихо льется в жилах
И с каждым, с каждым днем
Всё более хладеет;
Рука владеть мечом
Как прежде — не умеет,
И бич Кавказских стран
Час от часу дряхлеет,
И грозный Оттоман
Пред ним не побледнеет!»
Со вздохом кончив речь,
Майор с себя снимает
Полузаржавый меч
И слезы отирает.
О прошлой старине,
О Сечи своевольной,
О мире, о войне
Поговорив довольно,
Мы к ужину идем;
Там снова в разговоры,
А изредка и в споры,
Разгорячась вином,

Майор со мной вступает,
И Порту и Кавказ
В покое оставляет,
Поэзию ругает
И приступом Парнас
Взять грозно обещает!..
Но вот уж первый час!
Морфей зовет к покою
И старому герою
На вежды веет сон,
Вакх также наступает,
А старость помогает,
И в спальну быстро он,
Качаясь, отступает,
В атаке с трех сторон...

Майора в ретираде
До ложа проводя,
Я освежить себя
Иду в прохладном саде:
Чуть слышный ветерок,
Цветов благоуханье,
Лепечущий поток,
Листочков трепетанье,
И мрак, и тень древес,
И тишина ночная,
Пучина голубая
Безоблачных небес,
И в ней, в дали безбрежной,
Уныла и бледна,
Средь ярких звезд одна,
Как лебедь белоснежный,
Плывущая луна;
И древ и неба своды,
И хижинка моя,
Смотрящиеся в воды
Шумящего ручья,
И лодки колыханье,
И Филомелы глас —
Всё, всё очарованье
В священный ночи час!
Природы красотами

Спокойно насладясь,
Я тихими шагами
В приют свой возвращусь,
Пенатам поклонюсь,
К ним верой пламенея,
И на одре простом
В объятиях Морфея
Забудусь сладким сном...
Так юного поэта,
Вдали от шуму света,
Проходят дни в глуши;
Ничто его души,
Мой друг, не беспокоит,
И он в немой тиши
Воздушны замки строит!
Заботы никогда
Его не посещают,
Напротив, завсегда
С ним вместе обитают
Свобода и покой
С веселостью беспечной...

Но здесь мне жить не вечно,
И час разлуки злой
С пустынею немой
Мчит время быстротечно!
Покину скоро я
Украинские степи,
И снова на себя
Столичной жизни цепи,
Суровый рок кляня,
Увы, надену я!
Опять подчас в прихожей
Надутого вельможи,
Тогда как он покой
На пурпу́ровом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно,
С растерзанной душой,
С главою преклоненной
Меж *челядью златой*,

И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полуцарь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь. . .
. . . .
. . . .
Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,
Корнетов-дуэлистов,
Поэтов-эгоистов
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу,
О срам! о времена!
Поссорились за оду! . .

Лето 1821

23. К С.

Наш хлебосол-мудрец,
В своем уединенье,
Прими благодаренье,
Которое певец
Тебе в стихах слагает
За ласковый прием
И в них же предлагает
Благой совет тишком:
В своей укромной сени
Живи, как жил всегда,
Страшися вредной Лени
И другом будь Труда.

Люби, как любишь ныне,
И угощай гостей
В немой своей пустыне
Бердяевкой своей. [1]
Она печали гонит,
Любовь к себе манит,
К чистосердечью клонит
И сердце веселит.
Что б ни было с тобою,
Ее не забывай,
Разгорячись порою,
Но дома — не сжигай!.. [2]

Лето 1821

24. ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

(Подражание VII посланию Депрео)

Питомец важных муз, служитель Аполлона,
Певец, который нам паденье Илиона
И битвы грозные ахеян и троян,
С Пелидом бедственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора в враждебный греков стан,
И бой и смерть сего пергамского героя
Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя,
И путь открыл себе бессмертья в храм святой!
Не думай, чтоб и ты, пленя всех лирой звучной,
От всех хвалу обрел во мзду своих трудов;
Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками, и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов!
Ах! иногда они в друзьях врагов встречали,
И, им с беспечною вверяяся душой,
У сердца нежного змею отогревали
И целый век кляли несчастный жребий свой...

---

[1] Так прозвал он прекрасную свою наливку, сделанную им по наставлению майора Бердяева, славного гастронома.

[2] Один великий и беспокойный сутяга, лишив многих наследств⟨енного⟩ достояния, угрожал и С—ву отнять у него дом... «Если он это сделает, — сказал мой гостеприимный сосед, — то поверь мне, что я сожгу дом свой; пусть и ему не достанется...»

Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца;
И похвалы друзей, и шум рукоплесканий,
И лавры свежие прекрасного венца —
Всё души низкие завистников тревожит,
Всё дикую вражду к их бедной жертве множит!
Одна, одна лишь смерть гоненья прекратит,
И, успокоясь в мирной сени,
Дань должной похвалы возьмет с потомства гений
И, торжествующий, зоилов постыдит.

Таланта каждого сопутник неизменный,
Негодование толпы непросвещенной
И зависть злобная — его всегдашний враг —
Оспоривали здесь ко славе каждый шаг
Творца «Димитрия», «Фингала», «Поликсены»;
Любимца первого российской Мельпомены
Яд низкой зависти спокойствия лишил
И, сердце отравив, дни жизни сократил.
Но весть печальная лишь всюду пролетела,
Почувствовали все, что без него у нас
Трагедия осиротела...
Тогда судей-невежд умолк презренный глас,
Венки посыпались, и зависть онемела...
Судьбу подобную ж Фонвизин претерпел,
И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную в удел
В стране далекой и суровой.

На трудном поприще ты только мог один
В приятной звучности прелестного размера
Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкруг тебя
Шипит, как черная змея!
И здесь, как и везде, нас небо наставляет;
Мудрец во всем, во всем читает
Уроки для себя:
На лоне праздности дремавший долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,

Ширяясь, как орел, на небеса парит
И с высоты на низ с презрением глядит,
Где клеветой его порочит пустомеля...
Так деспот-кардинал с ученою толпой
Уничижить хотел бессмертного Корнеля,
На «Сида» воружил зоилов дерзкий рой!
«Сид» бранью угнетен, но трагик оскорбленный
Явился с «Цинною» во храме Мельпомены —
И посрамленный кардинал
Смотрел с ничтожными льстецами,
Как гением своим Корнель торжествовал
Над Академией и жалкими судьями!
Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной пери.
И ты примеру следуй их,
И на суждения завистников твоих,
На площаднýю брань и приговор суровый
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль, парящего среди эфирных стран,
В полете карканьем удержит наглый вран?
Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою;
Пускай завистники вокруг тебя шипят!
О Гнедич! Вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи — потомки!
Зачем тревожиться, когда твоих трудов
Не вздумает читать какой-нибудь Вралёв,
Иль жалкий Азбукин, иль Клит-стихокропатель,
Иль в колпаке магистр, или Дамон-ругатель?
Нет, нет! читателей достоин ты других;
Желаю, Гнедич, я, чтобы в стихах твоих
Восторги сладкие поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красе дивилась их,
Чтоб перевод прекрасный твой читали
С воспламененною душой
Изящного ценители прямые,
Хранящие любовь к стране своей родной
И посвященные муз в таинства святые.

Не много их! Зато внимание певцам
Средь вопля дикого должно быть драгоценно,
Как в Ливии, от солнца раскаленной,
Для странника ручей, журчащий по пескам...

Между июнем и декабрем 1821

25

Поверь, я знаю уж, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты...
Твой тусклый взор и томность вида
Отцветшей рано красоты
Мне слишком много объяснили:
Тебя, прелестная, пленили
Любви неясные мечты.
Они, везде тебя тревожа,
В уединение манят
И среди девственного ложа
Отраду слабую дарят,
Лишь жажду наслаждений множа.
Как жертвуешь ты сим мечтам
При свете дня или во мраке ночи,
Почти закрывшиеся очи
Склоняешь с робостью к дверям,
И если юная подруга
Иль кто другой к тебе войдет,
В одно мгновенье от испуга
Румянец нежный пропадет.
Потупишь взор... Несвязность речи,
И твой смущенный робкий вид,
И неожиданность сей встречи
Тебя кой в чем изобличит...
Но ты краснеешь, друг бесценный,
Меня давно ты поняла,
Оставь же сей порок презренный,
Доколь совсем не отцвела...
Беги! беги сего порока,
В мечтах себя не погуби,
Не будь сама к себе жестока,
И хоть меня ты полюби.

1821 (?)

26. ⟨А. А. БЕСТУЖЕВУ⟩

Ты разленился уж некстати,
Беглец Парнаса молодой!
Скажи, что сделалось с тобой?
В своем болотистом Кронштадте
Ты позабыл совсем о брате
И о поэте — что порой,
Сидя, как труженик, в Палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу и покой...
Но тщетны все его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презренное чело,
Как кедр Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Так... сделавшись жрецом Фемиды,
Я о Парнасе позабыл...
К тому ж боюсь, чтоб Аониды
За то, что я им изменил,
Певцу не сделали обиды.
Хоть я и некрасив собой,
Но музы исстари ревнивы.
А я — любовник боязливый...
И вот что, друг мой молодой,
В столице вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое ж молчанье непонятно!..
Драгун ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и приятно
И, приголубив нежных муз,
Их так пленить умел собою —
Что, в детстве соверша союз,
Они вертлявою толпою
Везде порхают за тобою
И не изменят никогда,
Пока ты всем им не изменишь;
Но кажется, что иногда
Ты ласковость их худо ценишь.
Так, например: прошел здесь слух,
Не знаю я, по чьей огласке,
Что будто Мейеровой глазки

Твой возмутили твердый дух,
И верность к девам песнопений
Поработил свободный гений,
Поколебал любви недуг...
А между тем как очарован
Ты юной прелестию глаз,
Пафосских шалостью проказ
К Кронштадту скучному прикован,
Забвенью предаешь Парнас,
Один пигмей литературный,
Из грязи выникнув главой,
Дерзнул взглянуть на свод лазурный
И вызывать тебя на бой.

26 апреля 1822

27. ⟨ЭПИГРАММА НА АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА⟩

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха.

1822 (?)

28. НАДГРОБНАЯ РЫЖКУ

Когда ты одарен чувствительной душою,
Вздохни, прохожий, глубоко:
Под сею насыпью простою,
Увы! лежит Рыжко!
Его завидовали доле
Все лошади окрестных деревень!
И не дождаться им вовек подобной холи!
Бывало, кучеру нет воли
Рыжка кнутом стегнуть за лень;
Ему особенное стойло,
И сена вдоволь и овса,
И в Оредежи ро́скошное пойло...
Работы ж в месяц — *три часа.*

Апрель 1823

29. НА БОЛЕЗНЬ КРЫЛОВА

Нет одобрения талантам никакого:
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

1823

30. ВИДЕНИЕ

*Ода на день тезоименитства
Его императорского высочества
великого князя Александра Николаевича,
30 августа 1823 года*

1

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоеньи:
По сводам неба голубым
Над пробужденным Петроградом
Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом,
Чело величием горит...

2

Но вот с устен царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:
Пред нею отрок златокудрый.
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них,
То, трепеща в восторге, внемлет
Рассказам воинов седых.

3

Румянцев, Миних и Суворов
Волнуют в нем и кровь и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славолюбивых дум.

Проникнут силою рассказа,
Он за Ермоловым вослед
Летит на снежный верх Кавказа
И жаждет славы и побед.

4

Царица тихо ниспускалась,
На легком облаке как дым,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестным правнуком своим;
Но вдруг Минервы светлоокой
Чудесный лик прияв, она
Слетела, мудрости высокой
Огнем божественным полна.

5

К прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой дух пылает бранью,
Ты любишь громкие дела.
Но для полунощной державы
Довольно лавров и побед,
Довольно громозвучной славы
Протекших, незабвенных лет.

6

Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемою мглой;
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

7

Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движеньи сонм царей.
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом;
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем.

8

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

9

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

10

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан.
Будь Антонином на престоле,
В чертогах мудрость водвори —
И ты себя прославишь боле,
Чем все герои и цари».

1823

31. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою бронею,
Чело покойно, стройный стан,
И весь сияет красотою?
Кто сей, украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благотворили им
И там, на стыд ареопагу.

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш и Долгорукой:
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспоривать Петра;

Другой, презревши гнев судьбины
И вопль и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта о́блаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи —
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух и двух Катонов.

Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?

О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье —
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вкруг буря, град, и гром гремит,
И ветр в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

1823

32. ВОСПОМИНАНИЯ

Элегия

Посвящается Н. М. Р⟨ылеев⟩ой

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость, —
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум младых ветвей,
И листьев говорящий трепет, —
Где мы одни с любовию своей
Под ивою ветвистою сидели:
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блестели...
Луны сребристые лучи
На нас, Дорида, упадали
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:
Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.
Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

1823 (?)

33. ⟨НА СМЕРТЬ СЫНА⟩

Земли минутный поселенец,
Земли минутная краса,
Зачем так рано, мой младенец,
Ты улетел на небеса?

Зачем в юдоли сей мятежной,
О ангел чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинул ты?

Сентябрь 1824

34. НА СМЕРТЬ БЕЙРОНА

О чем средь ужасов войны
Тоска и траур погребальный?
Куда бегут на звон печальный
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб средь храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вкруг его кипит
Толпа шумящего народа, —
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит,
Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,
Как будто идут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,

Увянул Бейрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобратит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные армады,
Возникнет новый Карфаген. . .
Но сердца подвиг благородный
Пребудет для души младой
К могиле Бейрона святой
Всегда звездою путеводной.

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет
И гордым внукам гордо скажет:
«Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,
Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он всё под солнцем разгадал,
К гоненьям рока равнодушен,
Он гению лишь был послушен,
Властей других не признавал.
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила.

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой,
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе грек:

„Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады“».

1824

35

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

1824

36. СТАНСЫ

(К А. Б⟨естуже⟩ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,

Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

1824

37. В АЛЬБОМ Т. С. К.

Своей любезностью опасной,
Волшебной сладостью речей
Вы край далекий, край прекрасный
Душе напомнили моей.
Я вспомнил мрачные дубравы,
Я вспомнил добрых земляков,
Гостеприимные их нравы
И радость шумную пиров.
Я вспомнил пламенную младость,
Я вспомнил первую любовь,
Опять воскресла в сердце радость,
Певец для счастья ожил вновь.
Иной подруге обреченный,
Обетам верный навсегда,
Моей Матильды несравненной
Я не забуду никогда.
Она, как вы, была прекрасна,
Она, как вы, была мила,
И так же для сердец опасна
И точно так же весела.

1824 или 1825

38. К N. N.

У вас в гостях бывать накладно, —
Я то заметил уж не раз:
Проголодавшися изрядно,
Сижу в гостиной целый час
Я без обеда и без вас.
Порой над сердцем и рассудком
С такой жестокостью шутя,
Зачем, не понимаю я,
Еще шутить вам над желудком? ..

1824 или 1825

39—40. *ЭЛЕГИИ*

1

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — ночью хладной
Полузавялый василек.

2

Покинь меня, мой юный друг, —
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.

Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

1824 или 1825

41. К N. N.

Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой,
Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой.

Твой голос нежный, взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Сие отрадное участье,
Сие вниманье, милый друг,
Мне снова возвратили счастье
И исцелили мой недуг.

С одра недуга рокового
Я встал и бодр и весел вновь,
И в сердце запылала снова
К тебе давнишняя любовь.

Так мотылек, порхая в поле
И крылья опалив огнем,
Опять стремится поневоле
К костру, в безумии слепом.

1824 или 1825

42. К N. N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Занятья нужны мне иные:
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет, —
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

1824 или 1825

43. ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТОЛЫПИНОЙ

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой,
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

Май 1825

44. БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
　　Любовь к общественному благу!

В чью грудь *порой теснится целый свет*,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
　　Тот славы требует, не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа вертлявых муз,
　　И я вдруг делаюсь поэтом.

1825

45—47. ⟨ *КНЯЗЮ Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ* ⟩

1

Прими, прими, святый Евгений,
Дань благодарную певца,
И слово пламенных хвалений,
И слезы, катящи с лица.
Отныне день твой до могилы
Пребудет свят душе моей:
В сей день твой соимянник милый
Освобожден был от цепей.

21 января 1826

2

Мне тошно здесь, как на чужбине.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию.
Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон:
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

Между январем и маем 1826

3

О милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.

Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос
По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Узрит он край обетованный.

———

Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
Мы подчинять от всей души должны
И мир вещественный и мир духовный.
Для смертного ужасен подвиг сей,
Но он к бессмертию стезя прямая;
И благовествуя, мой друг, речет о ней
Сама нам истина святая:

«[И плоть и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать,
Но тщетный страх не должен вас тревожить.]
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
И этим зла вам причинить не может.
Счастлив, кого Отец мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот царствия небесного наследник».

Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу
И, как орел, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Май или июнь 1826

ДУМЫ

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ МОРДВИНОВУ
С ГЛУБОЧАЙШИМ УВАЖЕНИЕМ
ПОСВЯЩАЕТ СОЧИНИТЕЛЬ

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич[1] о священной цели своих исторических песен (Spiewy Historiczne); эту самую цель имел и я, сочиняя думы. Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий[2] свидетельствует, что на Руси пелись элегии в па-

---

[1] Spiewy Historiczne Niemcewicza. См. Предисловие.

[2] Annales Regni Pol., t. 11, k. 1198. Слово в слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, iak Swadczy Nie-Siecki Herb. IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit».

мять двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это «Рогнеда» и «Олег Вещий». Первая по составу своему более повесть, нежели дума; вторая есть историческая песня (Spiew Historiczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе дум, чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым.

48. ОЛЕГ ВЕЩИЙ

Рурик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напенясь, закипел.

8

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седый Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман —
И пред Леоновой столицей
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно во́йсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась, —
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идем, друзья!» — рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный
К Олегу шлет Леон.

13

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань,
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.

14

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

15

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

16

Народ, узрев с крутого брега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

17

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю Вещего прозванье
Единогласно дал.

1821 или 1822

49. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ

Игорь, сын основателя Российского государства, Рурика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмутившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причла ее к лику святых жен.

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.

С поляны встал седой туман
И всё сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местью злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольный
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
«О князь! — народ ему вещал, —
Чего еще желаешь? . .
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!»

Но князь не внял моленьям сим —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвый!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой!» —

Древлянский князь твердил в лесах. . .
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.

Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь — во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,
И жить в веках достоин!» —
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

1821 или 1822

50. СВЯТОСЛАВ

Святослав, сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарию Дунайскую и битвы с греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил мужество своих воинов следующею речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу голову, делайте что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов; на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над брегом быстрого Дуная:

Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах,
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острову реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на брегах Дуная.
«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая местью,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовый,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнию суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею — конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет! —
Гремел герой на бранном поле. —
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрамим отчизны милой —

И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла, вождя послышав голос, —
И у врага хладела кровь
И дыбом становился волос! ..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавой;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой.
Валились грудами тела,
И грек не раз бежал из боя;
Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!

Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.
О князь, давно истлел твой прах,
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!

Он там, где пыл войны кипит,
Орлом ширяясь перед строем,
Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!
Но что? .. Уж вспыхнула заря! ..
Взгремела пушка вестовая —
И войска Белого Царя
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывной слышен звук!
Меня зовут на пир кровавый...
Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой!..»
Гусар умчался... гром взревел!
Свистя, сшибалися картечи,
И смело строй на строй летел,
Ища с врагами ярой сечи...

Вдруг крови хлынула река!..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил местью.
Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.

1822

51. СВЯТОПОЛК

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил великокняжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 г.). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий разбил его на берегах реки Альты. Святополк бежал из пределов российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, беспрерывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным.*

В глуши богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрём встречался —

Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: «Ты злодей!» —
В глухих отзывах вторят горы.
«Злодей!» — казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои, страдая...
Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятье заслужил
Убийца — брат святого Глеба.

И обитатель той земли,
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним Окаянного прозванье!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детя́м отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрей
От преступленья к преступленью».

1821

52. РОГНЕДА

А. А. В⟨оейково⟩й

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его, и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын, Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко; мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар, но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную, велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он, — ты не один: сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала —
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблистав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

Всё было тихо. . . лишь поток,
Журча, роптал между кустами
И перелетный ветерок
В дубраве шелестил ветвями.
Как месяц утренний, бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,

И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упадали.
Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей, —
Ты всё печальна, ты всё вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать,
Твои мне слезы видеть больно, —
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа».
— «О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть; исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел
Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страною.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли».
Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежный».
— «И так он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья...
О нет! влечет его ко мне —
Одна лишь близость расстоянья!» —

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;

Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завыла!

Лыбедь вскипела меж брегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град, и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молний лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей,
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.

Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая.
«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые громя,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальной Нейстрии поля
И Альбиона край туманный?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни
И нивы храбрых кривичей
Преобратилися в пустыни?

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг младой! —
Вещал ей князь, — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил и кончил дни как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы,
Но в них какой-то огнь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветр порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит беспрерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный, —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...

Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают. . .

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье? . .»
— «На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог, — на мщенье!»
— «Но долг супруги, но любовь? . .»
— «Любовь! к кому? . . к тебе, губитель? . .
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель! . .

Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

Но недовольный. . . местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала. . .
И что ж? . . еще презренья хлад
В очах тирана прочитала! . .

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право? . .
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги! не роптала я
На вас в злосчастиях доныне! . .

Впервые днесь ропщу! . . увы! . .
Почто губителя отчизны

Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом, восклицает. —
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в младые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежный.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром,
Замолкли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и сребре,
Ждала Рогнеда без боязни
На изукрашенном одре
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!» — воскликнул он,
И раздалось везде рыданье, —
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И, быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав, —
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад и пламень льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие и мщенье...
Но вдруг с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: прощенье!

1821 или 1822

53. БОЯН

Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени.* Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов*, говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дво-

ре Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманны услаждали слух свой песнями скальдов.

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-Солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился...

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор! —
Мечтал певец унылый: —
Бояр, князей и витязей собор,
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...

И я, дивяся их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но, может быть, времян губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно..,

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье».

1821

54. МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ

Ф. В. Булгарину

Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили косоги, племя горских черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь Косожский, Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен предложил ему решить распрю единоборством. Мстислав согласился. Произошел бой: Тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым*.

Как тучи, с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожею покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал, как со́сна, на кургане
И громогласно провещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско и народ?
Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!
Иди, Мстислав, сразись со мною:
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага страною
Или отдать ее на щит!»

«Готов!» — князь русский восклицает
И, грозный, стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает
Удалый ясным соколом.
Сошлись, схватились, в бой вступили. . .
Могущ и князь и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат. . . колеблется курган! . .

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся. . . прах летит. . .
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит. . .
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:

ДУМЫ.

Сочиненіе

К. Рылѣева.

Москва.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1825.

Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломят, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,
И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...
Но вот Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая дева! — восклицает: —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою...
Мстислав широкий меч извлек
И, придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

1822

55. МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Ф. В. Булгарину

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его, Георгий Данилович, князь Московский, начал оспоривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасла в сердце Георгия, он не пропускал случая

вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его, Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и, наконец, велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.

Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь был! — говорили
И качали головой. —
Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал! . .»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;

Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор, —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть, —
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем,
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил
И, спокойный, но угрюмый,
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек. . .

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя. . .
Пред иконою святою
Михаил псалом читал;
Вдруг с той вестью роковою
Отрок княжеский вбежал. . .

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах. . .
Ворвалися — и напали. . .
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи. . .

Кровь из язв лилась струею. . .
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья!
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

1821 или 1822

56. ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая или Сарайская Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там, под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие толпы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским.* Димитрий умер в 1389 году.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон! . . настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел

И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали войски, —
За вольность, правду и закон!» —
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков. —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И óкрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов, —
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы, [1]
Димитрий ранен... страшный вид!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!

[1] Выражение летописца.

Велик! — речет, — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

1822

57. ГЛИНСКИЙ

Князь Михаил Львович Глинский некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от татарского князя, выехавшего из Орды во времена в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростию и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 г.) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, передался вел. князю Московскому Василию Иоанновичу, был принят им с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенные услуги при взятии Смоленска (1514 г.). Вел. князь обещал его сделать владетелем сего княжества; но не сдержал слова. Глинский вошел в переписку с Сигизмундом и намерен был ему передаться; его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Вел. князь женился на его племяннице, княжне Елене, дочери брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1527 г.), и кн. Глинский пришел еще в бóльшую силу. По кончине вел. князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы: нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование, он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова его заключили в темницу, где он и умер (в 1534 г.).

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть, где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил, —
Гремевший в Варшаве, Литве и России

Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по вые,
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, виясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды провело...
Сидел он, склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.
Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы? —
Рекла она нежно. — Печали забудь!
Быть может, расторгнешь сии ты железы:
Надежда лелеет и узников грудь!
Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши».

«На лоне отчизны! — воскликнул изменник. —
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен хотя на мгновенье?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире иль грозным в войне:

Богатство, познанья, порода, отвага —
Всё с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел. . .
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Могольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным навстречу
С дружиною храбрых помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напенясь, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державный;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе и громкой и славной
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна, —
Он рек предстоящим, — тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным чрез меру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давно мне враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я внестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть — тиран неотступный!..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан!..

Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья,
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И. русский властитель, смущенный и гневный,
Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

Лет десять живу я в могиле сей хладной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую, угрюмый, в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь хладная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славный,

Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святые гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Идти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья
И совесть от сна пробудят!»

Несчастный умолкнул с душевной тоскою;
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал!..
Так Глинский — муж Думы и пламенный воин —
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

1822

58. КУРБСКИЙ

Князь Андрей Михайлович Курбский, знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В Казанском походе, при отражении крымцев от Тулы (1552) и в войне Ливонской (1560 г.) он оказал чудеса храбрости. В 1564 г. Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца, Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и, наконец, угрожали. Опасаясь погибели, Курбский решился

изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном; а потом еще далее простер свое мщение: забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россиею и возбуждал против нее хана Крымского. Он умер в Польше. Пред смертию сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта, Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился на княгине Дубровицкой, с которою король повелел ему развестися. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на «Деяния св. апостол⟨ов⟩». В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь младой,
В Литве враждебной грустный странник,
Позор и слава русских стран,
В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных россиян,
Гроза ливонцев, бич Казани. . .

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,
И темный лес, шумя кругом,
От блеска молний освещался.
«Далёко от страны родной,
Далёко от подруги милой, —
Сказал он, покачав главой, —
Я должен век вести унылый.

Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани,
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть всё, что мне священно,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах! ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я всё стенаю, и грущу,
И на пирах сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь в думы...

И в хижине и во дворце
Меня глас внутренний тревожит,
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова.
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

Июнь 1821

59. СМЕРТЬ ЕРМАКА

П. А. Муханову

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум *был принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укреплен-

ными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных всельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим, он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,

Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;

С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

60. БОРИС ГОДУНОВ

Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года: тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался боярином и конюшим: титла важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Феодор, сочетался браком с его сестрою, Ириною Феодоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу: он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Феодора Иоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим ему приписывали отдаление от двора родственников царской фамилии (Нагих, кн. Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Димитрия, брата царя Феодора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился ложный Димитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 г.) Годунов умер незапно; полагают, что он отравился. Историки несогласны в суждениях о Годунове: одни ставят его на ряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступным, тираном.

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж брегами;
В нее, гордясь, гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.
Умолк по улицам и вдоль брегов
Кипящего народа гул шумящий.
Всё в тихом сне: один лишь Годунов
На ложе бодрствует стенящий.

Пред образом Спасителя, в углу,
Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
В очах страдальца страшно блещет.

Тут зрелся скиптр, корона там видна,
Здесь золото и серебро сияло!
Увы! лишь добродетели и сна
Великому недоставало!..

Он тщетно звал его в ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
Ему цареубийства повесть?
Пред ним прошедшее, как смутный сон,
Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно предан, он
Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час,
Когда, достичь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
Глас совести, и веры, и закона.
«О, заблуждение! — он возопил: —
Я мнил, что глас сей сокровенный
Навек сном непробудным усыпил
В душе, злодейством омраченной!

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные и сёла;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола.

Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Везде, как неотступный страж, за мной,
Как злой, неумолимый гений,
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений!..
Ах! удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

Взываю я, — но тщетны все мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

Пусть злобный рок преследует меня —
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

О так! хоть станут проклинать во мне
Убийцу отрока святого,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова».
Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
Перенося гонсиье рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.

Скончался он — и тихо приняла
　　Земля несчастного в объятья —
И загремели за его дела
　　Благословенья и — проклятья! . .

1821 или 1822

61. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Читавшим отечественную историю известен странный Лжедимитрий — Григорий Отрепьев. Повествуют, что он происходил из сословия детей боярских, несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Димитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 г.) в Угличе — как говорили, по проискам властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных и, с помощию Сендомирского воеводы Юрия Мнишка, вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер незапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 г.). Но торжество Отрепьева было недолговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделало его ненавистным в народе, а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 г.) произвел заговор, возникло народное возмущение — и Лжедимитрия не стало. Явление сего самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал! . .
Вот идет. . . стоит. . . трепещет. . .
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мещет
Вдоль чертога робкий взгляд!

Не убийца ль сокровенный,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет?..
Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти
Лжедимитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща, он говорит:
«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрыпела дверь!..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дщерь!..

О, молю! избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя!..
Но исчезла у порога;
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь в углу чертога?..
Это Шуйский!.. Я пропал!..»

Так страдал злодей коварный
В час спокойствия в Кремле;
Проступал беспрестанно
Пот холодный на челе.
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал. —
Для тирана нет спасенья:
Друг ему — один кинжал!

На престоле, иль на ложе,
Иль в толпе на площади́,
Рано, поздно ли, но всё же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать

Во дворце, как средь могилы,
И убийцу нажидать».

Сталь нанес — она сверкнула —
И преступный задрожал,
Смерть тирана ужаснула:
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время, —
Простонал он, — но придет,
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я? —
Он воскликнул, ужаснувшись. —
Нет! не погублю себя.
Завтра ж, завтра всё разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

Вместо праотцев закона
Я введу закон римлян;
Грозной местью гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. Преступные надежды
Удалили страх — и он
Лег на пышный одр, и вежды
Оковал тревожный сон.
Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица. . .

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат

Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали;
Храбрый Шуйский впереди —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Всё погибло! нет спасенья,
Смерть прибежище одно!» —
Рек тиран. . . еще мгновенье —
И бросается в окно!
Пал на камни, и, при стуках
Сабель, копий и мечей,
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

1821 или 1822

62. ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Руриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас? . . не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги: —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.

Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок: —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой! —
Вошед, проворчал так сармат молодой. —
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?

За полночь. . . а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому,
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
— «Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи. . . Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?»
— «Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их. . . Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза,

Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг зá другом йдут в молчаньи сарматы;
Всё дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Всё глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Всё в том захолустье и мертво и глухо. . .
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев, —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

1822

63. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетьми малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву, жаловался, но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение, — Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, призвал их на помощь и с лишком четыре года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мирный договор под Белою Церковию; но, несмотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.). Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчизны его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал,
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял, —
В цепях, и грозный и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,

Забытый узник бурей грянет
На притеснителей врагов!

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!
Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

Покроет ржа врагов кольчуги,
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги,
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За всё — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет!..
Но где о вольности мечтаю?
Увы! в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов!»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей,
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрипом дверь отворена, —

И входит, потупляя взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты? — Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек: —
Оковы ль снять? . . о, час блаженный!
О, если б этот час притек!

Или, с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?»
— «О нет! — приветно произносит, —
В душе любви питая жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар».

«Жена Чаплицкого!» — «Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой меч!»

«Мой меч! — Хмельницкий восклицает, —
Жив бог! . . и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет
От блеска мстительных мечей!»
Сребрила дол царица нощи,
В брега волною Днепр плескал,
Опенив удила, у рощи
Нетерпеливый конь стоял.

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся козаков.
«Друзья! — он к храбрым восклицает, —
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
Навстречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!»
И вот сошлися два народа,
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сармат, и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще, разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.
Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!..

И воцарилася свобода
С тех пор в украинских степях,
И стала с счастием народа
Цвесть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — Богом данным
Народа общий глас назвал.

1821

64. АРТЕМОН МАТВЕЕВ

Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с поляками, шведами и татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 г.), убедил запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667). Начальствуя над посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился Петр Великий. Впоследствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу.

С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В дороге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил Российскую историю; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища.

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора,
По клеветам своих злодеев.
Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.

«Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.
Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

Пускай перед царем меня
Чернит и клевета и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух, к добру, как прежде, пылкий.

Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принесть
В дар камни предков гробовые.
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,
Которой только одарен
Муж справедливый и свободный.

Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа,
Не в силах твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею;
Жалею я не о себе,
Я боле о царе жалею.

На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О государь! вняв клевете,
Ты оказал несправедливость.
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О царь! простил как человека.

Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лесть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом.

Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя, —
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного Петра,
Запечатлев невинность кровью.

1822

65. ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными каменьями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честию отпустил в Украйну.

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит. —
Оглася победой славной
Моря Черного брега,

Ты смирил, монарх державный,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною местью
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музы́ка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинный,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепый
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;

Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичный
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожских козаков.

1823

66. ВОЛЫНСКИЙ

Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 году).

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет. . . Но когда
Он всё творит то из тщеславья —
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам,
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Всё в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:

Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к неправде закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках».
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал: «За истину святую
И казнь мне будет торжеством!

Я мнил спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мне врагов коварных злоба?
Я посвящал себя добру
И верен правде был до гроба!»

В его очах при мысли сей
Сверкнула с гордостью отвага;
И бодро из тюрьмы своей
Шел друг общественного блага.
Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да всё для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно закляты́м врагом
Постыдному неправосудью.

1821 или 1822

67. НАТАЛИЯ ДОЛГОРУКОВА

Княгиня Наталия Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой:
Раздастся колокол церковный —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.
Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточеньи;
Мне друг прекрасный и младой
Был дан, как призрак, на мгновенье.
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Всё с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукого спасла
Любовь души своей невинной.

Он жертвой мести лютой пал,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду всё: людей и свет,
И, холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальный,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветр шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой...
Прости последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадный.

1823

68. ДЕРЖАВИН

Н. И. Гнедичу

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии, в 1760 записан был в инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус, все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни... Державин великий живописец... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...» — говорит г. *Мерзляков*.

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблистал огонь во взгляде:
«Что вижу я? .. на сих брегах, —
Он рек, — для севера священный
Державина ль почиет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленный,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,

Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу до́лжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний». [1]

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был, —
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

---

[1] См. «Вельможа», соч. Державина.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных».[1]
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В нечестьи буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить,
Ты памятник воздвигнул вечный, —
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный».[2]
Певец умолк — и тихо встал;
В нем сердце билось, и в волненьи,
Вздохнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок, —

---

[1] См. «Властителям и судиям», его же.
[2] См. Памятник, подражание Державина Горациевой оде: «Exegi monumentum aere perennius. . .».

Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
„Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!“»

1822

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

69. ГОЛОВА ВОЛЫНСКОГО

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Приял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленный!
Волынский тверд был до конца!
Не устрашенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!
С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумьи возопила
И, опершись на трон рукой,
Уныло голову склонила.

«И в шуме пиршеств и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»
— «Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос...
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут;
Как огнь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет,
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет.

Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны;
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты? .. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный:
Там каждый восприемлет мзду,
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шум затих;
На царедворцах мрак угрюмый,
И каждый, глядя на других,
Спешит домой с тяжелой думой.

1822

70. ВЛАДИМИР СВЯТЫЙ

Ни гром побед, ни звуки славы,
Ничто Владимира утешить не могло,
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубийством отягченный,
На светлых пиршествах сидел он одинок
И, тайной мыслию смущенный,
Дичился радостей, как узнанный порок.

Напрасно пение Бояна
И *рокот струн живых* ласкали княжий слух, —
Души не исцелялась рана,
И всё тревожился и тосковал в нем дух!

Однажды он с привычной думой,
На длань склонен главой, уединясь, сидел
И с дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перунов лик глядел.

Вокруг зеленого кургана
Толпами шумными на теремном дворе
Народ кипел у истукана,
Сиявшего, как луч, и в злате и в сребре!..

«Перун! твой лик я здесь поставил, —
Вещал страдалец князь. — Мироправитель бог!
Тебя я всех признать заставил
И дуб, священный дуб перед тобой возжег!

Почто ж не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньем души!
Увы! ужасные мученья
Меня преследуют и в шуме и в тиши.

Молю у твоего кумира:
Предел страданиям душевным положи, —
Пересели меня из мира
Или по-прежнему с веселием сдружи!»

Вдруг видит старца пред собою!
Почтенный, важный вид: спокойствие в чертах,
Брада до чресл седой волною,
Кудрями волосы седые на плечах.

На посох странничий склоненный,
В десной распятие златое он держал;
И в князя взор его вперенный
На душу грешника смятенье проливал...

«Кто ты?» — Владимир с изумленьем
И гласом трепетным пришельца вопросил.
«Посол творца! — он рек с смиреньем, —
Ты бога вышнего делами прогневил...

Ни в Чернобоге, ни в Перуне,
Ни в славе, ни в пирах Владимиров покой;
Его ты, грешник, жаждешь втуне:
Как за добычей вран, так совесть за тобой! . .

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец, ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет Страшный суд!

И суд сей будет непреложен, —
Твое могущество тебя не защитит!
Там раб и царь равно ничтожен —
Всевышний судия на лица не глядит.

Пред ним угаснет блеск короны!
И князю-грешнику один и тот же ад,
Где вечный скрежет, плач и стоны
С рабами низкими властителя сравнят!»

Так говорил пришлец священный,
И пылкий, яркий огнь в глазах его блистал,
И князь, трепещущий, смятенный,
Лия потоки слез, словам его внимал! . .

«О, чем же я избегну ада? . .
Наставь, наставь меня! . . — Владимир старцу рек: —
Из твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притек! . .»

«Крести себя, крести народы! —
В ответ вещал святой, — и ты себя спасешь!
И славу дел из рода в роды
С благословением потомства перельешь!

Тогда не ад, блаженство рая
И вечность дивная тебя, Владимир, ждут,
Где сонмы ангелов, порхая,
Пред троном вышнего твой подвиг воспоют!»

«Крести ж, крести меня, о дивный!» —
В восторге пламенном воскликнул мудрый князь. . .
Наутро звук трубы призывный —
И рать Владимира к Херсону понеслась. . .

На новый подвиг, с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром,
Трепещет Греция и гордые цари! . .

Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел. . .

1822 или 1823 (?)

71. ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

Корабль летел как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И, зарываяся в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревущей бурею сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками шведы, —
Они летели в край родной
С отрадной вестию победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И на́ крест опустивши руки,
На верхней палубе, в мечтах,
Сидел отважный Долгорукий.

Об чем ты думаешь, герой?
Об чем в унынии мечтаешь?

Знать, мыслишь о стране родной
И плен постыдный проклинаешь.
Он говорил: «Родной земли
Уже не зреть страдальцу боле;
Умру, как изгнанник вдали,
Умру с бесславием в неволе.

В печальном плене дни влача
В своей темнице безотрадной,
Я буду таять, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадный;
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаю славой дедов;
Увы! не притупить меча
Тебе об кости грозных шведов.

Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,
И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа Добру,
Творить вельможам укоризны
И правду говорить Петру
Для благоденствия Отчизны.

Ах! лучше смерть в седах валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стенать в цепях
И изнывать без цели годы».
Так пел герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах:
То Готенбург на бреге диком —
И шведы с пламенем в очах
Приветствуют отчизну криком!
Подняв благочестивый взор
И к небу простирая длани,
В слезах благодарит пастор
И бога вод и бога брани.

Вокруг него толпы врагов,
Молясь, упали на колена...
Бушует ветр меж парусов,
Корабль летит, клубится пена.
Катятся слезы из очей
И груди шведов орошают;
Они отцов, сестер, детей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный!
Пусть слава будет нам удел
Иль смертию умрем завидной».
Лилася кровь, сверкал булат,
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

1823

72. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ В РОЖЕСТВЕНЕ

Страшно воет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.

Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты,
Здесь стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом...
Кто ж сидит на черном пне
И, вокруг глядя со страхом,
В полуночной тишине
Тихо шепчется с монахом?

«Я готов, отец святой,
Но ведь царь — родитель мой. . .»
— «Не лжеумствуй своенравно!
(Слышен голос старика.)
Гибель церкви православной
Вижу я издалека. . .
Видишь сам, — уж всё презренно:
Предков нравы и права,
И обычай их священный,
И родимая Москва!

Ждет спасенья наша вера
От тебя, младый герой;
Иль не зришь себе примера:
Мать твоя перед тобой.
Всё царица в жертву богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
В рай иль в ад тебе дорога. . .
Сын мой! слушай чернеца;
Иль отца забудь для бога,
Или бога для отца!»

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя! . .»

1823 (?)

ПОЭМЫ

73. ВОЙНАРОВСКИЙ

Поэма

...Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...[1]

Dante

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Как странник грустный, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.

---

[1] Нет большего горя, как вспоминать о счастливом времени в несчастье. Данте. — *Ред.*

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажем у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз в 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежавшими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его красноречием, употреблял его в переговорах с царем Феодором Алексеевичем, с крымским ханом и с поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Софии князя Василья Васильевича Голицына в Крым в 1687 году, чтоб отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему Самойловичу, отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по проискам Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем война с крымцами не уставала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра по чужим краям счастливо воевал с крымцами и один из первых советовал разорвать мир с шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛѢЕВА.

. . . . . Nessum maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. . . . .
Dante.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

поборником выгод России, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желания, и в 1701 году, когда буджацкие и белгородские татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями козаков, «прежние козацкие обыкновения миновались, — отвечал он депутатам, — гетманы ничего не делают без повеления государя». В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против шведов, и в 1704 году, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю. Петр, плененный его умом, познаниями и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить как ябедников, осмелившихся поносить достойного повелителя козаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: «никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя». В начале 1706 года был он уже изменник.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более чем когда-нибудь в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между козаками неудовольствие против России. Под предлогом, что козаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и в крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не вставал с одра по нескольку дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять, и в то время, как все полагали его близким ко гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию полякам, и отправлял тайных агентов к запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в Рос-

сию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига русских, и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижимой его верности. Между тем шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны; притворные страдания его час от часу усиливались; 22 октября 1708 г. писал он еще к графу Головкину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29, явившись в Горках с 5000 козаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук, в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одною из родственниц Станислава Лещинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к козакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск с тем, чтоб его признали владетельным князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепою. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того как сей последний, во зло употребляя власть свою, обольстил дочь Кочубея и, смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шесть-

десят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткою, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. К⟨орнилович⟩

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его тогда особому покровительству графа Головкина; а в 1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепою под Люблин в усиление Меншикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован: сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности — рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и, чтобы удалить от себя тягостного нажидателя, полковника Протасова, упросил его исходатайствовать лично у Меншикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части козацкого войска к Карлу XII последовали за сим немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою Царства Польского, а Карл дал ему чин полковника шведских войск и по смерти Мазепы назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однако ж Войнаровский потерял блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего досто-

инства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оного, придав Орлику 3000 червонных к имени гетмана и заплатив кошевому 200 червонцев за склонение козаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных каменьев, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и в Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графинею Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. Между тем как счастие ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом по требованию российского резидента Беттахера. Однакож, вследствие протестации венского двора, по правам неутралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как, неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сибири в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с Меншиковым; наконец, ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом,[1] если бы любезный дикарь сей не имел тонкости светской; одним словом, Войнаровский принадлежал к числу тех немногих людей, которых Великий Петр почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века — лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика.

А. Б⟨естужев⟩

---

[1] В Вене называли его графом. *(Примеч. Рылеева.)*

В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт[1] бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;
Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой,
Всё зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынный,
Неся богатый свой ясак,[2]

Лесной тунгуз и с пикой длинной
Сибирской строевой козак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит,
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкою из дому,
В тумане раннею порой,
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной;
В полукафтанье, в шапке черной
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра козак проворный
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.
Вот к западу простер он руки;
В глазах вдруг пламень засверкал,
И с видом нестерпимой муки,
В волненьи сильном он сказал:

«О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать.

Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:

Средь дальной и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать».

Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору,
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседели уж приметно
Его и ус и борода.
Он не варнак[3], смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,
В чело вклейменной палачом.
Но вид его суровей вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он — но так в покое
Байкал[4] пред бурей мрачным днем.
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит, —
Так незнакомца блещут очи.
Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомства не заводит,
На всех сурово он глядит. . .

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер[5] славный:
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,

С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаньям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и козаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов.
Как часто, вышедши из дому,
Бродил по целым он часам
По океану снеговому,
Или по дебрям и горам.
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.
Всё для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климáт жестокий и суровый
И диких нравов простота.

Однажды он в мороз трескучий,
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,
Вдали меж соснами мелькает,
Летит!.. Вдруг выстрел!.. Быстрый бег
Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался — и на снег
Окровавленный упадает.
Смущенный Миллер робкий взор

Туда, где пал олень, бросает,
Сквозь чащу, ветви, дичь и бор,
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длинною в руке,
Окутанный дахою[6] черной
И в длинношерстном чебаке,[7]
Охотник ловкий и проворный...

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наряд
И незнакомца вид унылый —
Всё душу странника страшило.
Но, трепеща в глуши лесной
Блуждать один, путей не зная,
Преодолел он ужас свой
И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.
«Кто б ни был ты, — он так сказал, —
Будь мне вожатым, ради бога;
Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал;
Скажи, где на Якутск дорога?»
— «Она осталась за тобой,
За час отсюда, в ближнем доле;
Кругом всё дичь и лес густой,
И вряд ли до ночи глухой
Успеешь выбраться ты в поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки[8] скудной:
Пойдем — там в юрте до утра
Ты отдохнешь с охоты трудной».
Они пошли. Всё глуше лес,
Всё реже виден свод небес...
Погасло днёвное светило,
Настала ночь... Вот месяц всплыл,
И одинокой и унылый,
Дремучий лес осеребрил
И юрту путникам открыл.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошед в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,

Мрак освещая молчаливый,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы [9] длинной,
То саблю, то конец копья.
Глаз с незнакомца не спуская,
Близ двери Миллер перед ним,
В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник [10] засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытный
С ним о Сибири разговор.
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен, —
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещенье
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину, с тоскою
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой.
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души
Отвесть беседой просвещенной.
При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца
В избытке чувств текли, как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у о́боих сверкали;
Они друг друга понимали;
И, как друзья, в глуши лесной
Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл

И поздний час и сон отрадный,
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я и как сюда попал? —
Так незнакомец продолжал: —
Того до сей поры изгнанник
Здесь никому не поверял.
Иных здесь чувств и мнений люди:
Они не поняли б меня,
И повесть мрачная моя
Не взволновала бы их груди.
Тебе же тайну вверю я
И чувства сердца обнаружу, —
Ты в родине, как должно мужу,
Наукой просветил себя.
Ты всё поймешь, ты всё оценишь
И несчастливцу не изменишь...

Дивись же, странник молодой,
Как гонит смертных рок свирепый:
В одежде дикой и простой,
Узнай — сидит перед тобой
И друг и родственник Мазепы! [11]
Я Войнаровский. Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слыхал не раз с тоской глубокой...
Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу как остов, очи впали,
И на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,
Как вечный узник безотраден,
Я одряхлел, я одичал
И, как климáт сибирский, стал
В своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,

Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей —
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага.

. . . .

И ты печально не гляди,
Не изъявляй мне сожаленье
И так жестоко не буди
В моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странник: я б желал,
Чтоб люди узника чуждались,
Чтоб взгляд мой душу их смущал,
Чтобы меня средь этих скал,
Как привидения, пугались.
Ах! может быть, тогда покой
Сдружился бы с моей душой...
Но знал и я когда-то радость,
И от души людей любил,
И полной чашею испил
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лоне счастья и свободы,
Мои младенческие годы
Ручьем игривым протекли;
Как легкий сон, как привиденье,
За ними радость на мгновенье,
А вместе с нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты.

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем [12] вслед,
С ватагой [13] храбрых гайдамаков, [14]
Искал иль смерти, иль побед.

Бывало, кони быстроноги
В степях и диких и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна. [15]
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган;
И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили
Селения и грады в прах
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.
Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Однажды, увлечен отвагой,
Я, с малочисленной ватагой
Неустрашимых удальцов,
Ударил на толпы врагов.
Бой длился до́ ночи. Поляки
Уже смешалися в рядах
И, строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.
Вдруг слышим крымцев дикий глас...
Поля и стонут и трясутся...
Глядим — со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел, —
Враги всё боле нас стесняли,
И, наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и пустой

Рассыпались и побежали...
Погоню слыша за собой,
И раненый и изнуренный,
Я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный.

Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали,
За рубежом родной страны
Уж хутора[16] вдали мелькали.
Уж в куренях[17] я зрел огонь,
Уже я думал — вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близ границ страны родной
На землю грянулся со мной...

Один, вблизи степной могилы,[18]
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...
Напрасно, помощь призывая,
Я слабый голос подавал;
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.

Всё было тихо... Лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока и бледна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумрак ночи.
Я без движения лежал;
Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом
И зрю: покрытая серпяном,
Козачка юная стоит,
Склоняясь робко надо мною,

И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

О, незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебе,
Назло враждующей судьбе,
И здесь страдальцу упоенье!
Я не забыл его с тех пор:
Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.
Я помню радость девы нежной,
Когда страдалец безнадежный
Был под хранительную сень
Снесен к отцу ее в курень.
С какой заботою ходила
Она за страждущим больным;
С каким участием живым
Мои желания ловила.
Я все утехи находил
В моей козачке черноокой;
В ее словах я негу пил
И облегчал недуг жестокой.
В часы бессонницы моей
Она, приникнув к изголовью,
Сидела с тихою любовью
И не сводя с меня очей.
В час моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтоб ими друга врачевать.
Как часто нежно и приветно
На мне прекрасной взор бродил,
И я козачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь!
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастия пора!
Подругой юной исцеленный,

С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли
И на союз сердец просили
Благословения у них.

Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья
С козачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.
Угрюмый гетман нас любил,
Как дед, дарил малюток милых
И наконец из мест унылых
В Батурин нас переманил.

Всё шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастие мое сокрылось:
Нагрянул Карл на Русь войной —
Всё на Украйне ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий;
Угрюмый с нами, он молчал
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался, —
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.
Однажды позднею порою
Он в свой дворец меня призвал.

Вхожу — и слышу: «Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,
Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украйну».

«Готов все жертвы я принесть, —
Воскликнул я, — стране родимой;
Отдам детей с женой любимой —
Себе одну оставлю честь».
Глаза Мазепы засверкали,
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбежало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
«Я зрю в тебе Украйны сына;
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал.
Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине, —
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков, я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детями и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора.
Я чту Великого Петра;

Но — покоряяся судьбине,
Узнай: я враг ему отныне!..
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решенье,
Успех не верен, — и меня
Иль слава ждет, иль поношенье!
Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем, —
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!»

Началом бед моих была
Сия беседа роковая!
С тех пор пора утех прошла,
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепе предался я слепо,
И, друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблужденьи,
Кипящей ревностью горя, —
Но я в слепом ожесточеньи
Тираном почитал царя...
Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему
И относил то к самовластью,
Что свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой,
Но, ах! вдали страны родной
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень, везде тоска за мною,
Уж гаснет огнь моих очей,
И таю я, как лед весною
От распаляющих лучей.

Душе честолюбивой бремя
Вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача в кручине,
Тая тоску в душе своей,
Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далёко от родных степей...
Почто, почто в битвé кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием иль славой
Я не погиб в родной стране?
Увы! умру в сем царстве ночи!
Мне так сулил жестокий рок;
Умру я — и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал;
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокий ударял.
Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.
Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет
Иль слезы падают из глаз...

«Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная из плена,
В брегах крутых несется Лена,

Когда, гоня волну волной
И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадил,
Я степи кровью обагрил
И свой булат в войне кровавой
О кости русских притупил.

Мазепа с северным героем
Давал в Украйне бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел —
И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепый
Против Петра не устоял!
Разбит, впервые он бежал;
Вослед ему — и мы с Мазепой.
Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,

Едва сидели мы верхом...
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа пред костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине,
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

«О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Настал конец святой борьбе.
Одно мгновенье всё решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой...
Мазепе ль духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,
Когда сражался я с Петром?
Так, Войнаровский, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей:
И Петр и я — мы оба правы:
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей».

Замолкнул он; глаза сверкали;
Дивился я его уму.
Дрова, треща, уж догорали.

Мазепа лег; но вдруг к нему
Двух пленных козаки примчали.
Облокотяся, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо:
«Что нового в стране родной?»

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал: —
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал;
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье!»

В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны
Иль в ней себе воздвигнуть трон, —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,

Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом свободы.

С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжко взволновалась грудь,
Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

В волненьи чувств, тоской томимый,
Я как ребенок зарыдал
И, взявши горсть земли родимой,
К кресту с молитвой привязал.
«Быть может, — думал я, рыдая, —
Украйны мне уж не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня в чужбине утешая,
От грусти будешь врачевать,
Отчизну мне напоминая...»
Увы! предчувствие сбылось:
Судьбы веленьем самовластной
С тех пор на родине прекрасной
Мне побывать не довелось...

В стране глухой, в стране безводной,
Где только изредка ковыль
По степи стелется бесплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдал увенчанный беглец,
И с горстью шведов наконец
В Бендеры к туркам мы вступили.
Тут в страшный не́дуг гетман впал;
Он непрестанно трепетал
И, взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал

И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

«Вот, вот они! .. При них палач! —
Он говорил, дрожа от страху: —
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...
И вот другая! .. Все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут! ..»

То в ужасе порой с одра
Бросался он в мои объятья:
«Я вижу грозного Петра!
Я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С кадильниц вьется фимиам...
Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
„Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!“»

То, трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь.
В страданьях сих изнемогая,
Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал.
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.
В девятый день приметно стало
Страдальцу под вечер трудней;
Изнеможенный и усталый,
Дышал он реже и слабей;

Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку...
К нему я бросился, взял руку, —
Увы! она уже была
И холодна и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрели,
Пот проступал, он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели
И, бросив пылкий взгляд на нас:
«О, Петр! О, родина!» — воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас,
Он вновь упал, главой поникнул,
В меня недвижный взор вперил
И вздох последний испустил...
Без слез, без чувств, как мрамор хладный,
Перед умершим я стоял,
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный и унылый,
Вождя Украйны до могилы
С дружиной шведов провожал.
Козак и швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы! последний долг герою
Чрез силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокий овладел.
Я был уж на краю могилы;
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.
Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел,
Рассеять мрак своей печали.

Но, ах, напрасно! Рок за мной
С неотразимою бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов —
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов...

Уж много лет прошло в изгнанье.
В глухой и дикой стороне
Спасение и упованье
Была святая вера мне.

Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украйне и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что сталось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в беде своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?..
Так я души покой минутный
В своем изгнаньи возмущал
И от тоски и думы смутной,
Покинув город бесприютный,
В леса и дебри убегал.
В моей тоске, в моем несчастье,
Мне был отраден шум лесов,
Отрадно было мне ненастье,
И вой грозы, и плеск валов.
Во время бури заглушала
Борьба стихий борьбу души;
Она мне силы возвращала,
И на мгновение, в глуши,
Душа страдать переставала.

Раз у якутской юрты я
Стоял под сóсной одинокой;
Буран шумел вокруг меня,
И свирепел мороз жестокой;
Передо мной скалы и лес
Грядой тянулися безбрежной;

Вдали, как море, с степью снежной
Сливался темный свод небес.
От юрты вдаль тальник кудрявый
Под снегом стлался, между гор
В боку был виден черный бор
И берег Лены величавой.
Вдруг вижу: женщина идет,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дров едва несет,
Работой и тоской убита.
Я к ней, и что же? .. Узнаю
В несчастной сей, в мороз и вьюгу,
Козачку юную мою,
Мою прекрасную подругу! ..

Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнанье.
О странник! Тяжко было ей
Не разделять со мной страданье.
Встречала много на пути
Она страдальцев знаменитых,
Но не могла меня найти:
Увы! я здесь в числе забытых.
Закон велит молчать, кто я,
Начальник сам того не знает.
Об том и спрашивать меня
Никто в Якутске не дерзает.

И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.

Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальной?
Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец:

Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять:
Мне будто легче становилось,
Я начал реже тосковать.
Но, ах! не долго счастье длилось;
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне судил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей украинки несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежних говорила днях,
О славном дяде, о детях,
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молил напрасно —
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасный!
«Мой друг! — сказала мне она, —
Я умираю, будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! так, мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать».
Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей.
И наконец, вздохнув сильней,

Она с улыбкою приветной
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душной, безотрадной.

Могильный, грустный холм ея
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я порою
На нем в безмолвии сижу
И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.
Всё воскресает предо мною:
Друзья, Мазепа, и война,
И с чистою своей душою
Невозвратимая жена.

О странник! Память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушней смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилой
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милый!
С какою страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила.
С какою живостью об нем
В своем изгнаньи роковом
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль —
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,

В укор судьбине самовластной,
В самом страданьи сохранить.
. . . .[1]
С утратой сей, от бед усталый,
С душой для счастия увялой,
Я веру в счастье потерял;
Я много горя испытал,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Как трус презренный, не искал
Спасенья в смерти самовольной.
Не раз встречал я смерть в боях;
Она кругом меня ходила
И груды трупов громоздила
В родных украинских степях.
Но никогда, ей в очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывал, стремяся в бой,
Что мне Мазепа друг и дядя.
Чтить Брута с детства я привык;
Защитник Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Делами истинно велик.
Но он достоин укоризны:
Свободу сам он погубил —
Он торжество врагов отчизны
Самоубийством утвердил.
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнаньи тяжела;
Мне б смерть отрадою была, —
Но жизнь и смерть я презираю...
Мне надо жить; еще во мне
Горит любовь к родной стране, —
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода!..»
Тут Войнаровский замолчал;
С лица исчезнул мрак печали,
Глаза слезами засверкали,
И он молиться тихо стал.

[1] Строка точек в подлиннике. — *Ред.*

Гость просвещенный угадал,
Об чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной,
В знак дружбы верной, домогильной...

Дни уходили с быстротой.
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.
В пустыне странник просвещенный
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украйне незабвенной,
Как сын Украйны, он мечтал.

Однажды он в уединеньи
С отрадной вестью о прощеньи
К страдальцу-другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропою
Олень пернатою стрелою
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной,
Кров одинокой и простой
С полуразрушенным забором.

«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенье земляков,
И круг друзей с душою ясной,
И мирный дом твоих отцов!» —
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.
Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет.
Он входит в двери. Луч приветный

Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Всё пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
«Всё в запустеньи! — мыслит странник. —
Куда ж сокрылся ты, изгнанник?»
И, думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он, —
И что же видит пред собою?
Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененьи роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

1823—1824

ПРИМЕЧАНИЯ
К ПЕРВОЙ ЧАСТИ ВОЙНАРОВСКОГО

[1] *Юрта* — жилище диких сибирских обывателей. Они бывают летние и зимние, подвижные и постоянные; бывают бревенчатые, берестяные, иногда войлочные и кожаные.

[2] *Ясак* — подать мехами, собираемая с сибирских народов.

[3] *Варнак* — преступник, публично наказанный и заклейменный.

[4] *Байкал* — святое море или озеро, справедливее Ангарский провал, лежит в Иркутской губернии между 51° и 58° северной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая от острова Ферро. Непостоянные ветры, беспрерывные жестокие бури и непроницаемые туманы, особенно в ноябре и декабре месяце бывающие на сем озере, были причиною многих бедствий. Часто во время весьма хорошей погоды ветр неожиданно и мгновенно переменяется, начинается буря, и до того спокойные и светлые воды Байкала подымаются горами, чернеют, пенятся, ревут, и все представляет ужасное и вместе величественное зрелище.

[5] В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер славный.

Миллер. Российский историограф Гергард-Фридрих Миллер родился 7 октября 1705 года в Вестфалии. Первое воспитание получил

он под надзором отца своего, который был ректором Герфордской гимназии. Тогда еще открывалась в юноше склонность к истории. Он любил по вечерам в семейственном кругу рассказывать братьям и сестрам слышанное того утра о греках и римлянах, с жадностию читал жизни великих мужей древности; и когда Петр I проезжал в 1717 году чрез Герфорд, двенадцатилетний Миллер ушел тайным образом босой из отцовского дома, чтоб иметь случай посмотреть на Великого. На 17-м году возраста Миллер отправился в Лейпцигский университет, где довершил свое воспитание под руководством Готтеда, в свое время ученейшего мужа в Германии.

Между тем Петр, окончив войну с Швециею, занялся исключительно водворением просвещения в своем отечестве. Зная, что прежде заведения училищ нужно было образовать учителей, он учредил Академию; и, чтоб достигнуть своей цели, дал ей направление, соответственное своим видам. Все европейские заведения сего рода состоят из ученых людей, которые сочинениями своими обязаны способствовать успеху наук и искусств. С.-Петербургская академия, сверх сей обязанности, имела другую: образование молодых россиян, которые в свою очередь должны были сообщать приобретенные познания своим соотечественникам. Она была светилом, которого благотворные лучи должны были распространяться во все концы России. Президенту ее Блюментросту поручено было вызвать для сего из Германии ученых, и по его-то приглашению Миллер прибыл в Россию.

Петра I не стало, но намерения его исполнялись: Академия открыла свои заседания 16 декабря 1725 года, и Миллер начал свое поприще в России преподаванием латинского языка, географии и истории в верхнем классе академической гимназии. Познания его, рачительность в исполнении возложенной на него обязанности и точное исполнение порученной ему секретарской должности, во время которой он издал три части комментариев, заслужили ему всеобщее уважение. В половине 1730 года Миллер произведен был в профессоры истории и назначен действительным членом Академии.

Скорое его возвышение поселило зависть в людях, которые хотя уступали ему в познаниях, но полагали, что имеют равные с ним права на почести. Чтоб удалиться от неприятностей, Миллер под предлогом домашних обстоятельств поехал в чужие края и во время сего путешествия имел случай оказать услугу Академии, приобретши для нее нового члена, ученого ориенталиста Кера, который положил основание нынешнему Азиатскому минц-кабинету при Петербургской Академии наук.

Новое важнейшее поручение ожидало Миллера по возвращении его в Россию. В это время Петербургская Академия наук предприняла достойный ее труд. Снаряжена была экспедиция для приведения в известность земель, составляющих северную часть Азии. Профессор Делиль де ла-Крокер отправлен был для астрономических наблюдений; Гмелин должен был заняться описанием всего, что касалось до естественных наук, а Миллеру поручено было обратить внимание на географию, древности и историю народов, населяющих Сибирь. Путешествие сие, начатое в феврале 1733 года, продолжалось 10 лет. Не будем следовать за ученым исследователем во время его пути, наблюдать с ним вместе обычаи черемисов и вотяков и

простые нравы телеутов, тунгузов и якутов. Довольно, если скажем, что он вел подробный журнал всему пути, сам заготовлял карты оному, с точным означением местности каждой страны, составлял исторические и географические описания городов, чрез которые проезжал, разбирал архивы оных и тщательно выписывал все, что находил в них для русской истории, срисовывал везде древности, какие ему попадались, и, кроме того, привез кучу замечаний о нравах, языке и вере народов, которых посещал. Сие множество трудов и суровый климат Сибири расстроили его здоровье. Он не мог ехать далее Якутска и больной возвратился в Петербург в 1743 году. Здесь к физическим болезням присоединились нравственные. В отсутствие Миллера сделан был президентом Академии Шумахер, человек познаний ограниченных, не прощавший Миллеру его достоинств. Посредственность ненавидит истинное дарование. Шумахер, с завистью смотревший на возвышение Миллера, еще более вознегодовал на него, когда сей возвратился из Сибири, предшествуемый славою, что кончил столь важное для наук поручение. Миллер за десятилетние труды свои получил вместо награды одни неприятности. Он не оспоривал у других права ползать перед сильными, не искал посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имел право требовать, не унижал дарований своих, изменяя истине, а потому имел многих неприятелей. Тауберт, Теплов и даже великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали внимания, и даже, поверит ли этому потомство, диссертацию о начале русского народа, которую он напечатал на латинском и русском языках и готовился читать в публичном собрании Академии 5 сентября 1743, в день именин императрицы, запретили потому только, что историограф утверждал в ней, будто Рюрик вышел из Скандинавии. Несмотря на сии неприятности, Миллер, любивший науки не из личных видов и движимый любовию к общей пользе, был неусыпен в трудах своих. Казалось, что деятельность его возрастала с препятствиями, какие он встречал на каждом шагу. За работою ученый муж находил утешение от несправедливости людей, которых отзывы не доходили до его кабинета. По званию российского историографа в 1747 г. занимался он составлением сибирской и разными исследованиями по части российской истории и географии, составлял родословные таблицы российских великих князей, исправлял должность конференц-секретаря при Академии и был самым деятельным сотрудником в издании «Ежемесячных сочинений» с 1757 по 1764 год.

Со вступлением императрицы Екатерины занялась в России новая заря на горизонте наук. Заслуги Миллера были наконец уважены. По просьбе Ив. Ив. Бецкого назначен он был в 1763 году директором Московского воспитательного дома, а в 1766, по представлению графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, определен в начальники Московского архива иностранных дел. Никто лучше Миллера не мог исполнить обязанностей, сопряженных с сим местом. Он радовался как дитя, когда получил оное, и по целым суткам проводил в сем хранилище отечественных хартий, занимаясь приготовлением материалов для российской истории и объяснением встречающихся в оной темных мест. Государыня, быв еще великою княжною, знала Миллера и во время пребывания

его в Москве часто призывала его к себе для советов. Миллер был избран Академиею в 1767 году депутатом в Комиссию законов, находившуюся в Москве, и здесь предлагал различные планы для водворения наук и распространения просвещения в России. Когда комиссия переведена была в С.-Петербург, он получил от императрицы позволение остаться в Москве и, кроме архива иностранных дел, занялся по приказу государыни разбором архивов Разрядного и Сибирского приказа. Он работал с утра до ночи, и жалел только, что ему минуло 63 года и он не будет иметь ни времени, ни силы для исполнения ожиданий монархини и соотечественников. В 1775 году Академия поручила ему написать ее историю от самого ее основания. В том году праздновали 50-летнее ее существование. Миллер, единственный из членов, который находился при ее основании, был свидетелем и участником в том, что в ней происходило во все время ее заседаний, и потому лучше всякого другого мог исполнить сие назначение. Окончив сию работу, он занялся по-прежнему извлечениями из архивских бумаг и приготовлениями материалов для русской истории. Необъятный труд сей занимал последние годы его жизни. Иногда для поправления своего здоровья отвлекал он себя поездками в города, лежащие поблизости Москвы; но и тут, чтоб употребить время с пользою, составлял историческое и географическое описание оных. Миллер скончался в 1783 году, имея 79 лет от роду.

Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения. Здесь прибавим только, что нравственные его качества не уступали его познаниям. Миллер знал, что человек, готовящийся к исправлению других, должен сам собою подавать пример, что в писателе добродетельная жизнь есть лучшее предисловие к его сочинениям. Избрав Россию своим отечеством, он любил ее как родной ее сын, всегда предпочитал ее пользу частным выгодам, никогда не жаловался на оказанные ему несправедливости и везде, где мог, старался быть ей полезным. Никогда не унижал он достоинства своего лестью, искательством; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истинного таланта, и даже некоторая застенчивость составляли главные черты его характера. Многие особы, занимавшие после важнейшие места при дворе Екатерины, обязаны ему своим воспитанием. Он охотно помогал советами молодым людям из россиян или иностранным писателям, желавшим иметь сведения по части российской истории. В домашнем быту он служил образцом семейственного счастия, был лучшим супругом, лучшим отцом семейства. Он имел многих врагов, которые, завидуя его славе, старались очернить его в глазах современников; но справедливость восторжествовала: обвинения их, внушенные корыстолюбием, были опровергнуты, и Миллер в конце жизни своей имел утешение видеть, что истинное достоинство найдет всегда защитников и почитателей.

6 *Даха* — шуба вверх шерстью, из шкуры дикой козы.

7 *Чебак* — большая теплая шапка с ушами.

8 *Заимка* — вне города место, занятое под частный дом, или крестьянский двор с огородом и с другими принадлежностями; словом, русская дача или малороссийской хутор.

9 *Пальма.* Так называются в Сибири длинные, широкие и толстые ножи, укрепленные наиболее в березовых, для крепости прокоп-

ченных, ратовищах, обшитых снаружи кожею. С ними якуты, юкагиры и другие северные народы ходят на лосей, медведей, волков и проч.

[10] *Жирник* — ночник с каким-нибудь маслом или жиром, засвечаемый на ночь.

[12] *Хвостовский* (Хвостов, местечко в Киевской губернии, Васильковского уезда), полковник *Симеон Палей*, отважный предводитель заднепровских наездников, родился в Борзне и стал славен подвигами около 1690 года. Под рукою гетмана своего *Самуся* он, как владетельный князь, брал дань с земель по Днестр и Случ, запирал Россию и Польшу от татар, нередко вторгался в орды Буджацкую и Белгородскую и захватил однажды в плен самого салтана. Получал от первых награды, брал от других добычи и выкупы. Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг стен своих. Восстав на поляков за их неправды, он попал в плен, но вырвался из крепкой тюрьмы магдебургской и сторицею заплатил им за свою неволю, разбив поляков под Хвостовым, под Бердичевым и покорившись России. В 1694 году с Мокиевским набежав на турок под Очаковым, не вкладывая сабли в ножны, с черниговским полковником Лизогубом вторгся в орду Буджацкую. Добыча и победа увенчали оба предприятия. Удалые промыслы его над поляками перемежались только тогда, как он громил татар. Он брал и палил польские города и, опустошив край Волыни, овладел Трояновкою. Между тем коварный Мазепа, завистливый к славе, жадный к богатству, недоверчивый к силе Самуся и Палея, своих соперников, старался очернить их в глазах Петра Великого. С наветами представил и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкого и Яблоновского, которые писали, что «Палей вьет себе разбойничьи гнезда в крепостях Ржечи-Посполитой и кормится хлебом, которого не сеял». Мазепа тайно действовал против Самуся и Палея, а они явно воевали Польшу. Первый занял Богуслав, Корсунь, Бердичев; второй взял Немиров и Белую Церковь. Перерезали там шляхтичей и жидов, и всех окружных крестьян подняли на поляков, обещая им права и вечную свободу. Мазепа жаловался на ослушанье, Август просил удовлетворения; Петр повелевал оставить в покое своего союзника, но ожесточенные полководцы делали свое, ничему не внимая. Наконец решился Мазепа известь Палея, как бы то ни было. Окруженный всем своим войском, выступившим тогда на помощь Августу против шведов, сильный собственною властию и милостию царскою, он не смел, однако ж, захватить Палея силою; позвал к себе в гости в Бердичев и за дружескою чашею заковал доверчивого героя в цепи, как это видно из следующих стихов одной песни:

Ой, пье Палий, ой, пье Семен да головоньку клонит,
А Мазепин чура [1] Палию Семену кайданы готовит.

Вслед за сим он отослал его в Батурин, извещая Головина, что Палей оказался явным изменником государю и предался Карлу XII, в надежде через посредство Любомирских получить гетманство в Малороссии. В следующем году он был отправлен в Москву, а оттоле по указу государеву сослан в Енисейск, где целые пять лет то-

---

[1] Чура — слуга.

мился вдалеке от родины и родных, снедаем тоскою бездействия и неволи. Измена Мазепы открыла глаза Петру, и он посреди забот военных вспомнил об оклеветанном Палее и возвратил ему имущество, чин и свободу. Но как земная власть могла возвратить ему здоровье! Однако ж последние дни Палеевой жизни были отрадны для сердца старого воина. Он приехал к войску в день Полтавской битвы, сел на коня и, поддерживаемый двумя козаками, явился перед своими. Радостные клики огласили воздух — вид Палея воспламенил всех мужеством. Старик ввел козаков в дело, и хотя сабля его не могла уже разить врагов, но еще однажды указала путь к победе. Весело было умирать после Полтавского сражения; недолго пережил его и Палей от язв, трудов, лет, несчастий и славы.

В характере сего бесстрашного вождя украинцев видны все черты дикого рыцарства. Открыт в дружбе и жесток в мести. Деятелен и сметлив в войне, которая стала его стихиею, — он не менее был искусен и в распорядке дел гетманских, которые велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложил булаву правления. Когда имя Палеево сторожило границу Заднеприи, татары не нарушали ее покоя, и поляки не смели там умничать. Попеременно вождь и подчиненный, он умел повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; был любим как брат своими товарищами и как отец своими козаками. Когда Мазепа захватил его, то насилу мог взять Белую Церковь, и то изменою мещан. «Умрем тут вси, — говорили козаки Палеевы, — а не поддадимся, коли нет здесь нашего батьки». Враг татар за их грабежи, враг поляков за их утеснения — он в обоих случаях был полезен России, хотя не вполне исполнял ее требования, как воспитанник необузданной свободы. Сын сего неустрашимого воина по неотступной просьбе старшин Белоцерковского полка заступил его место.

[13] *Ватага* — малороссийское слово, имеет следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитак — шайка разбойников (Котляревский).

[14] *Гайдамак* — иногда удалец, иногда разбойник; слово сие, как видно из его корня, взято с татарского языка и в собственном смысле значит бродяга или беглец; посему гайдамаки в Малороссии значат то же, что *ускоки* у славян иллирийских.

[15] *Толокно* — мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в чумакованьи, то есть в поездках за рыбою и солью, малороссияне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они кулиш. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь и всем кошем, т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варит для них так называемый кашевар. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих, как звездочки, в разных расстояниях на гладкой необозримой равнине.

[16] *Хутор* — небольшая деревушка, часто один дом, стоящий среди поля или в лесу, в стороне от жилых мест. Обыкновенно почти таковые хутора строятся при яругах, лесистых оврагах или под прикрытием чапыжника (дробнолеска).

[17] *Курень* — хижина или землянка, в каковых и поныне еще живут многие черноморские козаки. Несколько таковых куреней состоят под ведением куренного, или старшины, назначаемого от начальства.

[18] *Курганы* — высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывавших у малороссиян с всегдашними их врагами татарами, и во время отторжения их от Польши, с поляками; в таковых курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежд, отломки орудий, старинные монеты, сткляницы и т. п. Иногда же целый ряд таковых курганов, идущий на далекое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с Ордою крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской.

74. НАЛИВАЙКО

⟨*Отрывки из поэмы*⟩

⟨1⟩. КИЕВ

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

Как всё изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с брегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.
Среди хазар и печенегов
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов,
Народам диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней —
Всё Русь утратила постыдно
Междоусобием князей:
Дворцы, сребро, врата златые,
Толпы граждан, толпы детей —
Всё стало жертвою Батыя;
Но Гедимин нанес удар:
Прошло владычество татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой
Стоит, как памятник надгробный
Над угнетенною страной!

⟨2⟩. ВЕСНА

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Всё отрясает зимний сон:
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкий,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкий
Благоуханьем напоен.

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад;
Поляк, еврей и униат
Беспечно, буйственно пируют,
Все радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуют,
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы,
Что за весна — весна рабов;

Им чужды все красы природы,
В душах их вечный мрак гробов.
Печали облако не сходит
С их истомленного лица;
На души их, на их сердца
Всё новую тоску наводит.
Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны, —
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,
Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей.

‹3›

Но Наливайко всех сильней
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на́ сердце таит;
Родных, друзей, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отрадно, сладко там,
Он грусть душевную отводит
В беседе там с самим собой
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит.

‹4›

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —

Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

⟨5⟩. СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКОГО СТАРОСТЫ

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь бурный, конь летит.
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт,
Как облако, вослед несется...
Летит... привстал на стременах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит и торопит...

Как точка, перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И наконец на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной,
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной...

Козак коня быстрей погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою.

Летит, как ястреб, витязь вслед;
Коня измученного колет

Литвинка. VI
Отрывокъ!

С пищалью ~~[illegible]~~ шашкой и кинжалом,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамакѣ вороном
По степи мчится Нилибайка.
Какъ вихорь бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьются,
Густая пыль изъ подъ копытъ
Какъ облако за нимъ несется.
Летитъ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманѣ дальнемъ взоры тонутъ ~~[illegible]~~,
Узрѣлъ — и ярость въ очахъ
Конь ~~[illegible]~~ и искры [illegible]...

Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ,
Вотъ отдѣлилось отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ...
И наконецъ, на вышинѣ,
[illegible], съ [illegible] пустынной,
Вдругъ показался на конѣ
Красивый всадникъ въ пикѣ длинной...

Казакъ коня быстрѣй погналъ,
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ — почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпилъ ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младаго Ляха подъ собою.
~~[illegible]~~
~~Освободить [illegible] стремя [illegible],~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
Летитъ конь, какъ вѣтеръ, Витязь въ сѣдлѣ,
Конь издыхающаго колетъ
Или въ ребро, или въ хребетъ,
И съ дальнихъ горъ его нагонитъ
Напрасно ногу бѣдный Ляхъ
Освободить изъ стремя рвется;
Летитъ, [illegible] черный прахъ,
[illegible] [illegible] [illegible]

Или в ребро, или в хребет
И в дальный бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...

⟨6⟩

«Ты друг давно мне, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь к родному краю
Я уважал, я чтил всегда;
Ты ненавидишь, как злодеев,
И дерзких ляхов и евреев:
Но ты отец, но ты супруг,
А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх,
Все пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный лях
Ругается над козаками».

«Ты прав, мой друг, люблю родных,
Мне тяжко видеть их в неволе,
Всем жертвовать готов для них,
Но родину люблю я боле.
Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит, —
Нередко дума сердце мучит,
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь, —
Тогда, тогда святая Русь
Навек страною будет плача».

⟨7⟩

Протяжный звон колоколов
В Печерской лавре раздавался;
С рассветом из своих домов
Народ к заутрене стекался.

Один, поодаль от других,
Шел Наливайко. Благовенье
К жилищу мертвецов святых
И непритворное смиренье
В очах яснели голубых.
Как чтитель ревностный закона,
К вратам ограды подойдя,
Крестом он осенил себя
И сделал три земных поклона.
Вот в церкви он. Идет служенье,
С кадильниц вьется фимиам,
Сребром и златом блещет храм,
И кротко-сладостное пенье
Возносит души к небесам.
В углу, от всех уединенно,
Колени преклоня смиренно,
Он стал. В богатых жемчугах
Пред ним Марии лик сияет;
Об угнетенных земляках
Он к ней молитвы воссылает;
Лицо горит, и, как алмаз,
Как драгоценный перл, из глаз
Слеза порою упадает.
Так для него прошло семь дней;
[Часов молитв не пропуская,
Постился он. И вот страстная.]

⟨8⟩. ИСПОВЕДЬ НАЛИВАЙКИ

«Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный. . .

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу, —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я нá душу принять готов.

Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным:
Козак в союзе с ляхом был
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но всё исчезло, как призра́к.
Уже давно узнал козак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит, и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, ка́к тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный, —
Пора губить врагов Украйны!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.

Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

⟨9⟩

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Полк за полком безбрежной степью
Иль тянутся лесистой цепью,
Или несутся на рысях.
По сторонам на скакунах
Гарцуют удальцы лихие:
То быстро, как орлы степные,
Из глаз умчатся, то порой,
Дразня друг друга, едут тихо,
То вскачь опять, опять стрелой —
И вдоль полков несутся лихо.

Вослед за войском идут вьюки.
Свирелей, труб, суремок звуки,
И гарк летящих удальцов,
И шум и пенье козаков, —
Всё Наливайку веселило,
Всё добрым предвещаньем было.

«Смотри, — он Лободе сказал, —
Как изменилось всё. Давно ли
Козак с печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы,
Бессмертна к родине любовь, —
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь».

⟨⟨10⟩· МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ⟩

Ты зришь, о боже всемогущий!
Злодействам ляхов нет числа;
Как дуб, на теме гор растущий,
Тиранов дерзость возросла.
Я невиновен, боже правый,
Когда здесь хлынет кровь рекой;
Войну воздвиг я не для славы,
Я поднял меч за край родной;
Ты лицемеров ненавидишь,
Ты грозно обличаешь их;
Ты с высоты небес святых
На дне морском песчинку видишь;
[Ты проницаешь, мой творец,
В изгибы тайные сердец.]

⟨11⟩

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин и оба стана
Обвиты саваном тумана.

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные поляки;
Их души яростные ждут,
Как праздника, кровавой драки.
Одни врагов своих клянут,
Другие спорят, те поют,
Тот, богохульствуя, хохочет,
Тот хвалится лихим конем,
[Тот] саблю дедовскую точит
И дерзостно над козаком
Победу землякам пророчит.
В кунтуше пышном на ковре
Жолкевский спит в своем шатре.

‹12›. СОН ЖОЛКЕВСКОГО

Над ним летает чудный сон:
В Варшаве площадь видит он;
На ней костер стоит, чернея;
В средине столб; палач, бледнея,
Кого-то в саване влечет;
Вослед ему народ толпами
Из улиц медленно идет
И головы свои несет,
Окровавленными руками
Подняв их страшно над плечами.

Вот неизвестный с палачом
К костру подходит без боязни;
Взошли... безмолвие кругом...
Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспылал,
И над высокими домами
Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:
«Свершилось всё... на вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий.
Погиб, но он погиб за братий».
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал
И, головы бросая в пламень,
Назад в стенании бежал
И упадал на хладный камень.
Всё тихо... Только кровь шумит...
Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... вдруг зрит,
Что он в волнах кровавых тонет.
Душа невольно обмерла;
Сон отлетел; в шатре лишь мгла,
Но он, но он еще не знает,
Чтó в крупных каплях упадает —
Иль кровь, иль пот с его чела...

Меж тем, потопленный в туманах,
Козацкий табор на курганах
Спокойно дремлет вдоль реки;
Как звезды в небесах пустынных,
Кой-где чуть светят огоньки;
Вкруг них у коновязей длинных
Лежат рядами козаки.
Напрасно Тясмин быстры воды,
Шумя, в очеретах струит,
Напрасно, вестник непогоды,
Ветр буйный по степи шумит:
Спят сладко ратники свободы,
Их сна ничто не возмутит...

1824 — начало 1825

75. ГАЙДАМАК

⟨Отрывок из поэмы⟩

Осенней ночью, близ кургана,
В степи глухой у огонька,
Сидят одни во мгле тумана
Два запорожских козака.
Напрасно зоркие их очи
Сквозь черный мрак угрюмой ночи
Чего-то ищут в дальной мгле;
Вотще они к сырой земле
Свое прикладывают ухо, —
Кругом всё сумрачно и глухо;
Молчит река, безмолвен лес,
Ни звездочки среди небес.
Объята черной пеленою,
Как будто вся природа спит,
Лишь, налетая, ветр порою
Сухой ковылью шевелит,
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле...

«Где запоздал он? .. Уж пора
Ему примчаться. От Днепра
Тут недалёко... Конь надежной:
С ним и в такую ночь никак
С дороги сбиться невозможно;
Удал отважный гайдамак!
Пусть ночь, удвоя черный мрак,
На степь унылую наляжет, —

Козак всегда козак: ему
На Запорожие сквозь тьму
Пустынный ветер путь укажет...

Не подстерег ли удальца
В глуши татарин кровожадный?
Ну что ж? Пусть так, — у молодца
Булат с пищалью семипядной.
И в ясный день и в час ночной
Он сам нередко с самопалом
Стрежет врагов в траве густой
Иль рыщет по степи шакалом...

Я хорошо тот помню день,
Когда пришел он в наш курень
И клятву дал быть гайдамаком,
За Сечь свободную стоять
И вечно ненависть питать
И к хищным крымцам и к полякам.
Непринужденный разговор,
Движенья, поступь, гордый взор,
Черты, жупан — всё род высокий
Изобличало в пришлеце;
Прекрасен гость был черноокий,
Всё нас пленяло в молодце;
Но зрелся след тоски глубокой
На молодом его лице...

Все, полюбя его, ласкали,
Шутили с ним средь шумных игр;
Но разогнать его печали
Не мог никто... Как юный тигр
На всех глядел, нахмуря брови,
Был дружбы чужд, был чужд любови.
Летал в пустынях на коне,
И, увядая в тишине,
Он рвался в бой, он жаждал крови...

Сбылось желанье: саранчой
Мы понеслися под Очаков;
И удальством пришлец младой
В грязь затоптал всех гайдамаков.

Суров, и дик, и одинок,
Чуждаясь всех, всегда угрюмый,
И ныне бродит, как порок,
В местах глухих он с тайной думой.
Печаль, как черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожит
Его повсюду и всегда;
Ничем, нигде и никогда
Ее рассеять он не может.

Ему несносна тишина;
Без крови вражеской, без боя,
Он будто чахнет средь покоя;
Его душе нужна война:
Опасность, кровь и шум военный
Одни его животворят
И в буре битв покой мгновенный
Душе встревоженной дарят.
Толпой и крымцы и поляки
Не раз гонимы были им;
Как божий гнев, ужасны с ним
В набегах бурных гайдамаки...

В нем не волнуют уже кровь —
Младых украинок любовь
И верной дружбы глас приветный;
Давно он ко всему приметно
Остыл бесчувственной душой,
В нем веет холод гробовой:
Она, как хладная могила,
Его все блага поглотила...

Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе
Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Чтобы хотя на миг единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.

Однажды только, уверяли,
В нем очи радостью сверкали:
То было в замке богача,
Убитого им на Волыни,
Где превратил он всё в пустыни,
Как, гнев небесный, саранча;
Где кровь ручьями лил он хладно,
Где всё погибло беспощадно
Иль от огня, иль от меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ног лежал магнат:
В грудь старца, воплям не внимая,
Вонзил он с хохотом булат...»

Так говорили меж собою
Про гайдамака-молодца
Два заднепровских удальца...
Меж тем уж начал за рекою
Мерцать на дальнем небе свет,
А запорожца нет как нет.
Несется ночь... и вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травою
Передрассветный ветерок;
Уж погасает огонек,
И вьется тонкою струею
Во мгле редеющей дымок...

Вдруг конский топот раздается,
Как шум глухой, издалека;
Вот громче, ближе... вот несется
Конь вороной без седока.
Вот за могилою степною
Своих товарищей узнал,
Помчался к ним, летит стрелою
И, подбежавши, вдруг заржал,
Запрял ушами и упал
Почти недвижный, бездыханный...
По шее кровь бежит из раны.
Расколот рыцарский сайдак,
И безобразными клоками,

Обрызган кровью, меж ногами
Висит разорванный чепрак...

Но где же грозный гайдамак,
Краса и слава вольной Сечи?
Погиб... но где, когда, и как,
И при какой враждебной встрече?
Быть может, дерзкою толпой
В глуши захваченный в неволю,
В темнице душной и сырой
Клянет в цепях свою он долю;
Иль, крымским хищником убит,
В степи пустынной он лежит,
И уже волк во мраке ночи
Терзает труп среди травы,
И из козацкой головы
Орел выклевывает очи...

Конец 1824 — начало 1825

76. ПАЛЕЙ

⟨Отрывок из поэмы⟩

Не тучи солнце обступали,
Не ветры в поле бушевали:
Палея с горстью козаков
Толпы несметные врагов
В пустынном поле окружали...
Куда укрыться молодцу?
Как избежать неравной драки?
И там и здесь — везде поляки...
По смуглому его лицу
Давно уж градом пот катится;
От меткого свинца валится
С коня козак за козаком...
Уже обхвачен он кругом...
Уж плен ему грозит позорный...
Но вдруг, один, с копьем в руке,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется он, как ветр нагорный.
Вот вправо, влево, — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью — и стрелою
Слетел с брегов, отваги полн;
И вот — средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветр, река ревет...
Уж он спокойно на средине
Днепра шумящего плывет.

Враги напрасно мещут стрелы,
Свинец напрасно тратят свой.
Разит лишь воздух он пустой —
И невредимо витязь смелый
Выходит на берег крутой.
Конь опененный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржал;
Палей с насмешкой оглянулся,
Врагам проклятие послал
И в степь глухую ускакал...

1825

ДРАМА

77. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ПРОЛОГ

Площадь в Чигирине.

Юрко

Будь ласков, Янкель, дай ключи от церкви;
Лишь только хлеб сберем с своих полей,
Церковную мы подать всю внесем.
Теперь, ты знаешь сам, мы обнищали:
Кто лошадь, кто овцу, а кто пожитки
Последние из бедной хаты продал,
Чтоб только чинш Чаплицкому отдать.
Вот уж прошло шесть воскресений сряду,
Как в церковь нас ты не велел пускать;
Священникам в парафиях окрестных
Ты отправлять все требы запретил:
Недели три, как бог послал мне сына, —
Отец Карпо его крестить не смеет...

Начыпор

Мой сын уж целый год Настусю любит,
Ты обвенчать не позволяешь их.

Свырыд

А у меня мать при смерти лежит
И третий день всё исповеди просит.

Юрко

Умилосердись, Янкель, дай ключи...

Настуся

Будь ласков к нам...

Грицько

Позволь нас обвенчать.

Свырыд

Позволь отцу Карпу на хутор съездить;
Божусь, внесем мы подать всю сполна.

Янкель

Мне не слова, мне гроши ваши нужны.

Свырыд

Где летом их достать мы можем, Янкель?

Янкель

Как не достать, когда захочешь только.
Ну, что-нибудь продай...

Свырыд

Да что продать?
Всё у тебя ж давно в закладе, Янкель,
Иль отнято на пана подстаросту...

Янкель

Ну, так займи... ведь твой сосед, Пылып,
Недавно в дом из Сечи воротился.
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне закопал.
Он даст тебе взаймы; он должен дать:
В нужде должно друг другу помогать;
А если он не даст, так ты...

Свырыд

Так что?

Янкель

Ну, что? .. ты разве глух и не слыхал,
Что он зарыл свою добычу в клуне...

Свырыд

Проклятый жид! .. еще он недоволен,
Что грабит нас, обманывает, мучит;
Ругаться стал! уж воровать нас учит...

Янкель

Я жид! Безбожник я! как смеешь ты? ..
Гойм, сизматик, бунтовщик... гвальт, гвальт!

Свырыд

Так я ж тебя, чтоб пропадать недаром;
Давай ключи, иль задушу на месте.

Рахиль

(выбегает из корчмы)

Ай! гвальт, гвальт, гвальт!

Янкель

(мигая жене)

Рахиль, беги скорей
И принеси ключи... Да отпусти ж...
Эк рассердился он; с тобой нельзя
И пошутить...

Начыпор

Ага, скрутил свой хвост...

Свырыд

Я никогда с чертями не шучу...
Смотри ж, вперед не трогай нас, не то
Еще не так тебя я проучу.
Терпенью есть конец; то испытали
Уже не раз и ляхи и жиды;
Мы терпим, как быки, но как быки же
Рассвирепеть против врагов мы можем...

Янкель

Свырыд, Свырыд! да я ж чем виноват?
Что мне велят, я исполняю только;
Ты знаешь сам, как пан Чаплицкий зол;
На откуп брать церквей в Чигирине
Я не хотел, да он меня принудил...

Свырыд

Мы знаем, как тебя он принуждал:
Когда на откуп он все церкви отдавал,
К нему жиды сбежались, как собаки,
У вас тогда чуть не дошло до драки...
Но где ж ключи?..

Янкель

Ключи? — вот их несут.
Ай, гвальт, гвальт, гвальт! меня убить хотят.

Сотник

Кто тут шумит? Кто обижал еврея?

Янкель

Вот, этот чуб! Он бунтовщик, пан сотник,
Вельможного он пана подстаросту
Бранил при всех, меня чуть не убил
И возмущал сизматиков на ляхов!

Свырыд

Он врет...

Сотник

Молчи. Связать его, в тюрьму.

Козаки неохотно приближаются к Свырыду.

Свырыд

За что вязать, за что меня в тюрьму?
За то, что не позволил я жиду
Ругаться над собой? — Поляки рады
Беде украинца; чтоб погубить
Его, для них довольно пары слов
Клеветника еврея иль цыгана.

Сотник

Что ж стали вы? Связать его скорей.

Свырыд

Не смейте! прочь! Он лях, я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;

Пора узнать, что лях над козаками
Тиранствует посредством козаков же.

Рахиль

Эй, Янкель, быть беде; ты видишь сам,
Как чигиринцы ненавидят нас,
Какою злобою дыша́т против поляков, —
Отсюда лучше нам заране прочь,
Придет опять Тарасовская ночь.
Опять, предчувствую, прольется снова
От козаков израильская кровь!
Бог наших праотцев тогда чудесно
Одних лишь нас избавил в Переславле.
Теперь точь-в-точь как и тогда: везде
Такие ж страшные и злые лица
В ночь сходятся и шепчутся...
При ляхах же или при нас ни слова
Не говорят; эй, Янкель, будет худо.

Янкель

Давно я сам предчувствую беду;
Но делать нечего; два года здесь
Еще прожить необходимо нам;
Не бросить же другим доход церковный.

Рахиль

Да он уж нас обогатил довольно,
Не лучше ль нам сберечь, что есть теперь,
И без беды убраться из Украйны?

Янкель

Всё так: но я, что б ни было, решился
Еще скопить хоть тысячу червонных...

Уходят.

1-й малороссиянин

Ушли... Ну вот, еще один погиб.
Эх, брат Юрко, прогневали мы бога, —
Всем на Руси пришельцы завладели,
В своей земле житья мы не находим.
Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
Бегу за Днепр к удалым запорожцам,

Чтоб притупить об кости дерзких ляхов
От деда мне доставшуюся саблю.
Прощай.

Грицько

И я с тобой. Благослови
Меня, отец; прощай, не плачь, Настуся.

Юрко

За Днепр... и я б туда, когда б не дети...
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Всё отнято у нас: права, уряды,
Имения, и даже церкви наши
Ограблены погаными жидами,
Священные сосуды перелиты
В подсвечники для грешных их суббот,
А ризы пышные жидовки
Употребить дерзнули на одежду.

2-й малороссиянин

Уж видно, так создателю угодно...

Юрко

Нет, нет, поверь, создатель зла не хочет;
Не он, не он виной бед Украины,
Но мы с своим терпением воловьим.
Нет головы, нет гетмана у нас.
Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы и ляхам были страшны,
Никто тогда нас оскорблять не смел.
Теперь же всё пошло у нас вверх дном
И весь народ стал польским ясырем.

2-й малороссиянин

Опять католики без страха стали
Нас в унию насильно обращать
И православную святую веру
Холопскою в глаза нам называют.

Ноябрь — декабрь 1825

II

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

78

Ах, где те острова,
Где растет трынь-трава,
Братцы!

Где читают Pucelle,
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

1822 или 1823

79

Царь наш — немец русский —
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти,
Прибирает в когти.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский баба
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

1823

80

Ах, тошно мне
И в родной стороне:
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут,
Мы посеем — они жнут,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в привольи,
На раздольи
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу —
Ты за всё про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша:
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь:
То дороги,
То налоги,
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

⟨1824⟩

81

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

Между 1822 и 1825

82

Подгуляла я.
Нужды нет, друзья,
Это с радости,
Это с радости.

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров,
Императоров.

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов,
У сенаторов.

1824 или 1825 (?)

83–89. *ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ*

1

Слава богу на небе, а свободе на сей земле!
Чтобы правде ее не изменяваться,
Ее первым друзьям не состареться,
Их саблям, кинжалам не ржаветься,
Их добрым коням не изъезживаться.
Слава богу на небе, а свободе на сей земле!
Да и будет она православным дана. Слава!

2

Как идет мужик из Нова́города́,
У того мужика обрита борода;
Он ни плут, ни вор, за спиной топор;
А к кому он придет, тому голову сорвет.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

3

Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки,
Их и учат, их и мучат, ни свет ни заря!
Что ни свет ни заря, для потехи царя!
Разве нет у них рук, чтоб избавиться мук?
Разве нет штыков на князьков-голяков?
Да Семеновский полк покажет им толк.
А кому сбудется, не минуется. Слава!

4

Сей, Маша, мучицу, пеки пироги:
К тебе будут гости, к тирану враги,
Не с иконами, не с поклонами,
А с железом да с законами.
Что мы спели, не минуется ему,
И в последний раз крикнет: «Быть по сему!»

5

Уж как на небе две радуги,
А у добрых людей две радости:
Правда в суде да свобода везде, —
Да и будут они россиянам даны. Слава!

6

Уж вы вейте веревки на барские головки,
Вы готовьте ножей на сиятельных князей,
И на место фонарей поразвешивать царей.
Тогда будет тепло, и умно, и светло. Слава!

7

Как идет кузнец из кузницы, слава!
Что несет кузнец? Да три ножика:
Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на судей на плутов,
А молитву сотворя, — третий нож на царя!
Кому вынется, тому сбудется,
Кому сбудется, не минуется. Слава!

1824 или 1825

III

90. КУЛАКИЯДА

Поэма

ПЕСНЬ 1

Шуми, греми, незвучна лира
Еще неопытна певца,
Да возглашу в пределы мира
Кончину *пирогов* творца.
Да возвещу я плач ужасный
Трех *тафелей*, всех *поваров*.
Друзья! Уж Кулаков несчастный
Не суетится средь *котлов*.
Уж глас его не раздается
В обоих кухнях здесь,
От оного уж не мятется
Собор его команды весь.

Уже в горохе пременился
Доселе вкус приятный нам,
Картофель густоты лишился
И льется с мисок по столам.
И ах! Наперсника лишенный,
Восплакал, возрыдал *Бобров,*
Такой потерей огорченный,
Он перебил всех *поваров*.

Но Аполлон велеречивый
И Клио с громкою трубой,

Поведайте: масло-любивый
Так кончил дни герой:
Среди котлов на очаге
Возвышен, восседал *Бобров,*
Внизу с чумичкою в руке
Стоял смиренно *Кулаков.*

Стоял... власы его вздымались,
Стоял... вздыхал, не говоря,
Его лишь взоры устремлялись
На кухню славного царя.
Напрасно тщился пес *Боброва,*
Ласкаяся, его развеселить,
Напрасно повара Косого
Тулаев притащил смешить.

Бобров, Бобров замысло⟨ва⟩тый!
Успеха даже не имел,
И *Кулаков* в свои палаты
С тоскою мрачною отшел.
Лишь только с лестницы спустился,
Как вдруг бездыханный он пал.
«Аминь! Он жизни сей лишился», —
Тут шедший повар закричал.

Царя чертог тут взволновался,
Когда достиг к нему звук слов;
Се вопль повсюду промчался —
И с плачем пробежал *Бобров,*
Следом ему пес колченогой,
Хромая, к телу прилетел,
Бобров вопил: «О боги! боги!»
А пес, визжавши, весь вспотел.

«Почто меня ты оставляешь, —
Несчастный продолжал *Бобров,* —
Мою ты жизнь отравляешь,
Не буду есть я пирогов!
Восстань, очнись! О, мой любезный,
Восстань, прошу тебя, восстань!
Почто велишь мне лить ток слезный —
Восстань, я простираю длань».

Осталось втуне то моленье,
Труп хладный воплям не внимал,
Скончался тот, о провиденье!
Кто хворост маслом поливал.
Скончался тот, кого страшились
Сапожня, кухня, погреба;
Скончался тот, кому дивились
Чаны на кухне вне себя.

Тс... тс... Пегас, скачи потише
И против воли не неси,
А как взлететь захочешь выше,
То у других ты попроси,
А я устал, да и довольно
Теперь бумаги измарал,
Но нет, всё несет невольно,
Чтоб погребенье описать.
Быть так, я для тебя склонюся
И погребенье пропою,
Ретивый, только я боюся,
Что сломит голову мою.

ПЕСНЬ 2

О Аполлон! Подай мне лиру,
Подай Кастальских кубок вод,
Да воспою достойну миру
В Смоленск я погребальный ход.
Впреди предшествовал *Тулаев*,
За ним шел *Зайцев*, *Савинов*,
С рябою харею *Миняев*,
Потом *Затычкин* и *Смирнов.*

Их гласы пóвсюду сливались,
Трясли всё зданье по странам,
Глубоко в сердце отзывались
И смех и плач являли нам.
Тулаев с *Зайцевым* ревели,
Савинов тенором тянул,
Смирнов, Миняев тихо пели,
Затычкин что есть мочи дул.

А Силин, с ними съединяся,
По-козьи, кажется, кричал,
Тут пес лизал его, льстяся,
И трели с визгом подпущал.
За ними зрелась колесница,
Везомая тремя коньми,
Попон на коих, как тряпица,
Разорван влекся по земли.

Коней, занятых из-под чана,
Имея факелы в руках,
Вели два наши великана,
Как можно делав меньше шаг.
За колесницею ж родные
И тьма в слезах знакомых шли,
Вблизи ж и соус и жаркие,
Как будто ордена, несли.

На гробе же пирог за шпагу
С чумичкою большой лежал,
Что Кулаков имел отвагу
На чадной кухне быть являл.
Потом шел Краснопевцев бледный
С супругой бледною своей,
Неся котел луженый, медный,
Как бы усопшего трофей.

Но, муза, пой, я зрю *Боброва*:
Власы растрепаны на нем,
Лице искажено сурово,
И слезы катятся ручьем.
Он рвется, плачет, умирает
И жалостный являет вид,
Едва очнется — упадает,
Не может вовсе говорить.
Но наконец уста открылись,
И прямо, Кулаков, к тебе
Слова высоко устремились, —
Я стану продолжать себе.
Но вот и к кухне подъезжают
В кафтанах новых повара,

В кастрюли громко ударяют,
Провозгласив трикрат — «Ура!».

С такой процессией прекрасной
В Смоленской тело провезли
И в мрак сырой могилы страшной
Героя кухни погребли.
Прости, священна тень героя,
Долг мудрый слабому прощать.
Прости, что, лиру я настроя,
Мог слабо тень твою бряцать.

Я знаю, точно недостоин
Вещать о всех делах твоих,
Я не пиит, а только воин,
В устах моих нескладен стих.
А ты! О мудрый, знаменитый!
Царь кухни, мрачных погребов,
Топленым жиром весь политый,
Единственный герой *Бобров*.

Не озлобися на поэта,
Тебя который воспевал,
И знай, у каждого кадета
Невежей я бессмертен стал.
Прочтя сии строки, потомки
Вспомянут, мудрый, о тебе,
Твои дела прославят громки,
В⟨о⟩спомнят также обо мне.

⟨*1813*⟩

91. ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ

Ода

Где алтарей не соружают
Святой к отечеству любви?
⟨*нрзб*⟩ где не почитают
Питать святой сей жар в крови?
Друзья! меня вы уличите
И тот народ мне укажите,

Который бы ее не знал,
Оставивши страну родную
И удалясь во всем в чужую,
Тоски в себе не ощущал?

Нет, нет, везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар:
Ее хотя не понимает,
Но равно чувствует дикарь —
Необразованный индеец,
Как и ученый европеец.
Всегда и всюду ей был храм:
И в отдаленнейшие веки
От чиста сердца человеки
Несли ей жертву, как богам.

Хвалится Греция сынами,
Пылавшими любовью к ней,
А Рим такими же мужами
Встарь славен к чести был своей.
Нас уверяют: Термопиллы,
Осада Рима, — что любили
Отчизну всей тогда душой.
Там храбрый Леонид спартанин,
Здесь изгнанный Камилл римлянин —
Отчизне жертвуют собой.

Но римских, греческих героев
В любви к отечеству прямой
Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнею порой.
Владимир, Минин и Пожарской,
Великий Петр и Задунайской
И нынешних герои лет,
Великие умом, очами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

Суворов чистою любовью
К своей отчизне век пылал,
И, жертвуя именьем, кровью,
Ее врагов он поражал:

Его поляки трепетали,
Французы с турками дрожали.
Повсюду завсегда с тобой
Любовь к Отчизне, россиянин!
А с не⟨ю⟩, с ней велик гражда́нин,
Ужасный для врагов герой.

Гордынею вновь полн, решился
Галл росса покорить себе, —
Но вдруг Кутузов появился —
И галлов замысел — не бе!
Так русские всегда любили
И так Отечество хранили
От всяких бед и от врага.
Тот здравого ума лишился,
Кто росса покорить решился, —
Он ломит гордому рога!..

Народ, отчизну обожающ,
К царю, к религии святой
Всем сердцем, всей душой пылающ,
Средь бурь всегда стоит горой,
Никем, ничем не раз⟨разимой⟩
Покойною и горделивой.
Тому являет днесь пример
Держава славная Россия, —
Ее врага попранна выя,
Погибнет, гибнет изувер.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич и ужас всех французов! —
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жив, герой,
И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонравен
России нарушать покой!..

4 июня 1813

92. КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

Ода

Герой, отечества спаситель!
Прими от сердца должну дань;
Бог наш защитник, покровитель,
Тебя нам ниспослал на брань!
Уже враги торжествовали,
Уж в злобной ярости мечтали
Здесь русский покорить народ!
Но ты лишь в стан успел явиться,
Как гордый стал тебя страшиться
И ощупью пошел вперед!

Пошел вперед — и гибель верну
Мечтал ли он найти себе?
Но казнь ужасну, беспримерну
Определил творец тебе
Свершить над сонмом кровопийцев,
Грабителей, эхидн, убийцев,
Грехами, гнусностью своей
Давно уж всех превосходивших
И тем достойно заслуживших
Ужасный гнев царя царей!

Врагов презрел ты все коварства,
На бога верой уповал,
И, мня лишь о спасеньи царства,
Ты оное всяк час спасал!
На страшном поле Бородинском,
В бою кровавом, исполинском,
Ты показал, что может росс!
На бога веру возлагая,
Врагов все силы презирая,
Он всюду, завсегда колосс.

С своими чувствами сражаясь,
Решился ты Москву отдать;
Но, духом паче укрепляясь,
Един лишь ты возмог сказать:
«Столицы царств не составляют!»

И се — уж россы низлагают
Наполеонов буйный рог!
Тарутин, Красный доказали,
Где россы галлов поражали,
Что правым есть защита — бог!

И что доколь славян потомки
Царя и веру будут чтить,
Дотоль дела их будут громки,
Дотоль их будет бог хранить!
Скажи, Кутузовым попранный,
О галл, грехами обуянный,
Что он есть ангел пред тобой,
Скажи, что он Алкид российский,
Что ты — дух злобный, лютый, низкий,
Исчадье ада, не герой!

Вселенная давно страдала
От честолюбия врага,
Уже одна ее стояла
У краю гибели нога;
Как вдруг, герой, ты появился,
И мир надеждой озарился,
Что ты спасешь его от бед,
Уже висевших над главою!
И се — уж мир спасен тобою,
Сразил врагов — и где их след?

Их след остался на равнинах,
Навек кичливому во срам!
А кости их в лесах, в долинах —
Во славу памятники нам!
Ты сих, Кутузов, дел творитель!
Где царств надменный покоритель,
Где сей ужасный бич людей,
Кого страшились земны боги?
Его умчали быстры ноги
С венчанных храбростью полей!

Ты шел за ним вослед — и слава
Летела быстро на крылах.

Кичлива, гордая Варшава
Упала пред тобой во прах!
Несчастна Пруссия стенала
От ига злобна, алчна галла,
Но ты, сразя ее врагов,
Сразя французов, злобных, ярых,
Друзей царю доставил старых,
Извел из тягостных оков.

Такою славой осиянный,
Среди великих дел, побед,
Стократ ты лаврами венчанный,
Пришел, Кутузов, в лучший свет!
Твои дела, защитник трона,
Священной веры и закона, —
Из века паче будут в век
Всё с новой силой преливаться
И гласно в мире отзываться,
Что ты великий человек!

Апрель — май 1814

93. БОЙ

Краса с умом соединившись,
Пошли войною на меня;
Сраженье дать я им решившись,
Кругом в броню облек себя!
В такой, я размышлял, одежде
Их стрелы не опасны мне,
И, погруженный в сей надежде,
Победу представлял себе!..
Как вдруг Наташенька явилась,
Исчезла храбрость, задрожал!
В оковы броня превратилась!
И я любовью запылал.

7 мая 1814
Альткирх

94. ЛУНА

Вольный перевод с франц⟨узского⟩

Луна! любовников чувствительнейший друг!
Пролей свой бледный свет на сей зеленый луг!
Услыши голос мой, исполненный стенанья,
Узри потоки слез и томны воздыханья!

Приемля лиру я незвонкую, печальну,
Хочу воспети песнь унылу, погребальну!
Хочу, чтобы то всё, что дышит и живет,
Познало бы о том, что дух мой днесь гнетет!
Что сердце бедное страдать столь заставляет,
Что слезы из очей ручьями извлекает!

Близь берега сего, где видны кипарисы,
Почиет с миром прах любезныя Кларисы!
Здесь иволги поют печальны песни в день,
А в ночь сова кричит, на старый седши пень!
На камне, что сокрыл любви моей предмет,
С репейником, я зрю, крапива уж растет!

Дни кончила она в летах красы цветущей;
Лик с розой сходен был, на поле вновь растущей,
Улыбка нежная всех сердце заражала;
Она счастливила словами и пленяла!..
...И дружество ее, творя меня блаженным,
Любезным стало мне и самым драгоценным.

Но ах! тебя уж нет! и хладная могила
Навеки образ твой дражайший поглотила!..
Навеки?.. А я жив!.. Я жив! Я существую!
И в жизни мучуся, и плачу, и тоскую!
И только смерть одну отрадой вижу я!
Приди, желанная! С охотой жду тебя!..
. . . .
. . . .
Мою любезную теперь я воспевая
И милую душу ее воспоминая,
Чувствительность из глаз слез токи исторгает,
И лира, орошась, нескладный звук пускает!

29 сентября 1814
Дрезден

95. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС[1]

Итак, предпринят путь к Парнасу;
Чего же медлить? Ну, смелей,
Начнемте бить челом Пегасу,
Чтоб он домчал нас поскорей!

Боярский! сядь со мной в карету!
Фролов! на козлы поскорей!
И докажи, пожалуй, свету,
Что ты мастак кричать: «Правей!»

Смотри ж! Не вдруг! Поудержися:
Четверка бойких разнесет!
А пуще в гору берегися:
Там скалы есть, там терн растет!
Там многих авторов творенья,
В пыли валяяся — гниют!
Там Лета есть, река забвенья,
В ней также много уж живут!

Я видел, в ней как Львов купался
И обмывал своих детей;
Я зрел, Шихматов в ней остался,
А с ним и тысяча дестей!
Я сам свидетель был в то время,
Как, несколько прочтя листов,
За нанесенное тем бремя,
Был столкнут с берега Хвостов!
Я был при том, когда Гераков,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомок вздорливый Ираклов,
Был Леты поглощен волной!
Я зрел, как наш пиит слезливый
Красу лужков, лазурь небес,
И сельску жизнь, и злачны нивы
Пел, пел, — и наконец — исчез!

Такая ж участь, может статься,
И нам, о други, суждена!

---

[1] Подражание Крылову.

Так лучше вдаль нам не пускаться,
Чтоб не измерить Леты дна!
Иль едем хоть, да непроворно,
Где можно рысью, где шажком,
И уж тогда, друзья, бесспорно
Мы будем, где творцов содом!
«Ну, что же трусить?!» — вдруг воскликнул
Фролов, тут перервав мой глас,
На удалых лошадок крикнул,
И правил прямо на Парнас! . .
И вот мелькнули перед нами
Рифей и Волга! Всё прости! . .
И, мчаты бодрыми конями,
На половине уж пути!
Там зрели мы, как девы красны
Сбирали сочный виноград;
Там расцвели древа прекрасны,
А здесь пушистый снег и хлад!
Но вот! поднялися и в горы! . .
Парнас! Парнас! Какая близь! . .
Как вдруг толчок! — и где рессоры? —
Тю, тю! — и мы катимся внизь!

С сим вместе я как раз проснулся,
От страху мраз бродил по мне!
Я окрестился, оглянулся —
И рад, что было то во сне!

15 октября 1814
Дрезден

96. ДРУЗЬЯМ

(В Ротово)

Нельзя ль на новоселье,
О други, прикатить,
И в пунше, и в веселье
Всё горе потопить?
Друзья! Прошу, спешите,
Я ожидаю вас!

Мрак хаты осветите
Весельем в добрый час!
В сей хате вы при входе
Узрите, стол стоит,
За коим на свободе
Ваш бедный друг сидит
В своем светло-кофейном,
Для смеха сотворенном
И странном сертуке,
В мечтах, с пером в руке!
Там кипа книжек рядом
Любимейших лежит,
Их переплет не златом,
А внутрь добром блестит.
Заступа от неволи,
Любезные пистоли,
Шинелишка, сертук,
Уздечка и муштук;
Ружье — подарок друга,
Две сабли — как стекло,
Надежная подпруга
И Косовско седло —
Вот всё, что прикрывает
Стенную черноту;
Вот всё, что украшает
Сей хаты простоту.
Друзья! Коль посетите
Меня вы под часок,
Яств пышных не просите:
Под вечер — пунш, чаек,
На полдень — щи с сметанкой,
Хлеб черный, да баранки,
И мяса фунта с два,
А на десерт от брата,
Хозяина-солдата —
Приветные слова.
Когда такой потравы,
Друзья! хотя для славы
Желает кто из вас,
Тогда, тогда от службы
Ко мне в свободный час,
В Вежайцы, ради дружбы,

Прошу я завернуть,
И в скромный кров поэта,
Под сень анахорета
От скуки заглянуть.

⟨1816⟩

97. К ЛАЧИНОВУ

(В Москву)

Изящного любитель,
Питомец муз младой,
Прямой всего ценитель,
Певец мой дорогой!
К тебе я обращаю
Нестройной лиры глас;
С тобой, с тобой желаю
Беседовать в сей час.
С тобой, о обитатель
Столицы пышных стен,
Дев красных обожатель,
Не знающий бремен,
Епикурейцев чтитель!
Веселый посетитель
Театров и садов,
Собраний, булеваров,
Кофейниц, тротуаров
И радостей домов,
Где шумный рой лукавых
Прелестниц молодых
Сулят из глаз своих
Утехи и забавы;
Где ветреность и младость
Прелестных дев любви
И слов коварных сладость
Льют нежный огнь в крови;
Где ты подчас, пленившись
Одною из цирцей,
С ней взором согласившись,
Издалека за ней
Идешь с смиренным видом,
Как скромник иль монах;

Пришел — и одним мигом
Забыл всё на грудях!
В объятьях красоты
Забыл беды, напасти,
Забыл в восторгах страсти
И друга, может, ты!..
Меж тем как в отдаленной
Здесь Жмуди жизнь влачу,
И ах! душе стесненной
Отрады не сыщу!..
Здесь в дымной, чадной хате,
В пустынной стороне,
В безмолвной тишине,
Я мыслю об утрате
Прелестных, милых дней,
Дней юных, драгоценных,
Беспечно проведенных
В кругу своих друзей.

Ах! где Боярский милый,
Мечтатель наш драгой?
Увы! в стране чужой
И с лирою унылой!
Ах! там же и Фролов,
Наш друг замысловатый,
Сатирик тороватый
И острый баснослов!
Счастливцы! Они вместе!
Завиден жребий их!
А мне, а мне и вести
Давно уж нет от них!
Нет сердцу утешенья,
Нет радостей *без вас!*
Ах! скоро ль съединенья
Наступит сладкий час?
Ах! скоро ли в объятья
Друг друга заключим?
Прижмем, вздохнем, о братья!
И — души съединим!

⟨1816⟩

98

Минуты счастия промчались
И вечно, вечно не придут,
Печали, горести остались
И вечно, вечно не пройдут.

Недолго сердце биться станет,
Недолго буду я грустить,
В весенний день цветок увянет,
Его коль с веткой разлучить.

Я мнил счастливым быть тобою,
В тебе зря душу красоты,
Теперь прегорькою слезою
Плачу за лестные мечты.

Томлюсь, мучение ужасно!
Своей я жизни не прерву;
Ты, смерть, — отрада для несчастна,
А я — для горести живу.

Завеса с глаз моих сорвалась,
И ты, о Лила, не моя!
Не умирают, знать, с печали,
Когда живу на свете я.

Несносно жить всегда страдая,
С утра до вечера всегда,
И с просыпленьем ожидая,
Что вновь готовится беда.

1816 или 1817

99. ВЕСНА

Приветствую тебя, зеленый луг широкий!
И с гор резвящийся, гремящий ручеек,
И тень роскошная душистых лип высоких,
И первенца весны приветный голосок!

Холмы, покрытые муравкой молодою,
Юнеют красотой цветочков голубых;
И резвы мотыльки, собравшися толпою,
Порхают в воздухе на крыльях золотых.

Уж нежная свирель приятно раздается
В кустах бродящего со стадом пастушка;
Порою аромат с прохладою несется
От белых ландышей на крыльях ветерка,

Всё дышит негою, всё торжеством блистает,
Всё обновляется для жизни молодой,
И сердце как бы вновь для счастья расцветает,
Любуяся весны улыбкой золотой!

Душа волнуема восторгом удивленья!
Природа пышная младой красе твоей
Спешит восторженна! .. и ищет разделенья,
Спешит излить восторг в сердца своих друзей!

Как сладко с милыми от сердца поделяться
Улыбкой тихою и томною слезой,
И с ними вечерком природой любоваться,
Гуляя по лугам роскошною весной!!!

1816 или 1817

100. МОТЫЛЕК

Что ты вкруг огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненький, не знаешь,
Что огонь губитель твой?
Иль тебе то неизвестно,
Сколь обманчив блеск огня,
И что свет его прелестный
Может погубить тебя?
Лети прочь! лети, несчастный!
Вкруг огня ты не порхай!
Бойся, бойся повсечасно,
Не сгореть чтоб невзначай!
Но не внемлет безрассудный!

Ближе, ближе всё летит!
Его блеск прелестный, чудный,
Несчастливец! тебе льстит.
Но напрасно, всё порхает!
И вот — прямо в огонек
Он влетел... и в нем сгорает!
Знать, судил ему так рок!

Так, увы! и я, плененный,
Предаюсь любви своей
И мечтаю, дерзновенный,
Найти счастье свое в ней!
Но быть может, заблуждаться
Мне судил жестокий рок,
И так точно, может статься,
Я сгорю — как мотылек!

⟨1817⟩

101. НАТАЛЬЕ МИХАЙЛОВНЕ ТЕВЯШОВОЙ

(В день Ангела ее)

В день Ангела всегда чего-нибудь желают;
Чего же мне тебе желать?
Желать ли, чтоб тебя все стали обожать?
Но уж тебя и так давно все обожают.
Желать ли, чтобы ты богатством обладала?
Но ах! богатство нам не щит!
Поверь, тому и Крезовых сокровищ мало,
Тому уж не до них, кого судьба тягчит!
Желать ли, чтобы ты умом своим затмила
И умниц всех, и мудрецов?
Но им тебя и так природа одарила,
И ты щадишь глупцов.
Желать ли, чтобы ты прельщала красотою,
И нежностью души своей,
И нрава кротостью, и сердца добротою,
И привлекательной невинностью твоей?
Но уж и так тебя которые лишь знают
(А в том числе — и я),
Плененные тобой, согласно утверждают,
Что есть красивее, но нет милей тебя.

Чего, чего же мне желать тебе? — Не знаю;
А старики ведь говорят,
Что по старинному в России обычáю
В день Ангела должно чего-нибудь желать.
Итак, итак, чистосердечно
Тебе желаю я,
Чтоб добродетель была вечно
Повсюду верная сопутница твоя.
Пусть, пусть она, как Ангел твой хранитель,
Как добрый Гений-утешитель,
Пребудет всюду твой
Вожатый неразлучный,
К утехам в свет большой
Стезей благополучной.

26 августа 1817

102. К НАДЕЖДЕ

О надежда! ты мой гений!
Ты вожатый в жизни мой!
От опасных треволнений
Я избавлен лишь тобой.

Ты одна не покидала
Меня в бурном море бед;
Ты, ты челн мой направляла,
Когда был потерян след.

Будь же ты и впредь со мною
И нигде не покидай;
И хоть призраком, мечтою
Несчастливца утешай!

Помогай мне заблуждаться,
Что любим Наташей я,
Что настанет наслаждаться
Скоро час и для меня!

1817

103. В АЛЬБОМ ДЕВИЦЕ N.

Когда б вы жили в древни веки,
То, верно б, греки
Курили фимиам
Вместо Венеры — вам.

Между 1816 и 1818

104. К ФРОЛОВУ

Печали врач, забав любитель,
Остряк, поэт и баснослов,
Поборник правды и ревнитель,
Товарищ юности, Фролов!
Прошу, прерви свое молчанье
И хоть одной своей строкой
Утишь душевное страданье
И сердце друга успокой.
Увы! кто знает, друг мой милый,
Что ожидает завтра нас!
Быть может, хлад и мрак могилы, —
Ничтожности ужасный час!
Быть может, ярою судьбою
Уж над моей теперь главой
Смерть хладною своей рукою
Махает острою косой!
Почто ж, мой друг, нам тратить время
И чуждыми для дружбы жить,
Почто печалей вьючить бремя
И чашу зол в днях юных пить!
Почто, — когда имеем средства
Свое мы горе услаждать
И из печали и из бедства
С уроком пользу извлекать?

Взгляну ль, мой друг, на мир сей бедный,
И что ж, коль стану примечать?
Меж тысячью едва приметно
Счастливцев двух, а много — пять!

Кто ж винен в сем? Увы! мы сами,
О, точно так, никто иной;
С закрытыми идя очами,
Не трудно в яму пасть ногой.

. . . .

И в самом деле, друг бесценный,
Всё в нашей воле состоит.
Пусть лютый рок и разъяренный
Мне скорой гибелью грозит. . .
Но я коль тверд, коль презираю
Ударов тяжесть всю его,
Коль в оборону поставляю
Терпение против всего,
Тогда меня и рок устанет
Всё с прежней ненавистью гнать,
И скоро час и мой настанет,
Мой друг! от горя отдыхать.

Пойдем, Фролов, мы сей стезею —
Вожатый дружба наш, — пойдем!
Но вместе чур! рука с рукою!
Авось до счастья добредем!
Авось, авось все съединимся —
Боярский, Норов, я и ты,
Авось отрадой насладимся,
Забыв все мира суеты.

Между 1816 и 1818

105. К ПОРТРЕТУ N.

Она невинностью блистает,
Как роза прелестью цветет,
Любезным нравом восхищает
И всех сердца к себе влечет.

Между 1816 и 1818

106. ПЕСНЯ

Ответ на известную арию из «Русалки»:
«Вы к нам верности никогда. . .» и проч.

Нет, неправда, что мужчины
Верность к милым не хранят
И, дав клятву, без причины
Могут хладно забывать.

Разве только развращенный
Или ветреник какой
Недоволен, награжденный
Поцелуем дорогой.

Кто без чувств, с душой холодной,
Тот притворным может быть,
И тому лишь только сродно
Страстью нежною шутить.

Но в чьем сердце добродетель
С любовью пламенной горит,
Может ли тот, быв свидетель
Слезам милой, — слез не лить?

Между 1816 и 1818

107. ПОСОЛ

Раз в холодный вечер длинный,
С чашей пуншевой в руке,
В тулуп скутавшись овчинный,
Я сидел при камельке.
И тогда как раздраженный
Я на счастие пенял
И все блага жизни бренной
Суетою называл,
Слышу — кто-то отворяет
Двери в комнате моей,
И вдруг Машенька вбегает,
Как посол от жизни сей!

Вмиг со мной в переговоры...
И трактат уж заключен!
Всё решили нежны взоры,
И я в счастьи убежден!

Между 1816 и 1818

108. СОН

(Из Анакреона)

Недавно, Вакхом упоенный,
Заснул на тирских я коврах,
И зрел — что к девушкам, плененный,
Я крался тихо на перстах.

Вдруг слышу громкий смех за мною;
Я оглянулся — зрю собор
Красавиц юных надо мною,
Смеющихся наперекор.

Между 1816 и 1818

109. ПЕСНЯ

На голос: «Винят меня в народе...» и проч.

Кто сколько ни хлопочет,
Чтоб сердце защитить,
Хоть хочет иль не хочет,
Но должен полюбить.
Таков закон природы
Всегда и был, и есть,
И в юношески годы
Всяк должен цепи несть.

Всяк должен силу страсти
Любовной испытать,
Утехи и напасти
В свою чреду узнать.
Я сам не верил прежде
Могуществу любви

И долго был в надежде
Утишить жар в крови.

Я прежде надсмехался,
Любовь химерой звал,
И если кто влюблялся,
Я слабым называл.
Мечтал я — как возможно
Страстьми не обладать
И красотой ничтожной
Рассудок ослеплять!

Но ах! с тех пор уж много
Дон в море струй умчал,
И о любви так строго
Я думать перестал.
Узнал, что заблуждался,
Обманывал себя
И слишком полагался
На свой рассудок я.

Увы! За то жестоко
Мне Купидон отмстил:
Он сердце мне глубоко
Стрелой любви пронзил!
С тех пор, с тех пор страдаю,
День целый слезы лью,
Крушуся и вздыхаю,
Мучения терплю.

А та, кем сердце бьется,
Жестокая! с другим
И шутит, и смеется
Страданиям моим! . .
Ах! знать, уж небесами
Мне суждено страдать
И горькими слезами
Свою судьбу смягчать.

Между 1816 и 1818

110. ЭПИГРАММА

Надутов для Прелесты
Недавно сочинил прекрасный мадригал,
В котором он сравнял
Свою красавицу с *невинной жрицей Весты*;
Но — как-то на сравненьи
Он заикнулся в чтеньи
И сделал через то на даму
Из *мадригала* — *эпиграмму*.

Между 1816 и 1818

111. В АЛЬБОМ ЕЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ К. И. М⟨АЛЮТИ⟩НОЙ

Ты желаешь непременно,
Написал чтобы я стих?
Как могу я, дерзновенный,
Быть певцом доброт твоих?
Мне ль представить то достойно,
Что в себе вмещаешь ты?
Мне ль изобразить пристойно
Милой образ красоты?
Кудри волнами, небрежно,
Из глаз черных быстрый взор,
Колебанье груди снежной
И всех прелестей собор?
Сам Державин дивный, чудный,
Вряд бы то изобразил;
Мне же слишком, слишком трудно
И — превыше моих сил!

Между 1816 и 1818

112. ЭПИГРАММА

Пегас Надутова весьма, весьма упрям
И часто с барином несчастным своеволит:
Седлать никак не даст, коль не захочет сам,
И сверх того в езде всегда сшибать изволит!

Между 1816 и 1818

113. ПЕСНЯ

Прости, за славою летящий,
Прости, с тобой душа моя;
Стремись в бессмертья храм блестящий;
Но ах! не позабудь меня!

Любовь и долг имев в предмете,
Стремись, но береги себя,
И в сем за честию полете,
Мой друг! не позабудь меня.

Что делать в муках мне ужасных?
Страшусь войны и мира я;
Узришь ты множество прекрасных,
Но ах! не позабудь меня.

Ты их узришь, оне пленятся;
Пленится и душа твоя;
Успехом будешь наслаждаться,
Но ах! не позабудь меня.

Между 1816 и 1818

114. ПЕСНЯ

Тише, тише, ветерочек,
В сей зеленой роще вей:
Маша, милый мой дружочек,
Сладкий сон вкушает в ней.

Тише, резвый, своевольный,
Кудри так не раздувай;
Тише, дерзкий, недовольный,
Нежну грудь не обнажай!

Спи, — и всюду благодатный
Вкруг пусть льется аромат;
Птички песнями приятно
Пусть все чувства усладят.

Спи, о ангел мой прелестный,
На узорчатых коврах,
Спи под сению древесной,
В милых, сладостных мечтах.

Спи, о Маша, друг сердечный,
Спи с невинностью своей;
Но страшись быть столь беспечной —
Бойся хитрости людей!

Между 1816 и 1818

115. УТЕС

Свидетель мук моих безгласный,
Поросший мхом седым утес!
Услышь еще мой голос страстный,
Узри потоки горьких слез!

. . . .

Давно ль с Емилией прелестной,
Предавшись сладостным мечтам,
С любовью пламенной, небесной
Сидели здесь по вечерам?
Давно ль в приятных разговорах,
При нежных, милых птичьих хорах,
Забывши грозную напасть,
Благословляли нашу часть?
Давно ль окрестности безмолвны,
Взирав на счастливу чету,
Любви обетов наших полны,
Благословляли красоту?

. . . .

Давно ли ты, утес мой мшистый,
Цветами полн, благоухал?
Давно ль ручей кристальный, чистый
Внизу с приятностью журчал?
Давно ль, да́вно ль? — и нет недели,
Как я с Емилией своей
На мягкой мураве твоей,
Блаженства полные, сидели?..
Давно ли соловей над нами
То трелил звонко, то щелкал,

То перливался, то свистал,
И нас, сидящих меж кустами,
Своей гармонией пленял?
Давно ль я счастлив был? .. А ныне!
Давно ль, утес, меня ты зрел,
Как я блажен к тебе летел;
А днесь иду к тебе в кручине!
Иду к тебе в кручине злой,
Иду сказать, что мой покой
И счастье, коим наслаждался,
Надежда, коею питался, —
Навек похищены судьбой! ..
Похищены — и невозвратно —
Блаженство юных, красных дней,
Блаженство всей души моей!
И я, утес, и невозвратно
Иду на родину обратно!
Иль нет, иль нет: я возвращуся
И буду вновь блаженство пить,
В объятья милой погружуся,
Чтоб слезы радостны пролить! ..
. . . .
Но рок велит, — утес зеленый,
Навеки про́стимся скорей;
И я, разлукою сраженный,
Увяну в цвете юных дней! ..

Между 1816 и 1818

116. ЧЕТЫРЕ СТЕПЕНИ ЛЮБВИ

Любви Тирсиса в угожденье
Уж сжалясь, Лила наконец
За поцелуй *один* с бедняжки в награжденье
Содрала *пять* овец.

Назавтра, ставши понежнее,
Не так уже скупа была.
За поцелуй *один*, с Тирсисом быв вольнее,
Одну овцу взяла.

Назавтра же в промене с Лилой
Тирсис еще счастливей был:
За поцелуй *один* все *шесть* овец он с милой
Обратно получил.

Назавтра же была бы рада
За поцелуй *один* отдать
Собачку, посошок, свирель и даже стадо,
Но тщетно! Тирсис стал *другую* целовать!

Между 1816 и 1818

117. ПЕСНЯ

Je vous assure[1], что вы мне милы,
Что вас люблю de tout mon coeur[2],
Pourquoi[3] же вы теперь унылы?
Чрез то теряю mon bonheur[4].

Quand vous[5] со мною — мне приятно;
Блаженствую, quand je vous baise[6],
Mais quand[7] целуете обратно...
Как от того je suis bien aise![8]

Donnez la main[9], мой друг сердечный!
Приди в мои embrassement![10]
Le temps[11] в сем мире быстротечно;
Лови, лови l'heureux instant![12]

Между 1816 и 1818

118. ЗВЕЗДА-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Пылкой юности с страстями
И надежды сладкой полн,
Я направил за мечтами
В море бурное свой челн.

---

[1] Уверяю вас. [2] От всего сердца. [3] Почему. [4] Мое счастье. [5] Когда вы. [6] Когда я вас целую. [7] Но когда. [8] Я испытываю удовольствие. [9] Дайте руку. [10] Объятия. [11] Время. [12] Счастливое мгновение (франц.). — *Ред.*

Скоро там... за синей далью
Скрылся берег, как туман,
И я с трепетом, с печалью
Вдруг увидел — океан!

И вдруг свод небесный, мглою
Весь покрывшись... засверкал!
Дождь полил с небес рекою,
Поднялся за валом вал!
Каждый миг мой челн в пучину
Погрузиться был готов.
«Ах! пошлите мне кончину!» —
Умолял я так богов.

Но напрасно: не внимали
Небеса мольбам моим —
Смерти мне не посылали,
Ни конца страданьям злым!
Часто в бурю, в небе мрачном,
Зрел я — некий свет мерцал,
И с надеждой в сердце страстном
К нему челн свой направлял.

Но ах! тучи вновь скрывали
Свет отрадный от меня!
Смерть и ужас вновь зияли,
Вновь был без отрады я!
Долго, долго так ужасно
Свод небес скрывала мгла!..
Наконец звезда прекрасна,
Я увидел, там взошла!

«Вот звезда-путеводитель! —
Глас мой внутренний сказал, —
Вот твой гений-утешитель!
Бед твоих конец настал!
Смело, смело вслед за нею
Направляй свой утлый челн:
Только сей одной стезею
Ты спасешь себя от волн».

Я послушал, что так лестно
Глас мне внутренний твердил,

И вослед звезде прелестной
Я с отважностью поплыл!
Вот с тех пор — исчезло горе,
И надежда вновь со мной;
И хоть челн мой еще в море,
Но уж пристань предо мной!

О звезда-путеводитель!
В пристань, пристань поскорей!
К милой в тихую обитель
И в объятия друзей!
Там, там счастье ожидает
Бедных странников под кров;
Там с надеждой обитает
Вера, дружба и любовь!

Между 1816 и 1818

119. МЕЧТА

Ночною уж порою,
Как шум дневной умолк,
Амуров предо мною
Явился целый полк.
«Нам до тебя есть дело, —
С улыбкой мне рекли, —
Ступай за нами смело,
Куда б ни повели».
С божками спорить сими
И вздорить я не смел,
И потому за ними
Немедля я пошел.
«Постой, не торопися. —
Один из них сказал, —
Встань здесь и наклонися».
И очи завязал!
Потом все, подхвативши,
Куда-то понесли
И, наземь опустивши,
Повязку с глаз сняли́.

Смотрю, — вожатых скрылся
Отважный шумный рой!
Смотрю... я очутился,
Наташа! пред тобой!

1817 или 1818

120. ДОРИДА, АМУР И Я

С Доридой я остался
Намнясь наедине.
Как вдруг Амур к нам вкрался
И ранил сердце мне.
Узрев сей язвы муку,
Пришла Дорида в страх.
«Жестокий! — Зевса внуку
Промолвила в слезах. —
Почто неосторожно
И злобно так шутить?
Почто, когда не можно
Сей язвы исцелить?»
— «Напрасно унываешь, —
Сказал плутишко ей, —
Ты действия не знаешь
Еще красы своей».

1817 или 1818

121. ТРИОЛЕТ НАТАШЕ

Ах! должно, должно быть бездушным,
Чтобы Наташу не любить!
Чтоб, зря ее, — быть равнодушным,
Ах! должно, должно быть бездушным!
Я сердцу вечно был послушным,
Так как же мне не говорить:
«Ах! должно, должно быть бездушным,
Чтобы Наташу не любить!»

1817 или 1818

122. ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД Н. М. Т⟨ЕВЯШО⟩ВОЙ

Прости, что воин дерзновенный,
Желая чувствия свои к тебе излить,
Вожатого не взяв, на Геликон священный
Без дарования осмелился ступить.
. . . .
Ах! сколько надобно иметь тому искусства —
Оттенки нежные страстей изображать,
Когда желает кто свои сердечны чувства
Другому в сердце излиять!
Но ах! Сей дар мне не дан Аполлоном,
Я выражаться не могу;
Не лира мне дана в удел угрюмым Кроном,
А острый меч, чтобы ужасным быть врагу!

1817 или 1818

123. К НЕЙ

Ах! Когда то совершится,
То, чем льстит надежды глас?
Долго ль сердце будет биться
В ожиданьи каждый час?
Скоро ль, скоро ль перестанет
Оно рваться из меня?
Скоро ль время то настанет,
Когда будешь ты моя?

1817 или 1818

124. Н. М. Т⟨ЕВЯШО⟩ВОЙ

НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЕЕ, ДАБЫ Я НАПИСАЛ СТИХИ НА НАДЕЖДУ

Ты желаешь, друг прелестный,
Чтобы я Надежду пел;
Можно ль петь, что неизвестно,
Что мне не дано в удел?
Можно ль петь, что я лишь знаю
Понаслышке от людей,

Чего в мире не встречаю,
Чего нет в душе моей? ..
Если ж хочешь непременно,
Чтоб Надежду славил я,
Так почто ж, о друг бесценный,
Не вольешь ее в меня?

1817 или 1818

125. РЕЗВОЙ НАТАШЕ

Наташа, Наташа! полно резвиться
И всюду бабочкой легкой порхать,
С роем любезных подружек кружиться
И беспрестанно прыгать, играть.

Всему есть, мой ангел, час свой! кто хочет
С счастием в мире и дружестве жить,
Тот вовремя шутит, пляшет, хохочет,
Вовремя трудится, вовремя спит.

Если ты *разнообразить* не будешь,
Вечное тоже наскучит тебе;
Ах, тогда прыгать, резвиться забудешь
И позавидуешь многим в судьбе!

Если ж желаешь иметь ты веселье
Спутником вечным, — то вот мой совет:
Искусно мешай между делом безделье,
Но не порхай лишь на поле сует!

1817 или 1818

126. ЛЮДМИЛА

Баллада

«Нет, не мне владеть тобой,
Ангел сердца милый;
Ты должна вкушать покой,
А я век унылый,

Лия токи слез, влачить
    И, страдая вечно,
Яд и горести испить
    Муки злой, сердечной.

Тебе мил не я, иной;
    Страсть — да истребится,
И в душе моей покой
    Впредь — да водворится;
Пусть из памяти моей
    Образ твой прелестный,
Красота души твоей,
    Сердцу глас известный, —

Истребится навсегда
    И изгладит время, —
Нет, не буду никогда
    Я для милой бремя.
Там далёко, за Днепром,
    В Литве, на чужбине,
Кончу в бое я с врагом
    Дни свои в кручине».

Так несчастный Миловид
    Молвил пред Людмилой;
Дева робкая дрожит
    И, свой взор унылый
В землю потупив, речет
    Юноше с слезами:
«Ах, останься, всё пройдет,
    Будешь счастлив с нами.

Не могу тебя любить,
    Чтоб иметь супругом,
Но клянуся вечно быть
    Тебе верным другом».
— «Ах! что в дружбе — коль любовь
    В сердце уж пылает
И, волнуя пылку кровь,
    Страсти возмущает?

Нет, Людмила, нет, не мне
    Счастьем наслаждаться;
Мой удел — в чужой стране
    Мучиться, терзаться».
И еще унылый взгляд
    Бросив на Людмилу,
Он покинул отчий град,
    Чтоб обресть могилу.

1817 или 1818

127. АКРОСТИХ

Нет тебя милей на свете,
Ангел несравненный мой!
Ты милее в юном цвете
Алой розы весненой.
Легче с жизнью разлучиться
И всё в свете позабыть,
Я клянусь в том, чем решиться
Тебя, друг мой, не любить.
Есть на свете милых много,
Верь, что нет тебя милей;
Я давно прошу у бога —
Шутки в сторону, ей-ей! —
Одного лишь в утешенье:
Вечно, вечно быть с тобой!
Ах, свершится ли моленье,
    Скоро ли я буду твой?

17 октября 1818
Подгорное

128. ⟨ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К А. М. ТЕВЯШОВОЙ⟩

Ах! нет ее со мной! Бесценная далёко!
И я в разлуке с ней стал точно сиротой!
Брожу в унынии, в печали одинокой,
И всё мне говорит: «Ах! нет ее со мной!»

Как сладко вместе быть! .. Как те часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто раз твердить:
«Люблю, люблю тебя, мой ангел ненаглядный;
Как мило близ тебя! *Как сладко вместе быть!*»

1819

129. ПРИЯТЕЛЮ

НА БРАК Н. М. Т⟨ЕВЯШО⟩ВОЙ

Наконец, мой друг любезный!
Купидонова стрела
К сердцу милой и прелестной,
К сердцу Насти путь нашла!

Тщетно Настя щитом крепким
Мнила к сердцу путь закрыть;
Злой божок всегда был метким —
Он успел его сразить.

Гименей свой факел ясный
Возжжет скоро для нее
И гирляндою прекрасной
С милым спутает ее.

1819

130. ЭКСПРОМТ

Н. М. Р⟨ылеев⟩ой

Как капли свежие росы
Весною, в утренни часы,
Животворительны бывают для левкоя,
Который блекнуть стал от солнечного зноя, —
Так точно взгляд твоих очей
Отраден для души моей,
В мучительные те и тягостны минуты,
Когда страдания претерпеваю люты.

Между 1818 и 1820

131. ТОСКА

К нам возвратился май веселый,
Природа оживилась вновь:
Зазеленели холмы, долы
И распестрились от цветов.
Всё сладкой всюду негой дышит,
Ручей с приятностью журчит,
Едва листы зефир колышет,
И Филомелы глас звучит.

В полях и рощах слышно пенье —
Все радостью оживлены;
И все как будто в восхищеньи
От возвращения весны!
Один лишь я брожу унылый,
Во мне одном веселья нет,
И ах! не будет до могилы,
Пока сей не покину свет. . .

Увы! всё то, в чем я, несчастный,
Свое блаженство находил, —
Всё то, всё то, что я столь страстно
И с восхищением любил,
Уже не существует боле! . .
О Делия! тебя уж нет!
Навек увяла ты, как в поле
Безвременно вдруг вянет цвет!

В летах, когда лишь начинают
Всю цену жизни познавать;
Когда с весельем засыпают,
С весельем день встают встречать;
Когда беспечность отдаляет
Заботы мрачные с тоской,
Когда всё душу восхищает
И сердце веселит мечтой, —
Узнал я Делию впервые!
О, незабвенные лета!
О, дни, любовию святые,
И вы, прелестные места, —
Где я, любовью упоенный,

Взирал на Делию мою,
Где я, любовью восхищенный,
Промолвил в первый раз — *люблю*;
И где она взаимно то же
Сказала, очи потупив!
О, как, о, как тогда — о боже! —
Ничтожный смертный был счастлив!
Какое в сердце восхищенье,
Какой восторг я ощущал!
Клянусь! в то самое мгновенье
И в рай бы я не пожелал!

«Весной, мой друг, когда раздастся
Здесь Филомелы первый глас,
Пред алтарем тебе отдастся
Моя рука в тот самый час», —
Уже мне Делия сказала.
Весны я с нетерпеньем ждал,
Как вдруг она приметно стала
Всё вянуть, вянуть. . . час настал —
И наконец — «о друг сердечный!
Прости, — сказала мне она, —
Прости, но верь, что не навечно:
Другая есть еще страна, —
Где ни страданья нет, ни муки,
Где мы соединимся вновь
И где не будет уж разлуки,
Где вечно царствует любовь».
. . . .

Уж возвратился май веселый,
И в роще раздается глас
Весну поющей Филомелы —
Увы, настал урочный час,
В котором Делия мечтала
Меня блаженством подарить,
Тот час, в который завещала
Себя со мной соединить!

О боги! милой прорицанье
Спешите совершить скорей!

Мне без нее сей мир — изгнанье,
Мне только жизнь мила при ней.
. . . .

Всё восхищается весною,
Природа всё животворит!
Один, один лишь я с тоскою!
Один лишь я от всех забыт! . .
Увы! когда ж я перестану
Крушиться так, как я крушусь?
Ах! скоро ль, скоро ль я увяну
И с Делией соединюсь?
Когда в тот край, о боги хладны!
Меня переселите к ней,
Где обретет приют отрадный
Усталый странник жизни сей?!

Между 1818 и 1820

132. ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ САФО

Блажен, как бог, кто слух вперяет
В приятный, нежный голос твой,
Улыбку нежну замечает
И восхищается тобой.

По жилам смертный хлад струится,
Когда увижу я сие,
Уста немеют, взор мрачится,
И бьется сердце вдруг мое.

То мраз во мне, то пламенею,
Не помню вовсе сам себя,
В смятении горю, бледнею. . .
Дрожу. . . и замираю я.

Между 1818 и 1820

133. К И. А — ВУ
(В ОТВЕТ НА ПИСЬМО)

Напрасно думаешь, что там
Светильник дружбы угасает,
Где жертвенник любви пылает;
Напротив, друг мой! фимиам,
Тем сердцем дружбе приносимый,
В котором огнь неугасимый
Любви горит уж навсегда, —
Не перестанет никогда
С сугубой ревностью куриться;
Любовью всё животворится.
И из чего, скажи, ты взял,
Что твой сопутник с колыбели
Любить друзей уж перестал?
Иль в нем все чувства онемели
И он, как лед, холоден стал?
Мой друг! так думаешь напрасно;
Всё тот же я, как прежде был,
И ничему не изменил;
Люблю невольно, что прекрасно;
И если раз уж заключил
С кем дружества союз я вечный,
Кого люблю чистосердечно,
К тому, к тому уж сохраню
Любовь и дружество, конечно,
И никогда не изменю.
А потому и будь покоен,
Коль дорожишь ты мною так;
Тебя, мой друг, полюбит всяк,
Ты дружбы каждого достоин.

Что ж я молчал — тому виной
Не дружбы нежной охлажденье,
Как уличаем я тобой;
Но, так сказать, себя забвенье
Любви в счастливом упоенье.

. . . .

Так, друг мой, так, и я стал жрец
У алтаря Киприды милой;
И что бы ни было. . счастливый

Или несчастный мне конец,
Я не престану неизменно
Отныне жертву приносить
Своей богине повседневно.
Ах! можно ль, друг, и не любить?
Любовь есть цель всего созданья!
Но пусть по-твоему — мечтанье,
Мгновенный призрак, легкий сон;
Пусть сон. . . я буду им доволен,
Я буду счастлив, хоть неволен,
Лишь только б продолжился он!
. . . .
Да и когда же предаваться
Мечтам, мой друг, как не теперь, —
Лишь только в юности, поверь,
Мы ими можем наслаждаться;
А юность, друг, стрелы быстрей
За каждым вслед летит мгновеньем!
Летит — и мчатся вместе с ней
Мечты, утехи с наслажденьем.
За ними старость прибредет,
А вместе с нею и кручины,
Чело покроют всё морщины,
Унынье дряхлость наведет,
Настанут, друг мой, дни угрюмы,
Встревожат сердце мрачны думы,
Любовь и места не найдет.

Итак, доколь еще есть время,
Живи в веселье и люби;
Не почитай любовь за бремя
И даром время не губи.

Между 1818 и 1820

134. БОГАТСТВО

(Из Анакреона)

Если бы возможно было
Нам богатством жизнь продлить,
Я бы стал тогда всей силой
Злато и сребро копить;

И по общему закону,
Когда б смерть ко мне пришла,
Не жалея миллиону,
Чтоб еще пожить дала,
Я старался б откупиться;
Но когда сего нельзя,
Так почто ж и суетиться
И тревожить так себя?
К чему злато за замками,
Накопивши, сохранять?
Не приятнее ль с друзьями
В пирах время провождать?
Иль прелестницы прекрасной
Прильнув к розовым устам,
Тая в неге сладострастной,
В счастье равным быть богам?

Между 1818 и 1820

135—137. *ЭПИГРАММЫ*

1

«Вчера комедию мою играли;
Что, какова она?»
— «Должна быть страх дурна!»
— «Того не может быть: ведь вовсе не свистали!»
— «Да потому, что все дремали».

2

«Ты знаешь Фирса чудака;
Зачем он головой кивает?»
— «От пустоты она уж так легка,
Что и зефир ее качает».

3

Узрев, что Слабоум, сын сельского попа,
Как будто дельный, вдруг столь важным стал лицом,
Кто будет столько прост, чтобы сказать потом,
Что своенравная фортуна не слепа!

Между 1818 и 1820

138. РОМАНС

Как счастлив я, когда сижу с тобою,
Когда любуюся я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотою...
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты, друг мой милый,
Свой голос с звуками гитары съединя,
Поешь иль песенку, или романс унылый, —
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда умильным взором,
Прелестный, милый друг, ты подаришь меня
Иль обратишься вдруг ко мне ты с разговором, —
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты понимаешь
Из взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мне ласками на ласки отвечаешь,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,
Твердишь вполголоса, что счастлива ты мною, —
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда вдруг осторожно,
Украдкой ото всех целуешь ты меня.
Ах, смертному едва ль так сча́стливым быть можно,
Как счастлив я!

1819 или 1820

139

В сей долине *вечных слез*
Незабудочки лазурны
И кусточки вешних роз
Вкруг печальной вьются урны.
И унылый кипарис
На сей памятник плачевный
Шумной ветвию навис...

С ранним утром ежедневно
Я сюда с тоской хожу
И в душе своей угрюмой
Счастье прежнее бужу
О прошедших благах думой;
Но оно уж не проснется —
Мертвый сон его сковал,
И друг сердца моего
На призыв не отзовется.

⟨1820⟩

140

Желать чинов, кто славой волен,
А я быть знатным не хочу,
Колечком буду я доволен,
Когда от милой получу.

Пусть воин в поле страх наносит,
Пускай и лавры ⟨нрзб.⟩ на него, —
Колечко миленькой кто носит,
Тот верно счастливей его.

Короны блеском ослепленны
Пускай завидуют царям,
А я за царство всей вселенной
Колечка милой не отдам.

Колечко дух мой утешает,
Колечко счастье мне дарит
И всё на свете заменяет,
Коль на руке моей блестит.

Коли фортуна наградила,
Пускай те в золоте блестят.
Колечко мила подарила —
Я с ним и в бедности богат.

ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ПЛАНЫ

141

Надежда! Наконец
С тобой навек расстаться
Определил творец!
Прости ж, прости ж навечно,
И знай, о друг сердечный,
Звенит уж колокольчик!
Прости! всему конец.

Между 1816 и 1820 (?)

142

Коль пред тобой стою,
В восторге утопаю,
Твое дыханье пью;
В разлуке же вздыхаю,
Томлюсь, грущу, ⟨то⟩скую
И в скорби утешенья
Нигде не нахожу.

Между 1816 и 1820 (?)

143. К ЦИНТИИ

(Элегия из Проперция)

К чему тебе убирать чело твое иноземными прикрасами
И прикрывать легкими складками флера цеосского?
Увлажнять власы твои благовониями восточными
И жертвовать, не стыдясь, роскоши стран полуденных,

И, выставляя украшения покупные,
Не ослеплять нас единственно твоими собственными
красами!
Ах! не приноси постыдных жертв роскоши.
Поверь мне, любовь, любовь ненавидит искусство...
Взгляни, Цибелла украшает себя единствен⟨но⟩
собств⟨енным⟩ своим блеском.
Как повязка небрежно наброшена на руке ее!
Древо на скале бесплодной произрастает в вящей
красе,
И волна более прельщает нас в своем естественном
стремлении.
Тишина не украшает лона своего, как единств. сокров.
морей,
И не искусство наставляет концертам певцов
пернатых.
Когда Кастор-Поллукс преисполнился нежного
исступления,
Похитил Фебу и сестру ее Гелаиру,
Когда прекрасный Аполлон негде оспаривал сердце
Нимфы Марпессы у ее победителя,
Когда Пелопс достигал свою легкую любовницу,
Остановив стремление ее вверх ⟨*нрзб.*⟩ кругом,
То ⟨*нрзб.*⟩ его красота показывала соперникам его цвета,
В которые Апеллес омачивал свои кисти.
Ни злато, ни сафиры не составляли его оружий,
Одна чистая стыдливость составляла все его краски.
И ты, Цинтия, если хочешь всегда нравиться очам
моим,
То украшай себя всей естественною прелестью любви.
[Смотри] когда твоя соединенная красота
Вздыхает нежно на лютне Аонии,
Пение, которое, будучи то высокое, то замысловатое,
Самой Палладе служит поучением и привлекает Венеру.
Ты, которая всегда будешь благословенна мной,
Беги роскоши, обижающей красу, которой глупая
гордость завидует.

⟨*1821*⟩

144

Как *солнце* ни блестит и как оно ни светит,
Но *пятна* Астроном
И в нем, —
Коль телескоп хорош, — приметит.

Кто б ни был ты: служитель алтарей,
Иль раб во вретище, иль властелин в порфире,
Друг человечества, или злодей,
Герой, которого трепещут в мире, —
Ах! и тебя сей жребий не м⟨инует⟩.

1821 (?)

145

Приветствую тебя, отечество Вадима,
С младенчества певцу любезная страна,

Приветствую тебя, о славная страна!
Свободы колыбель, отечество Вадима.

1821 (?)

146

Вотще в различные рядим его одежды;
Пускай, пускай зовем его царем своим
И, полные в душе обманчивой надежды,
Мним счастья в храм войти, руководимы им!
Пусть будет в жизни он нам спутник неразлучный;
Всё так, всё хорошо, но только в книге скучной
Я уважаю ум, — но, истиной пленен,
Скажу: блаженней всех, кто мене всех умен.

1821 или 1822 (?)

147. ⟨НАБРОСОК ПЕРЕЛОЖЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»⟩

Они под звуком труб повиты,
Концом копья воскормлены, —
Луки натянуты, колчаны их открыты,
Путь сведом ко врагам, мечи наточены.
Как волки серые, они по полю рыщут
И — чести для себя, для князя славы ищут.
Ничто им ужасы войны!

В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным половцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян.
Но, презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем...

1821 или 1822 (?)

148. СОФЬЕВКА

Описательная поэма Ст. Трембецкого

1. ⟨ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД⟩

Милая взорам и оживленная многочисленными[1] дарами природы,
Приветствую тебя, страна, текущая млеком и медом.
На твоих лугах множество ветроногих прядает со ржанием,
Твои пажити утучняют рослых волов,
Баран, которого твои травы откормили,
Тяжесть хвоста его должны двигать колеса.
Семена, вверенные сочным твоим недрам,
В приращении уподобляются жатвам вавилонским.
Чернеются плодородные твои бразды, но земля твоя
Промокла кровью, утучнена растерзанными телами.
Досель еще недра твои, раздертые сохой поселянина,
Указывают зубы слонов и остатки персов.[2]

---

[1] *Незачеркнутый вариант над строкой:* богатыми. — *Ред.*
[2] Война сына Дария.

В сих набегах, познанная иноземцами,
Страна сия шестнадцать раз переменила властелинов.
В ней жестокие битвы Азии с Европой.
В ней подданный боролся с властителем.
И так нивы превратились в степи и в травы, не знающей косьбе ⟨?⟩
Умножились ужасною змеею, с ⟨*нрзб.*⟩ Пифону.
В последние времена, хоть не было явной войны,
Удручал Украйну неспокойный мир:
То набеги Сечи, то татарских орд.
Всегда над главою висели изменнические стрелы, копья, мечи;
Дикие племена внутри, частые возмущения, враждующий сосед [1]
Принуждали больных жить вдалеке;
Правитель богател, а властит⟨ель⟩ града
Как милость получал часть своего доходу.
Екатерина, бессмертная своими делами,
Уничтожив разбои Сечи и Крыма.
С тех пор только всякий обеспечен в своей власти,
Живет под защитою вооруженного Закона, свободный от напасти.
Изгнали варварство, дела приняли другой вид,
И плодородная земля есть тем, чем быть должна.
Ныне сии питающие ⟨?⟩ поля манят к себе.
Чрез гостеприимное море тысячью кораблей
Воскресла Одесса! меняет на злато
Плод земли, орошенный потом оратая.
Вследствие мудрого правления некогда пренебреженные селы
Перерождаются по примеру английских и италианских,
И граждане прилежно трудятся.
А как древо Юпитера в Додонских лесах,
Так Потоцкий возвышается пред другими:
Воспоминать предков его излишним было бы трудом, —
И кто с этим родом сравнится заслугами?
И что он сделал для отечества и для своих соотчичей —
На особенной хартии предам потомству.
Ныне занимает меня единственно описание,
Откуда взялось имя Софьевки и для чего оно славно?

[1] Турок, наделяющий чумою.

Однажды дали знать, что народ собрался
с соболезнованием,
Жалуясь, что один зверь разоряет пасеки, пчельники,
Другой пойманных агнцев испил невинную кровь,
Тот класы Цереры пожрал и вытоптал.
Собрали псарню, готовы кони,
Юношество, жаждущее опасностей, подает знак к охоте,
Спешат в поле, едва сняли смычки.
Лай псов; звук рогов охотничьих вторят леса.
Сам хозяин спешит на глухую тропу между скал,
В сие время пущенная стрела пронзила ему грудь.
Когда хотел найти убийцу и оглядывается кругом,
стоная,
Маленький охотник[1] плавал в воздухе *с милою
улыбкою.*
Говорит: «Не жалуйся; это дружественная язвь;
Для довершения твоего счастия она нанесена тебе.
Ты имеешь почести, имеешь несметные сокровища,
Имей же и ту, которая приятностию равняется с моею
матерью.
Где Сельница с Тульчинкой изливают чистые струи свои,
Гимен соединит участь твою с Софьей.
Ты назовешь сим именем место, где я показался тебе,
Чтобы по сей причине навеки его прославить.
А в дополнение должной мне жертвы
Перемени в великолепные сады ужасные сии овраги.
Для сооружения я помогу тебе моими руками,
Проведу первые черты острием моей стрелы.
Здесь, где амфитеатром возвышаются горы,
Поставь жилище для нашей подруги Флоры,
Далее великолепный ряд коринфских колонн —
Пусть, поддержав храм любимицы Вертумна,
Несет она неблагодарного, ее благодарившего ⟨?⟩ даром,
Будут гнутые ветви осеннею тяжестию.
Там, где ты будешь забавляться с твоими детьми,
С сокровенною пышностью рассыпь сельские хаты;
Остальное отдал бы твоей воле, если поставишь
напереди
Истукан Минервы — покровительницы твоего роду.
Высоким своим достоинством он обязан Палладе;

---

[1] *Над строкой:* Амур. — *Ред.*

Она вам помогает в боях и советах.
А как сие условие делается между нами на охоте,
И как дщерь Латоны есть богиня ловитвы,
Сделаешь озеро, в которое излиянные воды Вильчи,
Может носить название зеркала Дианы.
Сделай или нет — сделай, что тебе угодно,
Боготворение упрямой девственницы для меня хладно».
Рек и, поостря стрелы на кровавом камне,
Устремился парить над херсонесскими валами.
Эти условия добрая [1] вера повелевает исполнить,
И оттого дано Софьевке бытие и привлекательность.
Из раздробленных скал соорудив правильные склады,
Воззвали на них обитать заморские дриады.
Ноздреватые плиты, дающие отпор стали,
Превратились в колоссы и в изображение богов.
Труды твои бесконечные, и всякую весну
Прибавятся какие-нибудь достопамятные украшения.
Слава сих мест, неизвестных в прежние лета,
Наполняет окрестные страны.
Но не довольно слышать о сем, и взоры, избалованные Тульчином,
Горят нетерпением осмотреть оные.
Здесь, находя предметы, знаменитые во всех отношениях,
Всё посредственное кажется противно вкусу.
Лечу, не слезая с утружденного коня,
И когда запах Софьевки окружит меня,
Взоры мои повсюду пленяются новым творением.
Это утешает меня, другое забавляет, иное восхищает.
Обиженные прежде горы осенились принесенными издалека лесами,
Где между отечественными деревьями помещены
Произрастания Ливана, Атласа и Антиподов.

2. ⟨НАБРОСОК СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА⟩

Дарами щедрыя природы оживленна,
Приветствую тебя, страна благословенна,
Точащая из недр млеко и чистый мед!
Ты для оратая даешь сторичный плод;

[1] *Незачеркнутый вариант над строкой:* теплая. — *Ред.*

Луга цветущие, дыша благоуханьем,
Всегда оглашены коней ретивых ржаньем;
На тучных пажитях дебелый бродит вол,
И овцы, прядая, пестрят зеленый дол!
[Но кровью тучная земля твоя упилась]
Но плодородная земля Украйны милой
Промокла кровию, могилой
[Необозримые, златящиеся нивы
Волнует ветерок прохладный и игривый]
[Но плодородные бразды земли прекрасной
Напоминают нам про жребий твой несчастный]
О сколько раз тебя свирепая война
Но трупами сынов сраженных утучнилась
И кровью ⟨*нрзб.*⟩ душа твоя упилась
[Прелестный край!
Душа летит ⟨к тебе?⟩
Земля прекрасная]
Досель раздертая [оратая] сохой поселянина
Ее земля
Земля свободных козаков
Вдруг выкажет [останки]
Иль зубы белые слонов

1821 или 1822 (?)

149

[Вечернею порою,
Склоняясь над ружьем,
Стоял солдат с тоскою
На вале крепостном.]
По небу голубому
Плыл месяц молодой;
По валу крепостному
Вдоль ходит часовой.
[Мундир Преображенский
Стан стройный обхватил.]
Вокруг мгновенный трепет
И шелест парусов,
Невы невнятный лепет
И крики рыбаков...

[Томится чем-то дивным
Душа моя давно.]
Шумит река. Но воин
Не слышит плеску волн
И бродит, неспокоен.
Сердечной думы полн.
[Луч месяца трепещет
На шпице крепостном,
Огонь восторга блещет
На воине младом.]
Луч месяца играет
На трепетных струях,
Огонь души пылает
У воина в очах.
С волненьем обычайным,
Отрадою дыша,
Томится чем-то тайным
[Высокая] душа.

[Грудь юного в волненьи,
Роятся и кипят]
Безмолвие в природе,
Но в ⟨нем⟩ волнует кровь
И к правде и к свободе
Священная любовь.
Кипят в нем и роятся
Высокие мечты
И вылететь стремятся,
Как будто из тюрьмы.

Свое предназначенье
Узнав в тиши ночной,
«Не это ль вдохновенье?» —
Рек воин молодой.

Кто ж был сей ⟨несравненный⟩
Сей дивный часовой?
Певец наш вдохновенный,
Державин молодой.

1821 или 1822 (?)

150. ⟨ОЛЬБРОВН И РУСЛА⟩

⟨Отрывок⟩

На дальных берегах чужбины
Он девять месяцев разил
Иноплеменные дружины
И их зеленые равнины
Невинной кровию багрил.
Непостоянство бурной влаги,
Пучины грозные морей,
Ни блеск сверкающих мечей
Не охлаждали в нем отваги.
Владыки чуждые пиры
В нагорных замках нам давали,
Несли с покорностью дары,
Свои услуги предлагали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу и союз.
Успехами надменный сими
И славы жаждущий Иснель
С друзьями храбрыми своими,
Прибрежных к трепету земель,
Приготовлялся к битвам новым. . .
Однажды пред костром дубовым,
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склонясь главою:
«О царь певцов! — сказал он мне, —
Почто столь долгое молчанье?
Почто, почто в очарованье
Ты не приводишь, скальд младой,
Души тоскующего друга
И в повести своей живой
Преданий древности седой
Нам не расскажешь в час досуга?
Отчизны милая страна
Ольбровна именем полна,
Но кто он был — Иснель не знает. . .»
— «Под камнем сим, — был мой отвст, —
Сей храбрый витязь почивает
С подругой нежной юных лет!

Дубравы Скании дремучи
Гремели дел его молвой:
Вскипев отважною душой,
Пятнадцать раз Ольбровн могучий
Медведей лютых низлагал
Своею сильною рукою
И их свирепство укрощал
Перед трепещущей толпою.
Пятнадцать раз его стрела
Паренье дерзкого орла
Внезапно с жизнью пресекала
И от туманных облаков
При кликах радостных стрелков
На дол зеленый повергала.
Но в те лета, когда любовь
Кипящую волнует кровь,
Когда всё дышит негой сладкой,
Как роза пышная весной,
И сердце юное украдкой
Подруги ищет молодой, —
Один Ольбровн не ведал страсти,
Лишь он был долго чужд цепей,
Не знал любви волшебной власти,
Не ведал прелести очей...
Однажды с Руслою прекрасной
Он встретился в лесной глуши;
Взглянул — и огнь любови страстной
Свободу заменил души...
С тех пор он каждый день с зарею
Из мрачной глубины лесов,
При громком лае серых псов,
Перед красавицей младою,
Чтоб приобресть ее любовь,
Являлся с дикою козою
Или со шкурами волков.
«Суров и горделив доныне, —
Так наконец он ей сказал, —
Дни одинокие в пустыне,
Как сирота, я провождал.
Любви томления приятны,
И нега чувств души младой
Ольбровну были непонятны...

О Русла, друг прекрасный мой,
Очей прелестных пылкий пламень
Ты в душу мне перелила,
Ты в сердце претворила камень,
Ты мне почувствовать дала,
Ты воскресила мою младость. . .»

⟨1822⟩

151

Сидел лишь Миних одинок
И, тайною тревожим думой,
С презрением, как на порок,
Глядел на деспота угрюмо.

1822

152

Любимец и любитель муз
Предназначенью не изменит.

1822

153. ⟨ПЛАН И НАБРОСКИ ТРАГЕДИИ «МАЗЕПА»⟩

⟨ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ⟩

Мазепа. Гетман Малороссии. Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине.
Галаган. Полковник. Человек обыкновенный.
Зеленский. Иезуит. Друг Мазепы.
Орлик. Генеральный писарь. Хитрый честолюбец.
Кочубей. Мстительный человек.

Любовь. Жена его. Твердая и благородная женщина.

Матрена. Дочь их. Любовница Мазепы. Пылкая девушка.

Искра. Полтавский полковник, свояк Кочубея.

Святайло. Духовник Кочубея Глуховец. Писарь Кочубея Яковлев. Перекрест Чуйкевич. Свояк Кочубея	Друзья Кочубея.

Чечель. Полковник, преданный Мазепе. Отчаянная голова.

Войнаровский. Племянник Мазепы. Пылкий, благородный молодой человек.

Скоропадский Апостол Чарныш	Преданные Петру полковники.

Полуботко. Молодой человек, пылающий любовью к родине и благу соотечественников, решительный козак. Гордый и благородный человек.

Вельяминов-Зернов Ломиковский. Генер. обозный А. Гамалея. Генер. есаул Кенигсек. Есаул, начальник артиллерии	Судьи, друзья Мазепы.

Козаки. Сердюки. Русские солдаты.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ

Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился: [старость даже самое коварство] ни [дружество и] уважение [близких], ни уважение, оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной.

Орлик — хитрец, представляющий при случае Мазепу преданным Р⟨оссии⟩.

⟨ПЛАН ТРАГЕДИИ И СХЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ СЦЕН⟩

1

Пролог. Пиршество в Москве у Петра. Спор его с Мазепой. Мазепа получил оплеуху.

I. Сцена. Мазепа ожидает Зеленского. Приход его, тайная их беседа.

II. Сцена. Пиршество у Мазепы. Он старается напоить полковников и выведать их мысли; он намекает о своем намерении отложиться от москалей; Кочубей не может скрыть своей радости. Мазепа примечает ее.

III. Сцена. Кочубей открывается Искре о намерении своем донести на Мазепу и тем отомстить ему. Они наконец соглашаются.

IV. Сцена. Кочубей с женою ожидают кого-то. Стук у дверей. Входит поп Святайло; сцена с ним. Проклятие дочери.

V. Сцена. Мазепа приводит в движение пружины свои. Беседа его с Войнаровским.

VI. Сцена. Собрание у Кочубея врагов Мазепы; он отправляется в Москву. Мазепа при конце своего намерения вдруг узнает от дочери Кочубея, что существует против его заговор, что Кочубей донес на него через дочь Кочубея. Известие подтверждается неизвестным. Смятение.

VII. Суд над Кочубеем и Искрою. Сцена дочери с отцом. Просьбы ее к Мазепе пощадить отца. Казнь их.

VIII. Взятие Батурина. Лагерь под Полтавой.

IX. Мазепа в Бендерах. Смерть его. Разговор запорожцев и сердюков.

2

I. Матрена Кочубеева в темнице у отца, она пришла освободить его. Тот проклинает ее. Казнь.

1. Разговор запорожцев.

2. Сцена ее с Мазепой. Она теряется рассудком.

3. Кочубеева при ешафоте или при могиле отца. Мазепа проходит. Она в помешательстве ума принимает ешафот за алтарь; и просит Мазепу обвенчаться. Смятение Мазепы. Она пляшет вокруг ешафота и поет. Ее схватывают. Лагерь Мазепы. Разговор Мазепы и Войнаровско-

го. Он получает известие, что Кочубеева скрылась. Выступленье. Песни. Начинается буря; Днепр волнуется. Молния сверкает часто, и гремит гром, на возвышении появляется Кочубеева. Монолог. Она бросается в Днепр.

Слепец-бандурист поет песню Мазепы.

Злоумышленники у Мазепы. Привозят Кочубея; Мазепа один борется. Суд.

⟨НАБРОСКИ МОНОЛОГОВ И РЕПЛИК⟩

1

Царь Алексей был счастлив на министров
И им одним поистине обязан
Всей славою правленья своего.
Что б сделал он без мудрости бояр.
Морозов был царю небесный дар!..

Молчи! Ты лжешь... бессмысленной хулою
Великих дел мной чтимого отца
Ты не меня ль превознести желаешь...[1]
Не думал я найти в тебе льстеца...

Ты чаще всех со мною споришь, дядя,
И чаще всех ты досаждаешь мне,
Так иногда, что, гнев свой не скрывая,
Бранюсь с тобой, а после посмотрю,
И вижу я, что, правду обожая,
Лишь предан ты отчизне и царю.
За истину я дяде благодарен,
Скажи же мне с обычным беспристрастьем,
Что доброго в деяниях отца
И в собственных по правде ты находишь?

2

Князь Меншиков прислал меня из Польши
С известием, что Карл идет на Русь
И хочет быть зимой еще в Москве.

[1] *Вариант автографа:* «Ты не Петра ль превознести желаешь...»

3

Что ты задумал, хитрый Мазепа,
Что ты замыслил, гетман седой?

4

Враждою тайною себя я не унижу
Пусть тайный соверша союз

5

Оставь меня! Я здесь молю:
Да всеблагое провиденье
Отпустит деве преступленье,
Что я тебя еще люблю.
Молю: да ненависть заступит
Преступной страсти пламень злой, —
И честь, и стыд, и мой покой
Ценой достойною искупит.

6

С самопалом и булатом,
С пылкой храбростью в сердцах
Смело, други! Брат за братом
На лихих своих конях!

Смело грянем за свободу,
Оградив себя крестом;
Возвратим права народу,
Иль со славою умрем!

Пусть гремящей быстрой славой
Разнесет везде молва,
Что мечом в битвах кровавых
Приобрел козак права!

Смело, други! В бой свирепый!
Жаждет битвы верный конь.
Смело, дружно за Мазепой
На мечи и на огонь.

1822

154

Ты, Глинка, прав — и твой совет
На мудром опыте основан;
Но пусть чернит поэта свет:
Уж я давно разочарован,
И заблуждений прошлых лет
В душе увял минутный цвет...
Я славою не избалован,
Но, к благу общему дыша,
К нему от детства я прикован,
⟨К нему⟩ ⟨ле⟩тит моя душа
. . . . . на звучной лире.

1822 (?)

155. ⟨НАБРОСКИ АЛЬБОМНОГО МАДРИГАЛА⟩

Меня с тобою познакомил
Неоцененный твой альбом.

[Дивлюся вкусу твоему]
Люблю любовь твою к искусствам
[Давно] завидую уму
И [благородным сердца] чувствам.
И пылкости прекрасных дум.

Дивлюсь души прекрасным чувствам.
Хвалю твой просвещенный ум.

1822 (?)

156

Долго ль, други, рабствовать нам.
Утомленная враждой,
Вся Украйна ждет покою!
Жаждут мира все душой.

1822 (?)

157

Повсюду вопли, стоны, крики, [1]
Везде огонь иль дым густой.
Над белокаменной Москвой [2]
Лишь временем Иван Великий [3]
Сквозь огнь, сквозь дым и мрак ночной
Столпом огромным прорезался
И, в небесах блестя челом,
Во всем величии своем [4]
Великой жертвой любовался.

1822 или 1823

158

Была уж ночь, когда я подходил
К Кирилловой обители пустынной;
Средь ясных звезд по небу месяц плыл

Там, где убийство тиран совершал
В Александров ⟨*нрзб.*⟩
На Ирине ⟨?⟩ свой брак Иоанн пировал
Там, где убийства тиран совершал

1822 или 1823 (?)

159. ⟨НАБРОСКИ ДУМЫ «ВАДИМ»⟩

1. ЮНЫЙ ВИТЯЗЬ

Над кипящею пучиною
На утесе . . . . . Вадим
В даль с безбрежною кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Воздух молния сечет;

---

[1] *Далее было в автографе ПД:* Везде над белою Москвой
[2] *Далее было в автографе ЦГАОР:* Как туча ходит дым густой
[3] *Вариант автографа ПД:* Из хаоса Иван Великий
[4] *Вариант автографа ЦГАОР:* И в изумлении немом

Волхов пеной серебристою
В берег хлещет и ревет.

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.

До какого нас бесславия
Довела вражда граждан —
Властелинов Скандинавия
Насылает для славян!

2

Над кипящею пучиною
Подпершись сидит Вадим
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Сумрак молния сечет;
Волхов пеной серебристою
В брег песчаный с ревом бьет.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в узорчатый венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Как утес средь моря каменный,
Как полночи вечный лед,
Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ.

3

Над кипящею п⟨учиною⟩
Ходит сумрачно ⟨Вадим⟩
И на Новгород ⟨с кручи⟩ною
Смотрит нем и недвижим.

Страсти пылкие рисуются
На челе его младом;
Перси юные волнуются,
И глаза блестят огнем.

Гром гремит! Змеей огнистою
Воздух молния сечет.
Волхов пеной серебристою
В берег плещет и ревет.

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан —
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной,
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в серебряный венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Между 1821 и 1823

160

Но черный призрак мнимой чести,
Борьба души, волненье дум
И жажда кровожадной мести
Затмили юношеский ум.

Между 1821 и 1823

161

Ах! если б возвратить я мог
Порабощенному народу
Блаженства общего залог
Былую праотцев свободу.

Между 1821 и 1823

162

[О, что тебя, край милый, ожидает,
Что в будущем грозит]

[Не туча кроет небо ясное
Такою думою взволнованный
В цепи тяжкие закованный
Князья ⟨*нрзб.*⟩ суровые
О судьба, судьба суровая,
За что меня, за что лишает зренья бог.]

Между 1821 и 1823 (?)

163

На гордой крутизне брегов
Стоит во мраке холм Олегов;
Под Киевом вокруг костров
Пируют шайки печенегов.
Отрадна им гроза набегов,
Им наслаждение война;
На лицах варваров видна
Печать свирепых, диких нравов.
Среди вождей перед костром
Их князь сидит на пне седом,
И буйную толпу кругом
Обходит череп Святославов
С заморским пенистым вином.

Между 1821 и 1823 (?)

164. ⟨НАБРОСКИ ДУМЫ «МАРФА ПОСАДНИЦА»⟩

1

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважного полки.

Всё было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

[И долго длилась тишина,
Заря на небе зажигалась,
И вся окрестная страна,
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкого полна.]

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов —
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех пяти Концов.
. . . .

2

Простите вы, поля, долины, реки!
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки:
Мне суждено окончить дни в глуши.

Твои, о Новгород! разрушенны твердыни
Перед царем легли в⟨о⟩ прах,
Окрестности превращены в пустыни,
И Марфа гордая в цепях!

[Всё кончено: разрушилося Вече,]
[Решилось всё в кровавой сече;]
[Как гордый дуб в час грозной непогоды,
Покорены свободные народы.]

. . . .
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
В цепях увидела Москва.

[Решать дела привыкли мы на Вече,
Нам не закон коварная Москва.]
За мной, друзья! [Все в жертву за свободу]
Умрем в кровавой сече
Иль отстоим священные права
[Пусть голоса решат на шумном Вече,
Кто государь — народ или Москва]

[Но Марфа чистая, чьим чувствам не изменит]

[Мы не рабы; не купим мира златом]
Нам от беды не откупиться златом
Мы не рабы: мы мир приобретем,
Как люди вольные, своим булатом
И дружество скрепим копьем.

Всё отнял рок жестокий и суровый:
Отечество, свободу, сыновей.
И вместо их мне дал одни оковы
И вечный мрак тюрьмы моей.

[Всё кончилось! но я свое свершила,
Всё в жертву я свободе принесла,
В чем в жизни я отраду находила]

Свершила я свое предназначенье;
Что мило мне, чем в свете я жила:
Детей, свободу и свое именье —
Всё родине я в жертву принесла.

Душа моя тверда, как дуб нагорный,
Напрасно бедствия сразить ее хотят
[Вотще ревет и вихрь и ветр упорный]
. . . .
. . . .

Не ездили из Новгорода в степи
Мы на поклон в презренную Орду;

Мы на себя не налагали цепи
И . . . .
Кто чести друг, кто друг прямой народа
. . . .

Что сталось с ней — народное преданье
В унылой робости молчит.
С Посадницей исчезнула свобода,
И Новгород в развалинах лежит.

1822 или 1823

165. ⟨МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ⟩

1

В краю, где солнце редко блещет
На мрачных небесах,
Где Сосва в берег с ревом плещет,
Где воет ветр в лесах,
Где снег лежит две трети года,[1]
Как саван гробовой,
И полумертвая природа
[Чуть оживляется с весной][2]
Где царство выоги и мороза,
Где жизни нет ни в чем,
Чернеет сумрачно береза
На берегу крутом.

2

[В стране угрюмой] и глухой,
Где Сосва с бурей часто воет
И берег дикой и крутой
Шумящею волною роет, —
Между кудрявым тальником,
Близ церкви, осененной бором,
Чернеет обветшалый дом
С полуразрушенным забором.

---

[1] *Вариант автографа:* Где снег лежит на тундре зыбкой
[2] *Далее в автографе было:* Под кровом нищеты убогой

Там [illegible] глухой,
Где Сова-пугач часто воет,
И берег дикий и крутой
[illegible] растет, —
Между кудрявыми [illegible],
Черкеса обветшалый дом
[illegible]

Будь ласков, дедушка, [illegible];
Ходит [illegible], [illegible]!
[illegible] кладбище;
Суровые [illegible]
[illegible] кладбище,
Часовня [illegible],
И обветшалая гробница,
[illegible]
И молитва [illegible] стена [illegible].
Одна [illegible],
Под [illegible],
Другая [illegible]
[illegible]

3

«Будь ласков, дедушка, ко мне:
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью в стороне,
К земле склонившись, крест унылый? [1]
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и всё кладбище,
Там церковь новая вдали, [2]
Тут обветшалое жилище.
С могилки две стези бегут:
Одна бежит по косогору
В убогий нищеты приют, [3]
Другая змейкой вьется к бору... [4]
Не в сих местах мой край родной:
Я на чужбине здесь, я в ссылке;
Скажи мне, дедушка седой!
Чей прах почиет в той могилке?» [5]
— «Как ты, из дальней стороны
В сей край изгнанные судьбою,
Под той могилою простою
Отец и дочь схоронены. [6]
Отец, как здесь болтали тайно,
Был другом [мудрого] Петра».

---

[1] *В черновом автографе ПД далее было:*
Над зеленеющим холмом
Стоит березка молодая

[2] *В автографе ЛБ:* Часовня древняя вдали

[3] *В автографе ЛБ:* И в тот бревенчатый приют

[4] *В черновом автографе ПД после ст. 12 было:*
Я родилась не в сих местах
Я поселилась здесь недавно
Не родина Березов мне.
Ах, родина моя далёко.

В автографе ПД после ст. 12 было:
Вчера была я на холме
И пролила невольно слезы

[5] *В автографе ЛБ вместо ст. 13—16:*
Березов мне не край родной;
Сюда я брошена судьбою,
Скажи ж страдалице младой,
Над чьей могилою простою
Стоит под елью крест простой?

[6] *После ст. 20 в автографе ПД было:*
Отца я знал. Всегда безмолвный
Отца я знал. Его любили

4

[Любил уединенье он:
Я часто зрел его, мой сын]
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный
Он часто, позднею порой,
Сидел на паперти церковной.

[Тут познакомился я с ним
Он подал мне на дружбу руку]

1823

166

Вы снисходительны, я знаю:
Порука мне — ваш милый взор;
Я с вами от души болтаю,
Простите вы сердечный вздор...

1823

167

Я помню вас, мои друзья,
Я помню вас, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды.

1823

168—169. ⟨*НАБРОСКИ ПЕРЕВОДОВ ИЗ МИЦКЕВИЧА*⟩

1

⟨СВИТЕЗЯНКА⟩

Что за девица прелесть красою,
Что за прекрасный юноша с ней?
Вместе из бору поздней порою
Йдут при свете бледных лучей.

Парню — малины в дар из кошницы,
Парень — цветочки ей для венка.
Верно, любовник он той девицы,
Верно, подруга парню она.

Поздней порою в час полунощи,
Верно, свиданье там у ручья.
Парень — охотник соседственной рощи.
Кто ж эта дева — не ведаю я.

Спросим: откуда? — тщетно, напрасно;
Где пребыванье — бог весть о том;
Как на болоте пламень неясный
Вспыхнет — и быстро погаснет потом.

«Дело ль быть скрытной, дева младая,
Скоро ли будет тайне конец?
Другу откройся, прошу, умоляю,
Родом откуда, кто твой отец?

Минуло лето, листья поблекли,
Ветр их со свистом носит в полях,
Села и рощи от дождика взмокли,
Холод осенний дышит в лесах.

Робкою серной к бору сырому
Или как призрак бродит ночной.
Лучше, поверя другу младому,
Лучше останься, дева, со мной.

Там, на полянке, в роще дубовой,
Хата простая близ ручейка,
Всё в ней с избытком будет готово:
Овощей, дичи и молока».

«Стой, удержися, — дева вещает, —
Помню, твердил мне порою отец:
Голос мужчины — душу пленяет,
В сердце коварный кроется льстец.

Я от природы с робкой душою,
Что, если бросишь в чуждой стране?

Может, была бы дева твоею,
Если б ты верен вечно был мне».

Юноша клялся, клялся ужасно,
Горсть ухвативши хладной земли;
Месяц блеснул из тучи неясно,
Гром прокатился глухо вдали.

[Бойся нарушить, юноша милый,
Клятву ты эту дал навсегда,
Кто ей изменит, ее за могилой,
И здесь и повсюду]. . .

2

⟨ЛИЛИИ⟩

Жена грех тяжкий сотворила:
Молодка мужа умертвила
И погребла его в леску,
При ручеечке, на лужку.
Курган цветами засевала
И, засевая, припевала:
«Растите так вы высоко,
Как муж зарыт мой глубоко;
Цветите розы и растите,
Растите долго и цветите. . .»

Окровавлённая потом
Преступница — бегом, бегом —
Чрез пни, суки и через кочки,
Чрез горы, долы, ручеечки! . .
Порывный в поле ветр свистит,
Темно и хладно средь долины,
Кой-где ворона прокричит
Или раздастся крик совиный.
Окровавлённая бежит
Со страхом вдоль лесной опушки;
Спустилась в дол, где старый бук;
Вот в лес, к пустынника избушке —
И в двери ветхие стук-стук!

«Скажи святыми мне устами,
Что делать бедная должна,
И чем спасусь пред небесами?
На муки все готова я,
На тяжкий пост, на бичеванья,
Лишь только б тайна злодеянья
Упала навсегда с меня! . .»
— «Жена! — ей отвечает старый: —
Тебя убийство не страшит,
Но мучит страх достойной кары,
И сердце ужас бременит.
Иди ж себе и будь в покое,
Откинь напрасную боязнь:
Пребудет тайной дело злое
И не близка преступной казнь.
Так суждено творцом издавна:
Что жены сделают не явно —
Одним мужьям то знать дано,
А муж твой спит в земле давно».

Таким довольная ответом,
Бежит преступница домой;
Бежит чрез лес — и пред рассветом
Узрела пышный терем свой.
Ее детей кружок унылый
Перед воротами стоит:
«А где наш тятя, тятя милый?» —
Навстречу матери кричит.
«Кто? Тятя ваш? . .» Но замер голос,
На голове стал дыбом волос,
Не знает, что сказать детям. . .
«Он едет, дети! едет к нам. . .
Беги скорее, все в тревоге,
Беги, Демьян, я слышу стук. . .
Там пыль клубится по дороге. . .
Там конский топот, крик и гук.
Беги за рощу в лес густой:
Не гости ль едут в терем мой?»
Вот пыли облака густые;
Всё ближе, ближе. . . Чрез лесок
Вот едут, скачут вороные,
Вот вправо, влево — на мосток. . .

Сребром и златом блещут платья,
Мечи булатные блестят
И в золотых ножнах гремят —
То в гости к брату скачут братья...
«Невестка, здравствуй!.. Где же брат?»

«Где брат? где брат? Где муж ⟨мой⟩ милый?..
Давно уже ⟨он⟩ взят могилой...»
— «Когда и где?» — «В чужой стране
Погиб несчастный на войне».

«Поверь, то вздор, невестка, явный;
Война окончена с врагом,
И невредимый с битвы славной
Брат возвратится в отчий дом».

Жена от страху побледнела,
Затрепетала и замлела...
И вот без чувств упала вдруг;
Тревожно, робко взоры водит:
«Где он? где труп? где мой супруг?..»
Но вот опять в себя приходит;
В восторге, будто вне себя:
«Скажите мне, скажите, братья,
Когда дождуся мужа я?
Когда, когда в свои объятья
Я заключу, мой друг, тебя?»
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Затрясся в164 основанье храм,
Ужасно стены затрещали,
И своды, рухнув пополам,
Загрохотавши, вдруг упали...
На той земле цвесть розы стали,
И цвесть так стали высоко,
Как муж зарыт был глубоко...

Между 1822 и 1824

170. ⟨ПАРТИЗАНЫ⟩

В лесу дремучем на поляне
Отряд наездников сидит.
Окрестность вся в седом тумане;
Кругом осенний ветр шумит,
На тусклый месяц набегают
Порой густые облака;
Надулась черная река,
И молнии вдали сверкают.

Плащи навешаны шатром
На пиках, в глубь земли вонзенных;
Биваки в сумраке ночном
Вокруг костров воспламененных!
Средь них толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.

Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег;
Заботы трудны боевые,
Но весел шумный их ночлег:
Живой беседой сокращают
Они друг другу час ночной,
Дела вождей страны родной
Воспоминаньем оживляют
И лес угрюмый и густой
Веселым пеньем пробуждают.

[На гибель, враг, пришел ты к нам...

Наточены ли сабли ваши,
Навострены ли пик концы

Приятен [шумный] радостный ночлег,
Но веселей с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча

Как не любить друг друга нам,
Что веселее жизни нашей

Пируйте, други, праздный час
Вину и дружбе посвящайте,

Ждет снова завтра битва вас
Чрез лес, чрез дол и топкий мох
Летим к враждебному биваку
И, налетев как снег врасплох.]

«Вкушает враг беспечный сон;
Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внезапный, налетаем.

В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох застигнут удальцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми донцами.

Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим
И там за чашей круговой
Минуты отдыха проводим.

С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча».

Так сонмы ратников простых
Досуг беспечный провождали.

1824 (?)

171

Заплатимте тому презрением холодным, [1]
Кто хладен может быть к страданиям народным,
Старайтесь разгадать цель жизни человека, [2]
Постичь дух времени и назначенье века.

1824 или 1825

---

[1] *Перед ст. 1 в автографе было:*
Их души слабые всегда меня дивили
[2] *Вариант автографа:*
Старайтесь разгадать предназначенье века

172. ⟨ПЛАН ПОЭМЫ ИЗ КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО БЫТА⟩

1

Смерть лезгинца на груди козака.

Рассказ козака злодея: его скорбь ⟨?⟩, коварство, плен любовницы. Его мучения, сон. Убийство. Ужас. Взятие Круглолеска. *Имена.* Асиат.

Нравы козаков; храбрость награждается красотою, трусость наказывается. Возвращение из похода.

Он влюбился в Асиат. Кто она; он возвращает ее ее брату. Обряды; клятвы и речи его о Асиат; мужу ее угрозы. Смерть ее.

2

Он любит Асиату, но старается преодолеть в себе страсть; он предназначил себе славное дело, в котором он должен погибнуть непременно, и всё цели своей приносит в жертву; он радуется до восхищения чужою храбростью и добродетелью и каждым великодушным поступком трогается до слез, а сам совершает чудные дела, вовсе того не замечая. Мир для него пуст; друг убит, он отомстил за его смерть, жизнь для него бремя, он алчет истребиться, и живет только для цели своей; он ненавидит людей, любит все человечество, обожает Россию и всем готов жертвовать ей; он презрел людей, но не разлюбил их. Никто более его не имеет врагов и друзей в горах.

1824 или 1825 (?)

173

Седой Кавказ, краса природы,
Небес касаяся челом,
Блестит в хитоне снеговом.

1824 или 1825 (?)

174

[Язык любви тебе невнятен]
В своем я горе безотраден,
Ты равнодушна, как всегда:
Твой милый взор всё так же хладен,
Как прежде, ты любви чужда.
[Как прежде я с надеждой тщетной
Хочу любовь тебе внушить,
Мои страданья непонятны]
Слова любви еще невнятны
Душе младенческой твоей.
Язык любви тебе невнятен,
Не умножай побед своих
Победой легкой надо мною...
[Я помню край, где ⟨*нрзб.*⟩
Стремится в [лесистых] гористых берегах
Я помню край, где пол прекрасный]

1824 или 1825 (?)

175

[Меня пленяли наши деды;

Там, где Дон волной ленивой

Там, где горы меловые]

1825

176

1

[Любя свободу, правду, честь
И ими тайно вдохновленный,
Я не выменивал за лесть
Их благосклонности надменной]

2

Свободой, правдой вдохновенный,
От знатных сохранил я честь
И не выменивал за лесть
Их благодарности надменной.

1825

177

Что не могла свершить судьбина,
То сделала Екатерина.

1825 (?)

178

Так за мечтою лёгкокрылой
От шумных невских берегов
Перелетал певец унылый
В страну изгнанья и снегов.

[Суровый край! Краса природы]

1825 (?)

179. СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

И убелися паче снега.

Как человек пред богом был прекрасен
Во дни невинности своей!
Как был умом и прост и ясен,
Душою чист, свободен от страстей.

1826

180

Благий Отец! Се час приходит мой!
Прославь меня, и Сын Тебя прославит:
Ему дана святая власть Тобой,
Да в плоти Он жизнь вечную восставит.

1826

181

Когда вечерние лучи златого Феба
Потухнут, догорев, и юная луна
В пучине голубой безоблачного неба
В ночи появится уныла и бледна, —

Люблю, уединясь, во мраке рощи дальной,
При шепоте дерев, в мечтаниях бродить
И чувства пылкие в душе своей печальной
Воспоминанием протекшего будить.

[Ах! некогда и я восторгам предавался,
И я блаженствовал, и я отраду пил,
И я, и я мечтам с беспечностью вверялся]

Здесь о превратности мне всё напоминает:
Ряды рассеянных могил в стене глухой...

182

[Сей надменный царь царей]
[Как стрела тот миг промчался]
Как пернатая стрела
[Рассекая воздух в поле]
Пора милых сновидений
И любви и наслаждений
С быстротою протекла

183

В чем убедить не мог Руссо красноречивый,
В том уверяет нас язык их горделивый.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

184. ГУСЬ И ЗМИЯ

Басня

Гусь, хо́дя с важностью по берегу пруда
Сюда, туда,
Не мог собой налюбоваться:
«Ну, кто из тварей всех дерзнет со мной
сравняться? —
Возвыся глас, он говорил. —
И чем меня творец не наделил?
Плыву, — коль плавать пожелаю!
Устану ль плавать, — я летаю.
Летать не хочется, — иду.
Коль вздумал есть, — я всё найду».
Услышав то, Змия
Ползет, во кольцы хвост вия;
Подползши к хвастуну, она шипела:
«Эх, полно, полно, кум! Хотя и нет мне дела,
Но я скажу тебе, — и, право не в укор, —
Ты мелешь вздор:
Коль быстроты в ногах оленьей не имеешь,
По рыбьи плыть, летать по-орли не умеешь».

Знать понемногу от всего —
Всё то ж, что мало знать, иль вовсе ничего.

⟨1814⟩

185. ПОСЛАНИЕ К Ф......

«Скажи, любезный друг, как думаешь о том,
Что ныне все сидят, трудя́тся за столом,
Стараются писать стихи все без разбору?
Скажи причину мне такого их задору.
Неужель в мысль пришло вскочить всем на Парнас?
Но то не может быть, — худой у них Пегас».
— «Худой Пегас! да им-то кажется он годен.
Иной же думает: ведь я собой дороден;
Из сил не выбьюсь, коль и побреду туды,
При том же Аполлон заплатит за труды».
— «Да чем?» — «Как чем? Что ты? своим благоволеньем:
Да взлезу на Парнас с преумным сочиненьем».
— «С преумным? вот же на!» — «А как же? Я трудился,
Сидел, потел, корпел, над ним недели бился;
Так, верно, в нем есть ум!» — «Ах жалкой человек!
Но что же делать с ним? такой уж ныне век:
К писателям иметь надлéжит снисхожденье,
Творенья их читать, зевать, иметь терпенье».

1814

186. НА ПОГИБЕЛЬ ВРАГОВ

Да ведает о том вселенна,
Как бог преступников казнит,
И как он росса, сына верна,
От бед ужаснейших хранит.
Да ведают отныне царства,
Сколь мощь России велика,
Да знают люди, что коварства
Всевышний зрит издалека
И гибель злобным устрояет
Его десная завсегда.

Невинных в бедстве бог спасает,
Злодеев, лютых — никогда.
Кто впал в порок хотя однажды,
Того уж трудно поднимать;
Да зная то, страшится каждый
Неправо с ближним поступать.

Наполеон до царска сана
Взнесен всевышнего рукой;
Забыл его — и се попранна
Души кичливость гордой, злой!

Желая овладеть вселенной,
Он шел Россию покорить.
О враг кичливый, дерзновенный!
Булатный меч тебя смирит.
Пришел, и всюду разоряя,
Опустошения творя
И грады, веси попаляя,
Ты мнил тем устрашить царя:
Но, о исчадье злобно ада,
Российской царь велик душой;

А все его полнощны чада
Как бы взлелеяны войной.
Героев тени, низлетите!
Оставьте райский свой чертог
И на потомков днесь воззрите,
Ликуйте с нами: «Силен бог!»
Смотрите: нет врагов кичливых,
Пришедших россов покорить;
Подобно стаду зайц строптивых,
Наполеонов полк бежит!

Подобно бурному потоку,
Страну он нашу наводнил,
Подобно тигру он жестоку,
Невинну кровь россиян пил.
Здесь слезы льет девица красна,
Своей невинности лишась,
Там рвется, стонет мать злосчастна,
Навеки с сыном разлучась.
А там! — а там Москва пылает;
Вожженная рукой врага! —

Там пламя древность пожирает;
Москва там лепоты нага!
Уж слава росская мрачится
Уж гибель кажется близка!

Но се перун — Кутузов мчится!
Блестит герой издалека
И меч булатный изощряет!
Дрожит, немеет галлов вождь
И думы спасться напрягает.
Но сей герой как снег, как дождь,

Как вихрь, как молния паляща
Врагов отечества казнит!
И вот ужасно цепь звеняща
С Москвы раздробленна летит!
Еще перун героя грянул —
И враг бежит со срамом вспять,
За ним — и мраз, и глад воспрянул,
И уменьшают его рать!
Россиян силы удвоились,
Бог с правыми вступил в союз;

С лица земли враги истнились —
Европа спасена от уз.
Хвала тебе, монарх российский!
Хвала, муж дивный, Михаил!
Днесь вам не нужны обелиски,
Вас бог бессмертьем наградил.
Дела благие век сияют,
А не благие — никогда;
Наполеона проклинают,
Отнынь вам слава навсегда!

1813 или 1814

187

Не вчера ли в хороводе
Ты играл, дружок, со мной?
Не вчера ли при народе
Называл меня душой?

Не вчера ли восхищался
Речью девушки, лицом?
Не вчера ли поменялся
Ты со мной своим кольцом?

Не вчера ль в любви безмерной
Ты, жестокий, уверял?
Не вчера ль мне, легковерной,
Сердце, душу обещал?

А сегодня? .. О, коварство!
Ты меня уже забыл!
И другую за богатство,
Друг неверный, полюбил!

Я не так, дружок, богата,
Как прелестница твоя!
Нет ни жемчугов, ни злата,
Но ужель без сердца я?

Полюбив тебя сердечно,
Буду до́ смерти любить:
Кто полюбит, тот, конечно,
Уж не в силах разлюбить.

Веселись! .. а я страдаю!
Ах! таков ли клятв залог?
Веселись, дружок, я знаю:
За меня отплатит бог!

Между 1816 и 1820

188

Известно всем давно, что стиходей Арист
Грамматике еще не обучен, как должно;
Теперь же из его пиэсы видеть можно,
Что он и *на руку нечист!*

⟨*1820*⟩

189

Не диво, что Вралев так много пишет вздору,
Когда он хочет быть *Плутархом* в нашу пору.

⟨*1820*⟩

190. ЗАВЕТ БОГОВ

Кого не победит Аглаи томный взор,
Младенческая слов небрежность,
Ее приятный разговор
И чувств нелицемерна нежность, —
Тому любви вовек не знать;
Тот будет в мире сиротою,
Как отчужденный, тосковать
С своей холодною душою.

⟨1820⟩

191. ЭПИГРАММА

Наш медик Клит
Совсем людей не любит:
Кого лекарствами не заморит,
Того он ябедой погубит.

⟨1821⟩

192. АЛЕКСАНДРУ I

Ужасен времени полет
И для самих любимцев славы!
Еще, о царь, в пучину лет
Умчался год твоей державы —
Но не прошла еще пора,
Наперекор судьбе и року,
Как прежде, быть творцом добра
И грозным одному пороку.

Обетом связанный святым
Идти вослед Екатерине,
Ты будешь подданным своим
Послом небес, как был доныне.
Ты понял долг святой царя,
Ты знаешь цену человека,
И, к благу общему горя,
Ты разгадал потребность века.

Благотворить — героев цель.
Для сердца твоего не чужды
Права народов и земель
И их существенные нужды.
О царь! Весь мир глядит на нас
И ждет иль рабства, иль свободы!
Лишь Александров может глас
От бурь и бед спасать народы...

Смотри — священная война!
Земля потомков Фемистокла
Костьми сынов удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть может, яростью дыша,
Эллады жен не внемля стону,
Афины взяв, Куршид-паша
Крушит последнюю колонну.

Взгляни на Запад! — там в борьбе
Власть незаконная с законной,
И брошен собственной судьбе
С царем испанец непреклонный.
Везде брожение умов,
Везде иль жалобы, иль стоны,
Оружий гром, иль звук оков,
Иль упадающие троны.

Равно ужасны для людей
И мятежи и самовластье.
Гроза народов и царей —
Не им доставить миру счастье!
Опасны для венчанных глав
Не частных лиц вражды и страсти,
А дерзкое презренье прав,
Чрезмерность иль дремота власти.

Спеши ж, монарх, на подвиг свой,
Как витязь правды и свободы,
На подвиг славный и святой —
С царями примирять народы!

Не верь внушениям чужим,
Страшись коварных душ искусства:
Судьями подвигам твоим —
И мир и собственные чувства.

1821

193

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Коли ношу их за Отчизну.

1826 (?)

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся в порядке номеров строк. После номера стихов указывается источник варианта; если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

4

11—12 Где всё тоске моей [печальной пищей служит],
Автограф ПД Где сердце юное, [кипя любовью, тужит! ..]

27 В час полночи, в твой домик скромный

После 28 И ты в объятия к нему, полунагая,
С постели бросишься, вся радости в слезах,
И я забуду всё — на трепетных грудях
В восторгах пылких утопая! ..

13

57 [Расчеты корысти, Заикина бесстыдство
Автограф ПД

58 а) Шипенье зависти, и сплетни, и ехидство]
б) И сплетни [подлых] душ, и зависти кипенье

71 Коль ни ее в них нет, и ни охоты к ней

75 Принудишь не любить столь грубой лестью их,

94 Но чуть не во сто крат счастливей [предков] жили

Черн. [Мог заблуждаться]
автограф Судьбой [постыдною] враждующей невольно увлеченный
ПД [1] Мог уклониться я от истины священной
[Мог в заблуждении ⟨*нрзб.*⟩ свершить]

---

[1] С определенными местами основного текста эти варианты, как и следующий за ними отрывок автографа ЦГАОР, не соотносятся.

Но шествуя льстецов презренною стезей
Я мучеником был, гнушаясь сам собой;
[И скоро лишась последнего терпенья]
[В душе друг истины]
[В душе свободы друг]
С душою пылкою [враг рабства от ⟨*нрзб.*⟩] младый питомец Музы
Влачить позорные недолго может узы...
И я, по-прежнему став истины жрецом
[Дав клятву грозную свободы быть певцом
Отныне никогда не сделаюсь льстецом]
Дал клятву никогда не быть вперед льстецом
Когда путь к счастию столь низок в жизни сей,
Так пусть останусь я при бедности моей,
[Я лучше соглашусь] Пусть буду целый век скитаться без шинели
В осенние дожди и в зимние метели;
Мне лютость непогод поможет перенесть
Мое сокровище единственное — честь!..

Автограф ЦГАОР

Ну, словом, льсти всегда, со всеми соглашайся,
На утлой ладие пристать к земле старайся.
Я знаю, милый друг, со мной ты не согласен,
Но верь, иной здесь путь и труден и опасен!
Всегда должно́ ползти, у знати пресмыкаться,
Споткнешься если где, скорее подниматься.
Не думай, впрочем, ты, сему чтоб я учил,
Неправо, низко бы тогда я поступил;
Но я лишь говорю, чтоб быть счастливым в свете,
То правила сии должно́ иметь в предмете!
Но если аду рай, мой друг, предпочитаешь,
Когда душой к творцу вселенны воспаряешь,
То зло, неправду, лесть обязан ты презреть
И в помыслах добро единое иметь:
Коль близок ты к царю, лишь правду говори,
И сколько силы есть, людям добро твори!
Коль рок судил тебе в палате заседать,
То должен правильно весы свои держать.
Смотри, Неправдин сей, как знатен, как богат!
И сам уж государь ему как панибрат!
На бойкой четверне, в карете щегольской,
Летит и пыль клубом взвивает за собой!
А чернь, остановясь, разинув рот, дивится!
Но ах! проклятий тьма за ним вослед стремится!
Смотри же, Добров сей в палату поспешая,
В грязи и слякоти бедняжка утопая,
Точит с лица свой пот, здоровье умаляет;
Нет нужды до сего: он бедных защищает.
Не раз бессильного от сильного спасав
И имя доброе за то себе снискав,
Об деньгах вовсе он, хотя бедняк, не мыслит,
Зане богатство он, что счастие, не числит,

Не знав о прихотях, не думая о злате,
Доволен он живет в своей укромной хате.
Неправдин хоть богат, имеет стол открытый,
Коль кушает жоле, пастеты и бисквиты,
Хотя в дому его всегда гремит музы́ка,
Но ах! не заглушит у совести язы́ка!
Она от истинных ⟨?⟩ веселий удаляет,
Она и в пиршествах несчастного смущает!

14

20 *Автограф ЦГАОР*	Тебя все ратники нетерпеливо ждут

22

вместо 65—69 *Автограф ПД*	[Изволь. . . Младой пиит, Простясь с коварным светом И став анахоретом, Дух юный веселит Цевницей семиствольной И с Музой своевольной К друзьям в мечтах летит Он из Украйны дольной, Где дни свои ведет]
71	[Где] он с [одра] встает
124—127	[И аппетит певца] Мгновенно возбудится, — Он ест, и пот с лица, Как крупный град, катится. . .]
вместо 135	[Которых в Петрополе, На берегах Невы, Оставил он. (Увы!]
156	[Семь] лет не в силах были
172—173	[И юным молодцом] [Его] переменила
289	Ее целуя нежно
292	*вычеркнут в автографе*

25

1	а) Поверь, [о Лиденька, я знаю]
Автограф ПД	б) Поверь, [А мне известно, Лида]

после 2 [Любви неясные мечты]

5 а) [Сказали мне довольно ясно]
б) [Певцу довольно] объяснили
в) Мне много, [много] объяснили

после 7 а) [И вид твой юный изменили]
б) [Они вид юный изменили]

13 [В тот миг] как жертвуешь ты сим мечтам

после 14 [Ты с робкой томностью к дверям]

19 [Ты покраснеешь] от испуга

21 а) Потупишь взор... [и беспорядок]
б) Потупишь взор... [и без речей]

после 21 [Тебя кой в чем изобличит]

22 И твой смущенный [вид]

25 Но ты краснеешь, друг [прелестный]

после 26 [Тебе лишь только неизвестно
Сколь вред себе ты принесла]
И чувствую, мне то известно,
Что пощадить тебя должно.

а) [Два слова только: [ради] бога ради
Свою красу [побереги] ты не губи
б) Сих наслаждений ты беги];
Свою красу ты не губи
[И так я замолчу]

после 27 [С ним вред и зло сопряжено]

30

49—50 Дух необузданной свободы
«Лит. листки» Уже восстал против властей

62 В обширных северных странах

31

20 Надежною опорой тронов
ПЗ II
22 Презрев вражду, презрев обиды

27	*отсутствует*
40	И перлом был Екатерины
67 *ПЗ II, автограф ЛБ*	Аттил и Цесарей и Бреннов
70 *Автограф ЛБ*	Но много ль было Демосфенов
78—79 *ПЗ II, автограф ЛБ*	Екатерининых времен Для блага северных племен
83 *Автограф ЛБ*	Взнесем моленья к небесам
85	От них для счастья наших стран
87	Давно он нас, любя Россию
91—100 *Автограф ЛБ*	*отсутствуют*
101 *ПЗ II, автограф ЛБ*	Так в дикой красоте стоит
105—106 *Автограф ЛБ*	Ревет сердитая река Шумя, несутся облака
109—110	Челом ушедши в небеса На бурю смотрит горделиво

34

10 *«Альбом сев. муз»*	Султан роскошного Востока
22—24	Влачить опять она должна, И вновь ярмом отягчена Возникнувшей Эллады выя
46—48	Не истребится никогда! К могиле Байрона всегда Звездой он будет путеводной.
60	И дара муз не унижал
64	Людей не вовсе разлюбила
69	Друзья терзаемой Эллады
71	Лишь Магометовы рабы

36

между 8 и 9 *Автограф* *ЦГАОР*	Все они с душой бесчувственной Лишь для выгоды своей Сохраняют жар искусственный К благу общему людей

37

Черн. набросок *ПД*		[Своим весельем буду] [Своей веселостью беспечной] [Своею резвостью живой] [От вашей резвости беспечной И от веселости живой Опять певец простосердечный Готов утратить свой покой. Своей любезностью опасной] [Вы напомнили тот край] [Напоминаете мне вновь] Я помню край, где пол прекрасный [Так мил] Своей веселостью живой Своей любезностью опасной
Черн. набросок *ЦГАОР*		Прелестной живостью [очей] речей
2		
5—8		*отсутствуют*
12	а) б)	[Певец от смерти ожил вновь] И я для счастья ожил вновь.
13		Судьбой заботам обреченный
14	а) б)	И верен клятве навсегда [И с нею связанный навек]
после 20		[О, наперсница Киприды] [Нет, наперсница Киприды Неизменный сердца друг Страшны мне [любви] твои обиды Мне влюбляться недосуг]

40 и 41

Черн. автограф *ЦГАОР*	Уж я невластен над собою Я сам к погибели бегу: Боюся встретиться с тобою А не встречаться не могу. [Небрежность милая уборов Всё мило в ней: и живость взоров] [Всё мило, неприметно в ней:

И сладость ласковых речей,
Небрежность легкая уборов,
И нежность чувств, и томность взоров

Далее строфа сильно зачеркнута; читаются строки:

[А сердцем ⟨*нрзб.*⟩ изнывая,
Уже я стал твоим рабом]
[Так мотылек [огнем] блестит прельщенный
Крутится робко вкруг огня]

41

после 12 Черн. автограф ПД		[Я вновь воскрес]
13		С одра [болезни] рокового
15		И в сердце [закипела] снова
17		Так опалив цветные крылья
18	а)	Неосторожный мотылек
	б)	И крылья опалив [в огне]
19	а)	[Летит блестящий] поневоле
	б)	Опять несется поневоле
20		[Летит] в безумии слепом

42

4 Черн. автограф ПД	В борьбе с [враждующей судьбой]
6	[Отрадный звук твоих речей]
9	[Чем заслужил твое вниманье]
17—18	[Душа прекрасная твоя Лишь чувства тихие лелеет]
21	[Прощать ошибки]
26	[Своими чувствами] владею
после 28	С такими ль чувствами могу
после 29	Узреть врага перед собой Лежащего в крови и прахе
31	Душе мила одна война

на полях

[Душа прельстительной ⟨?⟩ весной
Навек исполнена к тебе ⟨?⟩]
Могу ль, мой друг простосердечный,
Неблагодарным быть тебе

на обороте листа

Тогда как я в волненьи смутном
К одру прикованный лежу,
Тогда как в ваш приют отрадный
Мои сбираются друзья

43

вместо 1—6 Черн. автограф ПД

Покорна будь судьбе всемощной;
Оставил мир сей твой супруг;
Но не умрет в стране полнощной
Как правды неизменный друг.
[В России он себя прославил;]
[Себя тоскою безрассудной]
[Тоской и грустию напрасной]
[Не изменяй] себе тоскою
Не убивай себя, ты мать,
Перед тобою долг священный
Прекрасных чад образовать.
Пусть юноши возненавидят
[Неправду пламенной душой]
[Пусть будут честь страны родной]
[И родину свою увидят]
Пускай сограждане их увидят
[Достойных родины святой]
Готовых пасть за край родной,

45

3—4 Б зап

И жертвы пламенных хвалений
И слезы, каплющи с лица

46

3 Б зап Кто даст крыле ми голубине,

5 Весь мир как хладная могила,

10 Узри смирение души

47

13 Автограф ПД Душою [прост] и сердцем [чист]

14 [В час смерти он], подвижник
постоянный

16 [Увидит] край обетованный

после 20 Всё в жертву истине, и плоть и кровь
Мы умертвить должны в душе

21 [Плотским умам] ужасен подвиг сей

32 [Блажен], кого Отец мой изберет

37 [Я обращаюся к сему] глаголу

49

81—88 Н лит, «Думы» *отсутствуют*

89—91 Автограф ЦГАОР
Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин,
Будь над страстями властелин

51

37—40 СО
Вот в мире до чего людей
Доводят гибельные страсти!
Наверно будет тот злодей,
Кто не содержит их во власти.

52

Автограф ЦГАОР Вариант начала
Сгустилась мгла [На тверди] В пучине голубой
Зажглися [все] яркие светила нощи
И бледный свет излили свой
На долы спящие и дремлющие рощи! ..
[И всюду царствует торжественный покой
И шум умолк дневной. . .]

Повсюду воцарилась тишина!
Умолк на стогнах [звук] шум народа
[И град и пышный терем Гориславы]
На лоне сумраков и сна
Покоился и град и терем Рогволода

Когда-то в пышном тереме цвела,
Как лилия, Рогнеда молодая

53

1—4 Автограф ЛБ
В высокой гриднице, в кругу бояр, князей
Владимир-Солнце веселился;
Со звоном гуслей звук речей,
Мешаясь, в шум невнятный слился! ..

48 Надежды сладкой: *«жить хотя в преданьи»*.

57

82 Н лит	Ни зрелище стогон родимой земли
101 «Соревнователь», Н лит	Лишил меня зренья владыка суровый
103—104	На дядю царицы надел он оковы И свел его в бездну сию
142 Н лит	Погиб на чужбине в тюремной глуши!
144	Когда б не надменность души!
перед 105 Черн. автограф отрывка ЦГАОР	[Но гений враждебный и льстивые други меня]
106	*отсутствует*
после 109	[Но совесть повсюду как призрак Является к старцу с укором в очах] [И изнуренные мои слабеют]
114	Ты бросишь, рыдая, горсть чуждой земли!
120	[Не будет прощать]
после 124	[Соотичей милых обнимешь с слезами]

58

25—32 СО, «Думы»	*отсутствуют*
45—47	Увы! злым роком я лишен Семьи, отечества драгого. Сколь жалок тот, кто осужден

63

2 «Соревнователь», «Русский инвалид», СО	Куда лишь в полдень проникал
29—36	*отсутствуют*
50—52 «Русский инвалид»	Дверь отворилась, заскрипев, И входит, потупивши взоры, Жена младая, оробев

53—60 *«Соревнователь», «Русский инвалид»*	*отсутствуют*
61	Беги отселе, — произносит
65—72	*отсутствуют*
73—74	Вот меч. . .» — «Мой меч, — он восклицает, — Жив бог! Страшися враг — злодей!
77 *«Русский инвалид»*	Луна долину серебрила
105—112 *«Соревнователь»*	*отсутствуют*
110 *«Русский инвалид»*	За то, что край отчизны спас
112	Народа прозвал общий глас

64

после 20 *Автограф ПД*	Когда с родительских могил Народ мне в дар привез каменья, И тем всю нежность изъявил Ко мне любви и уваженья.
33—36	*отсутствуют*
65—72	*отсутствуют*

65

6 *«Соревнователь»*	Вкруг него сановники

66

6 *Автограф ЛБ*	И не страшась позорной казни
25—28 *Автографы ЛБ и ПД*	Но тот, кто с сильными в борьбе За край родной иль за свободу, Забывши вовсе о себе, Готов всем жертвовать народу
31 *Автограф ЛБ*	В час казни как невинный горд
36	Как сын добра без укоризны

49 Вражда к тиранству закипит
Автографы ЛБ и ПД

52 Власть чужеземную в обломках

54 а) Волынский рассуждал угрюмый
б) Была Волынскому отрада

55 Чист совестью и прав в делах
Автограф ПД

55—56 а) Блестел огонь в его очах
Автограф ЛБ И на лице читали думы
б) Чист совестью и прав в делах
Свой жребий нес он горделиво

60 Управы требовать от трона

67 а) И ждал с спокойною душой
б) И ждал с невинною душой

70 а) Влачил в темнице он оковы
б) Волынский грыз свои оковы

72 И входит страж тюрьмы суровый

вместо 74—84 Сказал он: «За тебя свобода!»
Автографы ЛБ и ПД И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.

86 И шею протянул без страха
Автограф ЛБ

98 Да всё он твердо переносит

101 Пусть будет справедлив во всем

104 а) И ужасом неправосудью
б) Презренному неправосудью
в) Коварному неправосудью

67

вместо 30—36 [Ему я спутницей была
Автограф ПД В стране угрюмой и пустынной,
И в дар с рукою принесла
Любовь души своей невинной].

вместо 41—56 Свершится завтра жребий мой;
Раздастся колокол церковный;
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной

68 В слезах, вздохнула и сказала:

72 «Не вспоминай любви печальной!»

73—80 *отсутствуют*

после 88
Вруча навек творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не вправе завтра буду я
Воспоминать о страсти нежной!..

68

4 Автограф ПД И плещет Волхов в берег с шумом

13—16
Что вижу я? — он возопил,
Пред мной Державина могила!
Тебя ли рок, о бард! сразил?
Тебя ли смерть не пощадила?

25 Но что, — вещал он наконец,

27 Не умер пламенный певец

32 Вождей Екатерины славил

вместо 33—48
О как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Не в силах отказать и рок
Тебе в бессмертии, Державин!
Не умер ты, хотя здесь прах...
И в звуках лиры сладкогласной,
И граждан в пламенных сердцах
Ты оживляешься всечасно!..

53 Избранник и посол творца

после 56 Автограф отдельной строфы
[Благодарю тебя, поэт]
[Горжусь к тирану] я враждой
Ярмо граждан [меня] тревожит
Свободный славянин душой
[Покорно рабствовать] не может

после 56 Автограф ПД
К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой,
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он —
Наперекор судьбе и року;
Повсюду честь — ему закон,
Везде он явный враг пороку.
Греметь грозой противу зла
Он чтит святым себе законом

С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред троном.

60 Стихом свободным зажигает

61—76 *отсутствуют*

после 88 «Над ним и рок не властелин!
Он истину достойно ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в тайных думах не изменит!
Таков наш бард Державин был;
Повсюду чести неизменный,
Царям ли правду говорил
Иль поражал порок надменный!» —

89—100 *отсутствуют*

103 Вздохнув, он отходя сказал —

69. ВИДЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

1—8 *зачеркнуты*
Черн. автограф ЛБ

14 Льстецы в душе [искусно] кроя

18 Омрачена [тревожной] думой

42—43 Меня [глас внутренний] терзает
[Сей глас] из глубины души

54 Так очи [дико сильно ⟨?⟩] блещут

56—58 Какой-то чудный свет пылает
[Из шеи каплет] кровь порой
[И пол] чертога обагряет

73 а) Все ждали Анну... но [на бал]
б) Все ждут царицу, но вотще

после 78 Еще гром музыки звучал
Весельем оживлялись лица;
[В цветных огнях дворец блистал]
Все ждут царицу... но вотще;
Не возвращается царица.
[Пришли и видят: [бледный огнь] на помост]
[В тревоге гордый временщик
Вбежал в чертог]
[Засуетился целый двор
В чертог в тревоге Бирон входит]

[Затихло всё; лишь тихий шепот]
Засуетился весь дворец
В тревоге Бирон бродит
[И вдруг]
[Бирон] бледен как мертвец
[Царицу] в беспамятстве находит.

70

после 12
Автограф Лен. отделения Института истории АН СССР

[При свете дня и в мраке ночи
И в пышном тереме и в хижине простой
Его сверкающие очи
Тень Ярополкову всё зрели пред собой. . .]

22 Вещал страдалец-князь, — ты [избранный мной]
мною чтимый бог

после 28 Как знак души изнеможенной
Как сердца ⟨*нрзб.*⟩, как преступленья знак

39 В очах горел огонь священный

43—44 Посол Творца! притек с смиреньем, —
Как шепчущий ручей, — святой проговорил

52 Воскреснут [смертные!] настанет Страшный суд!

62 И тихий, кроткий огнь в очах его [сиял]

Черн. автограф ЦГАОР

Планеты прервут течение,
Стихии смешаются,
И сие дивное создание
Где мы наслаждаемся под небе⟨сами⟩
Всё что мы видим, всё что мы слышим
Исчезнет
Пройдет как тень
И разрушенный мир ⟨?⟩
Превратится в ничтожество

Создатель тверди
Тот, который создал из ничего
Воздух и огонь, сушу и воду
Опровергнет единств⟨енным⟩ ударом длани
Обиталище человека

И основания, на которые утверждал солнце
И сие великое расстройство мира
Быть может случится завтра

Владимир . . . . . внимал
И речью старца пораженный
То слезы лил, то трепетал
Дивясь Создателю вселенной...

71

21 И так, он пел, — родной земли
Автограф ПД

27 [Истаю жертвой], как свеча

после 28 [С унылой жизнью догоря,
Потухнет к славе жар природный
И ревность к подвигам царя
Замрет в душе моей свободной].

29 [Напрасно ужас битв люблю]

31—32 [Уже] меча не притуплю
Об кости я враждебных шведов

после 40 а) [Прости ж навек мой край родной
Тебя я не увижу боле,
И кончу дни в земле чужой,
Томясь бездействием в неволе.]
б) [Угасну медленно] Умру в бездействии в цепях!
[В чужбине мой истлеет прах]
Потухнет с жизнью к славе пламень
[Умру — на чуждых] И на враждебных берегах
Воздвигнут мой надгробный камень!

[Вздохнул герой при мысли сей,
Невольно проступили слезы]
[Где мыслят с гордостью]

42 Чем жизнь без [чести] и свободы

после 44 [Не русскому влачить ярем,
И тяжкий сердцу и постыдный:
Я — завладею кораблем,
Иль смертию умру завидной!»

после 64 а) [«За мной друзья!» — вдруг загремел
I [Отважный князь, сверкая шпагой]
И с горстью русских полетел
На экипаж, горя отвагой.

б) «За мной, друзья!» — вдруг загремел,
Сверкая [взором] Долгорукий
Мечом сверкая Долгорукий
И с горстью русских полетел
И раздались орудий звуки

Мгновенно кончен [славный] дерзкий бой
[с врагом]
[Враги] пред русской силой пали шведы
И в Ревель их корабль стрелой
Валы покорные помчали]

II «За мной, друзья!» — вдруг загремел
Подобно буре, Долгорукий
[Ура! Ура! и] Ура! помчимся — бой вскипел
И раздались орудий звуки
[Напрасно истекает] Лилась недолго кровь ручьем
Враги пред горстью русских пали
И в Ревель храбрых с торжеством
Валы покорные помчали.

III Услыша глас [знакомый им] зовущий в бой
[Грозою русские помчались]
Помчались русские толпами
Помчались русские грозой
Герои славы закричали⟨?⟩

72. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ В РОЖЕСТВЕНЕ

6 а) [Беззащитной] нищеты
Черн. автограф ЛБ б) Утесненной нищеты

7 Здесь стоят средь [тишины]

19 Но ведь он — родитель мой

после 43 [Взвыл страшнее лес дремучий
Месяц спрятался за тучи,
Ветр сильней забушевал,
И за ближнею могилой
И ужасно и уныло
Вран зловещий прокричал. . .]

73

4—5 И юрт [берестяные] стены
Автограф ПД Кругом высокий частокол

7 И с [высоты] на дикий дол

9 Вдали шумит сосновый бор

11 а) И тянутся высоких гор
Автограф ЦГАОР б) И тянутся лесистых гор

16 Бушует с ветром непогода
Автограф ПД

26 Команда воинов придет
Автограф ЦГАОР

37 а) Тунгус, коряк и с пикой длинной
Автограф ПД,
Автограф б) И камчадал, и с пикой длинной
ЦГАОР

после 38 Везде товары дорогие —
— Лисицы, соболи, песцы,
И, к ним спеша, в толпы густые
Теснятся бойкие купцы

40 От мест печальных отлетит
СО

51 Чело тирана прояснит
Автограф ЦГАОР

после 51 Во времена ж иные года
Всё мертво в сей стране глухой,
Как грозная ее природа
Мертва жестокою зимой.
Уныло всё в стране пустынной
И всё питает мрачность дум:
Дубров и Лены дикий шум,
Изгнанник гордый, но невинный,
Иль дерзкий и преступный ум.
Безлюдного, глухого края
Порой нарушат тихой мир,
Иль ветр, верхи дерев качая,
Иль полудикий юкагир,
Стремящийся на лыжах птицей,
С готовой на луку стрелой,
За чернобурою лисицей
Или за ланью молодой

59 В своем наряде щегольском

87 Молва стоустая вещает

95 Для человечества обидной

между 95 и 96 Рукою дерзкой и бесстыдной

96 В лице вклейменной палачом

100 Седой Байкал перед бураном

между 127 и 128 Нередко в полночь любовался,
Священным ужасом объят,
Как свод небесный загорался

после 135 [Настала промыслов пора!
Но странно воет лес дремучий,
Пирамидальная гора
Оделась в [дождевые] громовые тучи]

161 [То ссыльный был. Тут Миллер с ним
Автограф ПД
после 161 В глуши под кедром вековым
Тогда увиделся впервые

Они познакомились. Неизвестный выводит Миллера из лесу; угощает его в своей хижине. Вид, слова и благородство мыслей и чувств ссыльного возбуждает в Миллере любопытство узнать его покороче — и ссыльный, убежденный им, по некотором сопротивлении открывается, что он Войнаровский, друг и родственник Мазепы, и продолжает... ...]

⟨*далее следуют строки, соответствующие ст. 546—560 основного текста*⟩

172 Гнав зверя, я [с стези] сбежал

176 Верст за [десять] пятнадцать иль поболе

181—183 [Невдалеке мой кров убогой]
[Иди за мной; в нем] до утра
Ты отдохнешь [хотя немного]

186 Сокрылось солнце золотое

188 На небо мрачно-голубое

194—195 [И тонкою струей на трут
Посыпалися искры живо]

199 То лезвие палемы длинной

между 206 и 207 Печурку молча затопил

после 213 [С ответом каждым становилась
Их речь живее и живей,
И вдруг нечаянно склонилась
а) [О трудной должности] царей]
б) [К судьбе народов и] царей]

219—226 [Простясь с родной своей страною
Два года Миллер сам с собою
Подчас беседовал в глуши
Но тут — в пустыне отдаленной
Впервые он тоску души
[Отвел] беседой просвещенной]

286	К чему напрасное моленье?
Соч. и П	
308	За ними ласточкою младость
Автограф ЦГАОР	
310—311	Печаль, волнение и радость И [легкокрылые мечты]
335	[Враги отважных трепетали]
между 335 и 336	От нас [как от грозы] бежали
338	[И дружбу нашу] и союз
после 354	[Враги ватагу нашу смяли] [Уж многие из наших пали]
355	а) [И, быв продлить не в силах бой] б) [И бросив безнадежный бой]
357	Поодиночке побежали
366	Уж в [хатах видел я] огонь
370	И близ границ [земли] родной
385	Средь ярких звезд плыла луна
392	И зрю, одеяна туманом
404	И полный нежностию взор
406	[Когда я братьями ея]
Автограф ЛБ	
после 408	[Томим болезнию жестокой Как цвет в степи я увядал Уж встать с одра я не мечтал: [Но] [бог] мне в казачке черноокой Творец спасителя послал]
474	Он в свой шатер меня призвал
Автограф ПД	
480	Что ты [жену, детей,] себя
Автограф ЦГАОР	
490	Он продолжал: [«Я рад весьма]
493	[И искры пылкого ума]
501—502	[Ты любишь родину свою] [Готов на всё] — я это вижу
511	Ее спасая от [врагов]

518 От случая [судьбы] решенье

524 *отсутствует*

Изд. 1825
531 а) И [я] друг [пламенный] добра
Автограф б) И друг [всеобщего] добра
ЦГАОР
533 Противу [мудрого] Петра
вместо 542— Теперь, быть может, я достоин
545 Жестокой участи своей,
Но ах! не может быть покоен
Вдали отеческих степей
Судьбою позабытый воин

542 [Но року грозному] послушен

Отрывки I Уже Мазепа приступал
конца 1-й — К свершенью тайных помышлений,
начала Умы в Украйне волновал,
2-й части И двух славянских поколений
Сердца враждою распалял.

Как буря, приближались шведы,
Неся из дальней стороны
Опустошения войны
И неизменные победы.

Устроив всё, мы со врагом
В сношенья тайные вступили,
Наружно мир храня с Петром,
Уж мы близ цели нашей были:
Мятеж носился за Днепром,
Москаль дремал — вдруг узнаем,
Что наши замыслы открыли.

И кто же был предатель сей?
Кто был врагом своей отчизны?
Быть может, лучший из людей,
Судья и вождь без укоризны —
Несчастный старец Кочубей.

К Мазепе мщенье в нем пылало
За обесславленную дочь;
Его душе ни день, ни ночь
Оно покоя не давало.

И на пирах, и в буре битв,
И в мирном храме в час молитв
Дух мести дикой, кровожадной
Кровь Кочубея волновал
И сердце старца наполнял
Тоской и злобой безотрадной

Он с каждым днем был всё мрачней,
Он всех чуждался, всех дичился,
Страдал и, наконец, решился
На склоне непорочных дней,
Поправ закон священной чести,
Принесть с Мазепой в жертву мести
Свободу родины своей.

Все на Украйне взволновались
И под шатром, и в слободах;
Недоумение и страх
У всех на лицах выражались.

Как [смелый кормчий] запорожец утлый челн
Средь разъяренных в бурю волн
От верной гибели спасает
[Мазепа гибель отвращает]
Всё вдруг приемлет вид иной,
[И Кочубей]
Враги [отчизны] добра трепещут в страхе

[Один Мазепа был покоен,
Предупредить грозу спеша.
Петра Великого душа
Была чиста от подозренья]

II Суровый Карл и на пирах
Задумчив был; в его чертах
а) Души тревога выражалась;
б) Души суровость выражалась
Лишь пред опасностью являлась
Улыбка на его устах.
Так зол предвестница для света,
Вдруг появляется комета
В глухую ночь на небесах.
[Его душа алкала славы]
[Томилась жаждою побед]
[Упорный в замыслах своих]
С таким вождем, с такою силой
Противу грозных сил Петра
Нам унывать не должно было.

III [И чужд веселья на пирах]
Угрюмый, мрачный на пирах
а) Он был [угрюм] суров. В его чертах
б) [Он смутен был.] В его чертах
Его беседа заражала
Как язва моровая, всех
[Слова, как язва моровая]
[Его порочная беседа
Как язва, заражала всех]

580	[Гость, любопытством пробужден]
после 585	[Давно пред очагом сидели Хозяин с гостем молодым Дрова трескучие горели И ярким заревом ⟨*нрзб.*⟩ Но странник [в думе тяжелой] Сидел [в мечтах] пред очагом Мыслию крылатой [В минувших] [великих] чудных дел Петра
600	*строка точек*
Изд. 1825	
601	На глас свободы и вождей
Автограф ЦГАОР	
652	Увы! Настал конец борьбе
ПЗ	
652	Уже настал конец борьбе
Изд. 1825	
654	Одно мгновенье нас сгубило
655—656	*строки точек*
677	[Какое сделал впечатленье]
Автограф ЦГАОР	
678	[В Батурине Полтавский бой?]
714	Родство, и дружбу, и природу
Изд. 1825	
716	Когда б он стал врагом народу
767	Митрополит, сверкая взором
ценз. копия ЦГАДА	
784	Мазепе по́д вечер трудней
Изд. 1825	
812	О странник, странник! Все мечтали
814	Надежду родины своей.
843	Она нашла в судьбе своей
867	Сливалась пасмурность небес
ценз. копия	
882	Пошла искать мое изгнанье
893	И милая моя жена
925	О падшем дяде, о детях
Изд. 1825	
1003	Чтить славных с детства я привык
1008	Сограждан сам он погубил

1009 Автограф ЦГАОР	Он [деспотизм] врагов отчизны
после 1014	Сей мир тогда б лишь от себя Самоубийством я избавил Когда бы, совесть погубя, Себя, в порыве страсти, я Бесчестным делом обесславил.
1017—1020 Изд. 1825	*отсутствуют*
1022 Автограф ЦГАОР	Склонил главу в тоске жестокой
1023—1024	И вздох тяжелый, вздох глубокой Грудь несчастливца взволновал
1045 «Соревнователь»	Его на санках быстрых мчал

74

КИЕВ

между 2 и 3 Автограф ПД	[Ярмо татарское поправ]
4	Стоит град Киев над Днепром
13	На стогнах и садах блестели
29—30	[Когда-то куполы златые Его богатство и краса]

ВЕСНА

8	Быки послушные влекут
29	Им не отрадны, им не дивны
после 35	О, как несносно, как ужасно Под иго чуждое подпасть [И после вольности прекрасной] Врагов насильственную власть

«НО НАЛИВАЙКО ВСЕХ СИЛЬНЕЙ...»

между 5 и 6	[Ему и ласки их не милы]
после 12	В степи душе его простор, В степи свободнее он дышит Там ляхов не встречает взор И воплей земляков не слышит

«ЗАБЫВ ВРАЖДУ ВЕЛИКОДУШНО...»

2 Влеченью тайному послушный

9 Не мне, мой друг; один лишь раб

10 [Нет, от потомства укоризны]

СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКОГО СТАРОСТЫ

1 С пищалью [бранной] и копьем

8 [И пар как облако несется]

Автограф ЦГАОР

между 8 и 9 [Уже настал вечерний мрак.
Нетерпеливый гайдамак]

12 В бока коню вонзает шпоры

13 а) Как точка что-то перед ним
б) Чернеет что-то как пятно

14 а) В дали чернеет синеватой
б) Пред витязем в дали туманной

20 Красивый всадник за курганом

между 20 и 21 [Напрасно ускакать хотел
От Наливайки незнакомый
Герой за ним [стрелой] орлом летел]
[Стой! восклицает Гайдамак,
Не ускакать тебе от битвы.]

21 [Булат свой выхватил козак]

36 [Лишь следом кровь по степи льется]

Автограф ПД

после 36 Вдруг конь исколотый упал
[Козак пред ним остановился]
Чигирина староста буйный
Пред ним в пыли окровавленный
[Обезображенный лежал]

«ТЫ ДРУГ ДАВНО МНЕ, ЛОБОДА...»

1 Ты друг мне с детства, Лобода

7—8 Пора исторгнуть из оков
Порабощенных земляков

после 9 Восстать на гордых пришлецов
За край родной, за Русь святую

13 [По произволу правит нами]

23 Я больших бед тогда боюсь

«ПРОТЯЖНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ...»

после 4 [Великий пост был]

между 10 и 11 Над коими блестит икона

21 [Стал Наливайко.] В жемчугах

ИСПОВЕДЬ НАЛИВАЙКИ

2 а) Что это грех, [я это знаю]
б) Что это грех. [Пусть грех ужасный]

7 Грехи татар, грехи сарматов

14 Ее свободу видеть — рай

44—45 «Пора!» — какой-то голос тайный
Пора спасти народ Украйны

46 а) [Давно известно мне, что ждет]
б) [Я знаю, что погибель ждет]

48 На похитителей свободы

49 Погибнуть должен он в борьбе
[И, не страшась своей судьбы]

50 Иль как мятежник, иль как воин

54—55 Но рад в душе, отец святой
И жребий свой благословляю

«ВЕЕТ, ВЕЕТ, ПОВЕВАЕТ...»

после 4 Автограф ЦГАОР [Скачут, мчатся беззаботно
Через степи козаки,]
Веет ветер мимолетный,
Грозно вьются бунчуки
[Гетман степию] Степью дикой и широкой
От полков [на черкасском] скакуне
В мрачной думе, одинокой,
Едет тихо на коне.
[Лишь один всеведец знает,
Но не знают козаки,
Что Хмельницкий замышляет
И куда ведет полки.]

[Мчатся быстро козаки,
Грозно вьются бунчуки.]

[Орда от козаков несется,]
Лишь на траве сакма за ней
В степи пустынной остается.
И глухо в поле раздается
И прыск и ржание коней.

⟨МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ⟩

2 [Как гордость гордых возросла]
Автограф ПД
после 4 [Ни слезы дев, ни кровь мужей
Свирепства их не утоляют]
[Не стало сил терпеть страданья
И притесненья земляков
Я поднял их]

6 [Коль завтра здесь прольется кровь]

вместо 10—14 [Тебе известны, мой творец
Песчинки в пропасти глубокой
И думы тайные сердец]
Твое всевидящее око
Песчинку зрит на дне морском
а) [Известно всё тебе, творец]
б) [Нет тайны для тебя, творец]

«ГЛУХАЯ НОЧЬ. МОЛЧИТ РЕКА . . .»

5—6 [Вкруг догорающих костров]
[Пируют радостно] поляки

12 [Друг другу хвалятся вождем

13—14 а) Другие дерзко над врагом
Победу верную пророчат]
б) [И дерзко гордым землякам]
Победу [верную] пророчат

СОН ЖОЛКЕВСКОГО

1 Над ним летает страшный сон

3 а) На площади костер [сосновый]
б) На площади костер высокий

4 [К костру] В средине столб. Палач жестокий

9 [В руках кровавых над плечами]

11—12 [Из шей ручьями кровь текла
Вот молча все к костру подходят]

14 Холодный исполнитель казни

17—18 Огонь взвился и над домами
Понесся дым густой клубами

21 Страдальца кровь и [гром] шум проклятий

26 Назад по площади бежал

после 27 Костер пылал, повсюду вопли
[Вокруг костра толпы людей,
Вдруг всё сокрылось из очей]

34 [Но гетман всё] еще не знает

«МЕЖ ТЕМ ПОТОПЛЕННЫЙ В ТУМАНАХ...»

после 7 Сны благодатные над ними
Летают резвою толпой
Тот зрит себя между родными
Под кровом хижины родной,
Сей по Днепру раскинув сети
Обратно к берегу плывет,
Вот сотни рыб на став влечет

Отдельный набросок Автограф ЦГАОР

Глухая ночь. На вышине
Грядою длинной идут тучи:
Казацкий табор в тишине
[Спокойно спит] Давно заснул на бреге Случи
Сторожевые казаки
Спокойно ходят вдоль реки

Отдельные наброски Автограф ПД

Вражда к тиранам неприметна,
Спокойны гордые умы;
Но так порой спокойна Этна
Под [снежным] хладным черепом зимы

Нет, нет, невольники не в силах
Пылать огнем высоких дум;
Не кровь, вода течет в их жилах,
Их чувства спят, их дремлет ум.

Идут и в каменные груди
Громят две тысячи орудий.

[Нет договоров со врагом]
Нет [середины] примиренья, нет условий
Между тираном и рабом;

Тут надо не чернил, а крови;
Нам должно действовать мечом.

Не говори о людях мне,
Их испытал я, их я знаю,
Они презрительны вполне
И я давно их презираю.

75

между 4 и 5 Автограф ПД I

Их лица смуглые слегка
Багровый пламень освещает,
Угрюмый вид их выражает
И [тревогу] беспокойство, и печаль

Вид беспокойный выражает
[Они] то зорко смотрят вдаль

вместо 10—16

Угрюмо, дико всё в природе
Ни звездочки на мрачном своде
Уныло дремлющих небес,
Река молчит, безмолвен лес.
Лишь, налетая, ветр порою
Ковылью шевелит сухою.

17

Лишь ходят кони на свободе

19—21

Где запоздал он? [Ночь темна]
[Ни зги не видно, но ему ли]
Ему б примчаться. [Конь надежный]

24 Автограф ПД II

а) Притом лихой и Гайдамак
б) Притом удал и Гайдамак!

между 37 и 38 Автограф ПД I

Не раз [копытами коней] [ватага удальцов]
Не раз конями [вместе] с ним
Топтали мы враждебный Крым
И нивы Польши плодородной

Автограф ПД II

Не раз гонимы были им
Толпой и крымцы, и поляки;
[Как божий гнев, он страшен им,
Как бурный вихорь, он средь драки]
В набегах бурных гайдамаки
Как божий гнев ужасны с ним.

39—44 Автограф ПД I

Когда он к [Палею] Самусю в курень
На Запорожие явился,
Набег с ним первый полюбился.

Будь проклят этот гайдамак,
Ты помнишь с той поры,
Когда он к нам

40	а)	[И Сечи клятву дал на службу]
	б)	[И захотел быть гайдамаком]
41		[Любить свободных козаков]
43		Противу крымцев и поляков
после 43 *Автограф* *ПД II*		[Тогда еще он молод был: Красив, высок, осанист, строен; Он строго наш закон хранил; И как прямой и пылкий воин, Тревоги бурные любил. Но в сердце что-то он таил И был душою неспокоен.]
46		[Булат,] Жупан — все род высокий
Автограф *ПД I* 61		Сбылось желанье [новичка] [в буйный Крым]
между 62 и 63		[Щипнули на пути поляков]
между 63 и 64		[И беспощадностью лихой]
64		[Вдруг превзошел] всех гайдамаков
67—68		Он вечно бродит, как порок В местах пустынных с тайной думой
93		Она, как черная могила,
Автограф *ПД II* 96		Его зловещие глаза
Автограф *ПД I* 97		Чернеет на его челе
Автограф *ПД II* 98		Тоска, как сумрак полуночи.
114		[Никто не тронул гайдамака]
Автограф *ПД I* 116—117		Так на досуге говорили Между собою козаки
вместо *116—118*		Но где же он? Давно пора Ему здесь быть из-за Днепра, — Так говорили меж собою Два молодые козака.

118 Два запорожских удальца

119—120 а) [И между тем уже зарею
Занялся сумрачный восток]
б) Меж тем румяною зарею
Уж занимается восток

вместо 134—143 Автограф ПД II

[Между высокою травою
[Коней пасущихся узрел]
Своих товарищей узнал
Запрял ушами
Узрел коней
К ним подбежал, стал ⟨*нрзб.*⟩
Узнав товарищей, заржал.
Заржал, затопал
[Вот подбежав, запрял ушами
И начал нюхаться с конями]

Затопал, [радостно] заржал,
Ушами [радостно] запрял
Помчался быстрою стрелою
И, подбежавши к ним, заржал,
Запрял ушами и упал,
[Облитый кровью] Почти недвижный, бездыханный
Струится кровь из черной раны,
На шее сделанной свинцом,
И безобразными кусками
Чепрак исколотый кругом,
В крови висит между ногами.]

144 Краса и слава буйной Сечи?

после 151 а) [Или тавридцем он убит
В глуши пустынной уж лежит
И хищный вран средь мрака ночи]
б) [Иль хищным крымцем он убит
В глуши пустынной уж лежит,
И изо лба во мраке ночи
Орел выклевывает очи]

в) Иль крымским хищником убит
[В глуши пустынной] непогребенный он лежит
[И уже волк средь] мрака ночи
[В колючем терне тело рвет]
И изо лба козацки очи
[Орел украинский [безжалостно] клюет]
Орел выклевывает очи.

Отдельные наброски Автограф ПД I

Всегда бежит веселых игр,
Как кровожадный тигр.

Нередко он поля Волыни
Копытами коней орал

И, превращая всё в пустыни,
Их польской кровью поливал.

Как плотоядные шакалы
По степи рыщут казаки.

Иль сизоперому орлу,
Иль плотоядному шакалу

В нем не [полковника] начальника — отца

Не вихрь шумит среди степей,
Не ястребов орел гоняет,
На вороном коне летает
За крымцами седой Палей

76

3 а) Палея с горстью удальцов
Автограф б) Горсть запорожских казаков
ПД
5 [В степи пустынной] с их атаманом окружали

11—12 От [верного] целкого свинца валится
[Вокруг] козак за козаком

15 Но вдруг [как вихрь] [с булатом он]
с копьем в руке

19—20 Коню [на голову башлык]
Накинув [верною рукою]

22—23 Коня ударил — и стрелою
С брегов высоких полетел

26—27 Замолкло всё — лишь ветр ревет
Козак спокойно посредине

33 а) Выходит на берег [другой]
б) Прыгнул из волн на брег крутой

36 [Козак удалый] оглянулся

38 [И в Запорожье] ускакал

Отдельные наброски Автограф ЦГАОР
Не тучи на небе [сходились] сдвигались
Не дождь шумел из облаков,
В степи с татарами слетались
Дружины [бурных] храбрых казаков

Их кони страшно землю роют,
[Прядут ушами] Несутся бурно, чуя бой
Поля притоптанные воют,
Клубится пыль, как дым густой
Уже дружины казаков
[Смешались] Слабели в битве рукопашной
Вдруг на татар, как вихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сагайдашный
С дружиной буйных удальцов.

Автограф ПД Палей с ватагой гайдамаков
[Помчался бурно под Очаков]
Упал внезапно на Очаков,
Как гнев небесный саранча,
Пылая местью кровожадной
[И трое суток беспощадно
Вспылал дух местью кровожадной
Раздался глас]
И всё погибло беспощадно
Иль от огня, иль от меча

77

Свырд

62 Автограф ЦГАОР [До двадцати евреев как собаки]

Янкель

70 И возмущал их [всех против поляков]

Свырд

73 а) [Я не пойду, возьми меня насильно]
б) [А он? не стыдно ль вам? или забыли]

76 Его, довольно [слов чорта]

между 120 и 121 И погубить души своей навечно

80

2 II список ЦГАЛИ На родимой стороне

3 В злой неволе

16—17 I и II списки ЦГАЛИ Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян

после 30 Они кожу с нас дерут
Мы посеем — они жнут

Они воры
Живодеры
Как пиявки кровь сосут

40 — Без вины будь виноват

II список
51—52 — А поборами царь
I список — Источил нас как сухарь

после 55 — Дважды в лето рекрут
II список — Без войны с нас берут
Поселенье
Разоренье
Православным на беду

61 — Ох, так больно на Руси
I список
II список — Ой так худо на Руси

71—72 — До царя знать далеко,
А до бога высоко

74 — Брат с усами

82. ПЕСНЯ К ... ОЙ

1—4 — *отсутствуют*
«Рус. потаенная литература»
6 — Я со трона прочь

9—10 — Я взбунтую полки
Развяжу языки

—

89

«Рус. потаенная литература» — Уж как шел кузнец
Да из кузницы
Слава!
Нес кузнец
Три ножа
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож
Слава!
Второй нож
На попов, на святош
Слава!
А молитву сотворя
Третий нож на царя
Слава!

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Рылеева его произведения дважды выходили отдельными изданиями: в 1825 г. вышел его сборник «Думы» и в том же году — поэма «Войнаровский». Однако лишь небольшая часть из написанного Рылеевым увидела свет при его жизни. Большой архив поэта после его ареста 14 декабря 1825 г. оказался частью у Ф. В. Булгарина, частью остался у жены, а частью попал в руки членов Следственного комитета и был позднее тайно присвоен чиновником А. А. Ивановским, у которого и хранился. После 1825 г. отдельные рукописи Рылеева лишь случайно проникали в печать, но публиковались анонимно и с искажениями. С 1856 г. произведения Рылеева стали печататься за границей в нелегальных изданиях. Печатались они, как правило, не с автографов, а со списков, часто очень неточных. В 1861 г. в Лейпциге вышло «Полное собрание сочинений» К. Ф. Рылеева (под редакцией Н. В. Гербеля), которое, разумеется, было далеко не полным и весьма сомнительным в текстологическом отношении. Из рукописей Рылеева, находящихся у разных владельцев в России, отдельные произведения начали публиковаться с 1861 г. Значительные материалы были напечатаны в 70-е годы П. А. Ефремовым в «Русской старине» (преимущественно из архива, находившегося у родных Рылеева) и в 80-е годы — В. Е. Якушкиным в «Вестнике Европы» и других журналах (материалы из собрания А. А. Ивановского). В 1872 г. вышло первое собрание сочинений Рылеева в России: «Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева» (Издание его дочери. Под ред. П. А. Ефремова), СПб., 1872. Это было первое издание, осуществленное на основе рукописей, которыми располагал Ефремов, и впервые как-то прокомментированное. Однако издание 1872 г., повторенное в 1874 г. и послужившее основой для всех последующих изданий произведений Рылеева, было отнюдь не полным. Из большого архива поэта Ефремов многое не включил в свое издание, во-первых, из соображений цензурного характера, а во-вторых, потому, что считал ряд произведений Рылеева неинтересными. Издание содержало и ряд ошибок текстологического характера: неверных прочтений и искажений текста, ошибочных датировок, произвольных заглавий и т. п. Тем не менее, последующие издатели Рылеева (М. Н. Мазаев в 1893 г. и Г. Балицкий в 1906—1907 гг.) с автогра-

фами поэта дела не имели и пользовались уже существующими публикациями его произведений.[1]

Первое научное издание сочинений Рылеева было осуществлено лишь в советское время. В 1934 г. почти одновременно вышли: «Полное собрание сочинений» (Редакция, вступительная статья и комментарии А. Г. Цейтлина), М.—Л., «Academia» и «Полное собрание стихотворений» (Редакция, предисловие и примечания Ю. Г. Оксмана. Вступительная статья В. Гофмана), Л., «Библиотека поэта», Большая серия. Первое из двух изданий, кроме стихотворных произведений, содержало прозаические сочинения Рылеева, его статьи и письма. Что касается стихотворений и поэм, то они полнее представлены, убедительнее прочтены и основательнее прокомментированы в издании «Библиотеки поэта». Ю. Г. Оксман проделал огромную работу по прочтению, датировке и комментированию всех известных ему стихотворных произведений Рылеева. В издании 1934 г. приведены основные варианты всех автографов, прижизненных публикаций, а иногда и списков стихотворений. Установлены даты написания многих произведений, а некоторые традиционные датировки убедительно пересмотрены. В этой же книге дан подробный текстологический и историко-литературный комментарий, к которому и сейчас трудно прибавить что-либо существенное. Однако при всех высоких качествах издания 1934 г., оно теперь нуждается в существенных коррективах. Располагая текстом прижизненной публикации и автографом произведения, Ю. Г. Оксман часто отдавал предпочтение автографу (например, «К Делии», «Волынский» и некоторые юношеские стихотворения). Кроме того, издание 1934 г. теперь уже не может считаться полным, так как в последующее время в архивах было выявлено еще значительное количество автографов Рылеева. Часть из них была опубликована в 1954 г. в № 59 «Литературного наследства». Это, в основном, автографы, которыми располагал В. Е. Якушкин, и ныне находящиеся в ЦГАОР.[2] Несколько автографов обнаружено в ЛБ (это часть собрания бывшей Чертковской библиотеки, автографы которого видел П. А. Ефремов, но которыми уже не располагал Ю. Г. Оксман, так как в 1934 г. местонахождение их было ему неизвестно). Следует отметить, что тексты, напечатанные в «Литературном наследстве», даны без вариантов и не всегда точно. В 1956 г. вышло собрание избранных сочинений Рылеева, адресованное широкому читателю: «Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма» (Вступительная статья В. Г. Базанова. Подготовка текстов и примечания Ю. Г. Оксмана). В это издание вошла часть текстов, опубликованных в ЛН, а в ряде произведений, ранее напечатанных Ю. Г. Оксманом, появились новые строки (поэма «Войнаровский», некоторые из «агитационных песен»), необходимость которых не во всех случаях представляется убедительной.

Настоящее собрание стихотворных произведений Рылеева яв-

---

[1] Критический анализ этих изданий содержится в статье Ю. Г. Оксмана «От редактора», открывающей книгу: К. Рылеев, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1934, с. XIV—XVI.

[2] Список условных сокращений см. на с. 399—400.

ляется наиболее полным, так как к основному корпусу текстов, изданных в 1934 г., здесь прибавлены все тексты, опубликованные в «Литературном наследстве», и некоторые произведения и наброски, никогда не публиковавшиеся ранее (№ 91, 140, 143, 162, 182, 183).

Материал настоящего издания сгруппирован в трех основных частях. Часть I — основное собрание, куда вошли все произведения 1820—1826 гг. 1820 год — важный рубеж в литературной биографии Рылеева, год завершения ученического периода его творчества, когда он бесповоротно встает на путь гражданской поэзии, о начале которого возвестила сатира «К временщику». Внутри части I выделены три раздела, соответствующие основным жанрам рылеевского поэтического творчества: стихотворения, поэмы, драма. В части I помещены, как правило, законченные произведения, либо отрывки, опубликованные самим поэтом. Исключением являются некоторые фрагменты поэмы «Наливайко» и пролог к трагедии «Богдан Хмельницкий», значение которых в литературном наследии Рылеева очень велико. Часть II занимают агитационные песни, написанные поэтом совместно с А. А. Бестужевым, а быть может, и с другими авторами. Часть III составляют следующие традиционные приложения: 1. Ранние стихотворения (1813—1819); 2. Отрывки, наброски, планы; 3. Стихотворения, приписываемые Рылееву. Во втором приложении даются наброски неосуществленных произведений, вплоть до мельчайших фрагментов. Раздел стихотворений, приписываемых Рылееву, значительно отличается от подобных разделов в предыдущих изданиях. В него включены два стихотворения, ранее не печатавшиеся в сборниках Рылеева: «Не вчера ли в хороводе...» и эпиграмма «Наш медик Клит...». Три стихотворения («Известно всем давно, что стиходей Арист...», «Не диво, что Вралев так много пишет вздору...» и «Завет богов») выведены из основного текста стихотворений Рылеева, где они до сих пор печатались, и помещены в приложении, поскольку принадлежность их Рылееву проблематична. Не вошло в книгу стихотворение «На смерть Чернова», так как последние изыскания литературоведов подтверждают, что оно принадлежит В. К. Кюхельбекеру.[1] Стихотворение «Александру I» включено в приложение, а не в основной текст, как это сделано в издании 1956 г., потому что документальными данными, подтверждающими авторство Рылеева, мы не располагаем. И, наконец, в отдел приписываемых произведений в соответствии с традицией включено четверостишие «Тюрьма мне в честь, не в укоризну...», принадлежность которого поэту еще нуждается в аргументированном обосновании.

В каждом разделе материал по возможности расположен в хро-

---

[1] См.: Ю. М. Лотман, Кто был автором стихотворения «На смерть Чернова». — «Русская литература», 1961, № 3, с. 153; А. Глассе, Проблемы авторства В. К. Кюхельбекера (1817—1825 годы). — «Русская литература», 1966, № 4, с. 145—149. Приписываемое раньше Рылееву стихотворение «По чувствам братья мы с тобой...» не печатается, ибо бесспорно доказано, что автором его был А. Н. Плещеев. См.: Е. Г. Бушканец. Мнимое стихотворение Рылеева. — «Литературное наследство», № 59, М., 1954, с. 285—288.

нологической последовательности, кроме дум, напечатанных Рылеевым отдельной книгой в 1825 г. В настоящем издании полностью сохранен ее структурный принцип (хронология исторических сюжетов), установленный автором. Думы, законченные Рылеевым, но не опубликованные при его жизни, помещены после тех, которые вошли в сборник 1825 г., но в хронологической последовательности их написания.

В настоящем издании Большой серии полнее, чем обычно, представлены другие редакции и варианты автографов и журнальных текстов. Весь этот материал (за исключением важнейших черновых вариантов в набросках, приведенных в разделе «Отрывки, наброски и планы») сосредоточен в специальном разделе «Другие редакции и варианты». За пределами издания остались лишь совсем незначительные, в большинстве своем одностишные варианты.

Произведения Рылеева в настоящем издании печатаются по прижизненным авторским публикациям, а при отсутствии таковых — по беловым или (если нет беловых) черновым автографам. Лишь в тех случаях, когда ни один из названных источников не сохранился, текст приводится по наиболее достоверной посмертной публикации. При наличии нескольких источников текста, т. е. когда возникает проблема выбора, в примечании специально указывается, какой из них положен в основу настоящей публикации, и используется формула: «Печ. по. . .». Как правило, предпочтение отдается последним авторским редакциям. Особо оговариваются также случаи реконструкции текста, т. е. устранение цензурных искажений и купюр, восстановление не сохранившегося целиком текста из разных источников (контаминация) и т. п. Если подобная реставрация уже имела место в предыдущих изданиях Рылеева, дающих достаточно убедительное решение сложного текстологического вопроса, то в качестве источника текста указывается соответствующее издание.

Датировки произведений Рылеева уточнены, а иногда исправлены на основании автографов и других данных. Даты предположительные отмечаются вопросительным знаком, двойные даты (через тире) означают период, в течение которого стихотворение было написано. Даты в угловых скобках обозначают год, не позднее которого создан тот или иной текст (в ряде случаев это даты первых прижизненных публикаций). При датировке некоторых дум принято во внимание то обстоятельство, что Рылеев обычно публиковал их в журналах, альманахах или представлял для прочтения в Вольное общество любителей российской словесности почти сразу же после написания. Таким образом, год их первого появления в печати или представления в общество, как правило, является и годом их написания. В некоторых случаях для обоснования датировки приведены даты цензурных разрешений. Стихотворения, датировать которые не удалось, помещены в конце соответствующих разделов без дат.

Примечания имеют единообразную структуру. После порядкового номера каждый раз указывается первая публикация, затем все последующие, если они содержат какие-либо разночтения (часто эти расхождения объясняются разными источниками текста, а нередко элементарными погрешностями, допущенными при публика-

ции рукописей). Простые перепечатки не указываются вовсе. Затем — в нужных случаях — сообщаются сведения о наличии и местонахождении автографов, данные для датировок и творческой истории произведения, наиболее показательные оценки современников и т. д., а в конце примечаний дается реальный комментарий. Звездочка перед порядковым номером означает, что к этому произведению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Так как в этом разделе и в примечаниях применена система отсчета стихов, то для удобства читателя все тексты, содержащие свыше 50 строк, пронумерованы (по десяткам).

Все редакторские конъектуры, а также редакторские заголовки даются в угловых скобках. Квадратными скобками отмечены вычеркнутые в рукописях Рылеева строки и отдельные слова.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. Сохранены только те индивидуальные и исторические особенности правописания Рылеева, устранение которых могло бы отразиться на произнесении стиха.

Примечания к №№ 73—76 (поэмы), 77, 90, 93—135, 137, 150, 153, 161, 170, 172, 173, 178, 184—187 написаны А. Е. Ходоровым, все остальные — А. В. Архиповой.

А. Архипова

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

Б зап — «Библиографические записки».
ВД, тт. 1, 2, 4 и 9 — «Восстание декабристов. Материалы», М.—Л., т. 1, 1925; т. 2, 1926; т. 4, 1927; т. 9, 1950.
ВЕ — «Вестник Европы».
Вольное общество — Вольное общество любителей российской словесности.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
«Думы» — К. Рылеев, Думы, М., 1825.
Изд. 1956 — К. Ф. Рылеев, Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. Вступительная статья В. Г. Базанова. Подготовка текстов и примечания Ю. Г. Оксмана, М., 1956.
ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ЛН — «Литературное наследство», № 59. Декабристы-литераторы, т. 1, М., 1954.
Маслов — В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев, 1912.
Н Зр — «Невский зритель».
Н лит — «Новости литературы».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
ПЗ 1823, ПЗ 1824, ПЗ 1825 — «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым», СПб., 1823, 1824 и 1825.

ПЗ II, ПЗ V, ПЗ VI — «Полярная звезда», издаваемая Искандером и Н. Огаревым», Лондон, кн. 2, 1858; кн. 5, 1861; кн. 6, 1861.
ПСС — К. Рылеев, Полное собрание стихотворений. Редакция, предисловие и примечания Ю. Г. Оксмана. Вступительная статья В. Гофмана, Л., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1934.
ПССоч. — К. Рылеев, Полное собрание сочинений. Редакция, вступительная статья и комментарии А. Г. Цейтлина, М.—Л., «Academia», 1934.
Пушкин — Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. 1—17, М.—Л., изд-во АН СССР, 1937—1959.
РА — «Русский архив».
РС — «Русская старина».
СО — «Сын отечества».
«Соревнователь» — «Соревнователь просвещения и благотворения. Труды Вольного общества любителей российской словесности».
Соч. и П — Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. Издание его дочери, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1872.
Ст. — стих, стихи.
«Ученая республика» — В. Базанов, Ученая республика, М.—Л., 1964.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
Ценз. разр. — дата цензурного разрешения.

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Н Зр, 1820, № 10, с. 26. Написано вскоре по приезде Рылеева в Петербург Подзаг. указывает на один из литературных источников — сатиру М. В. Милонова «К Рубелию» (1810), имеющую подзаг.: «Из Персия». Однако стихотворение Милонова не перевод, а вольное подражание. У римского поэта Персия (34—62) такой сатиры нет. Рылеевские обличения временщика звучали несравненно острей, чем у Милонова, и современники сразу же догадались, что истинный адресат сатиры — граф А. А. Аракчеев (1769—1834). «Мы с жадностью читали эти стихи, — вспоминал декабрист Н. И. Лорер, — и узнавали нашего русского временщика» («Записки Н. И. Лорера», М., 1931, с. 73). Н. А. Бестужев так характеризовал обстановку в России тех лет и впечатление от сатиры Рылеева: «В том положении, в каком была и есть Россия, никто еще не достигал столь высокой степени силы и власти, как Аракчеев, не имея другого определенного звания, кроме принятого им титула „верного царского слуги“: этот приближенный вельможа под личиной скромности, устраняя всякую власть, один, не зримый никем, без всякой явной должности, в тайне кабинета, вращал всею тягостью дел государ-

ственных, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во все отрасли правления ... Где деспотизм управляет, там утеснение — закон: малые угнетаются средними, средние большими, сни еще высшими; но над теми и другими притеснителями, равно как и над притесненными, была одна гроза: временщик ... Все государство трепетало под железною рукою любимца-правителя. Никто не смел жаловаться: едва возникал малейший ропот — и навечно исчезал в пустынях Сибири или в смрадных склепах крепостей. В таком положении была Россия, когда Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины; когда назвал его деяния, определил им цену и смело предал проклятию потомства слепую или умышленную покорность вельможи для подавления отечества. Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему; но изображение было слишком верно, очень близко, чтобы обиженному вельможе осмелиться узнать себя в сатире. Он постыдился признаться явно, туча пронеслась мимо; оковы оцепенения пали, мало-помалу расторглись, и глухой шепот одобрения был наградою юного правдивого стихотворца. Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластию ... С этого стихотворения началось политическое поприще Рылеева. Пылкость юношеской души, порыв благородного негодования и меткие удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее внимание» (Н. Бестужев, Воспоминания о Рылееве. — «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 11—12). А один из издателей Н Зр, Г. П. Кругликов, впоследствии вспоминал, что журналу угрожало мщение Аракчеева и только заступничество кн. А. Н. Голицына, министра народного просвещения, спасло журнал (см. «Петербургскую газету», 1871, 9 марта). См. также вступ. статью, с. 9. *Кимвальный звук.* Кимвал — музыкальный инструмент, употреблявшийся древними иудеями при богослужении. *Сеян* Люций Элиус (ум. 31 г.) — префект (начальник) преторианской (императорской) гвардии, возвысившийся в правление римского императора Тиберия; став всесильным временщиком, Сеян составил заговор против Тиберия, но был разоблачен, арестован и задушен. *И в Цицероне мной не консул — сам он чтим за то, что им спасен от Катилины Рим.* Римский политический деятель, писатель и оратор Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.) раскрыл в 63 г. до н. э. заговор, организованный Люцием Сергием Катилиной (108—62 до н. э.) против Римской республики. В результате заговорщики были казнены, а Катилина погиб. *Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!* Римские политические деятели, защитники республики Гай Лонгин Кассий (I в. до н. э.) и Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — организаторы республиканского заговора против диктатуры Цезаря, приведшего к его убийству. Катон Марк Порций (95—46 до н. э.) — народный трибун, глава республиканской партии, боровшейся против Цезаря. Не желая пережить падение республики, покончил самоубийством. *Селения лишил их прежней красоты.* Намек на так называемые военные поселения, учрежденные по проекту Аракчеева, где солдаты чувствовали себя как в тюрьме, поскольку вся их жизнь была строжайше регламенти-

рована. *Народ тиранствами ужасен разъяренный!* В этом стихе, содержащем угрозу местью восставшего народа, выражено принципиальное отличие революционной сатиры Рылеева от просветительской сатиры Милонова, заканчивающейся таким приговором Рубелию:

Ты думаешь сокрыть дела свои от мира —
В мрак гроба? но и там потомство нас найдет;
Пусть целый мир рабом к стопам твоим падет,
Рубелий! Трепещи: есть Персий и сатира!

(«Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта», (Б. с.), Л., 1959, с. 482).

2. «Благонамеренный», 1820, № 5, с. 335, подпись: К. Р — в. Вместе с эпиграммой «Ты знаешь Фирса чудака. . .» — первое выступление Рылеева в печати.

3. Н Зр, 1820, № 11, с. 141, подпись: К. Р — в.

* 4. Н Зр, 1820, № 12, с. 207. Автограф ранней редакции — ПД (опубликован в PC, 1872, № 5, с. 758). *Пальмира Севера* — Петербург.

5. PC, 1872, № 5, с. 759; ПСС, с. 270, по автографу ПД. Разночтения автографа и публикации П. А. Ефремова в PC позволяют предположить, что Ефремов располагал другим источником, местонахождение которого сейчас неизвестно.

6. Н Зр, 1821, № 1, с. 37.

7. «Благонамеренный», 1820, № 13, с. 50. Датируется по помете «Острогожск»: весной — летом 1820 г. Рылеев находился в Воронежской губернии. Подражание «Тибулловой элегии III из III книги» в переводе Батюшкова (1809). *Тибулл* Альбий (ок. 60—19 до н. э.) — римский лирик, прославивший свое имя любовными элегиями. *Делия* — возлюбленная Тибулла, позднее условное имя возлюбленной. *Крезовых богатств.* Крез — последний царь древнего малоазиатского государства Лидии (560—546 до н. э.), обладатель несметных богатств; его имя стало нарицательным названием богача. *Церериных полей.* Церера (римск. миф.) — богиня плодородия. *Дщерь Сатурнова* — Юнона (римск, миф.), верховная богиня, супруга Юпитера, владычица неба. *Любови мать* — Венера. *Парки* (римск. миф.) — богини человеческой судьбы, представлявшиеся в виде трех сестер-прях, одна из которых начинала нить жизни, другая развертывала, а третья перерезала. *Мегера* (греч. миф.) — одна из трех богинь-мстительниц (Эринний).

8. «Благонамеренный», 1820, № 13, с. 54, подпись: К. Р — в. См. примеч. 7.

9. «Благонамеренный», 1820, № 23—24, с. 372, подпись: К. Р — в. Отгадка: Бор-ода. Шарада отражает литературные симпатии начинающего поэта: традиционное отношение к общепринятым авторитетам

(Державин и В. П. Петров), насмешка над современными приверженцами классицизма (*Свистов* — вероятно, Д. И. Хвостов, см. примеч. 12) и интерес к только что вышедшей поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

10. Н Зр, 1821, № 2, с. 147. *Аквилон* (римск. миф.) — олицетворение северо-восточного холодного ветра. *Крон* (Кронос) (греч. миф.) — божество времени.

11. РС, 1872, № 5, с. 760, с подзаг. «Подражание древним» и незначительными разночтениями, возможно по автографу, до нас не дошедшему. Автограф — ЛБ. Датируется предположительно, по связи с другими стихотворениями в этом же роде 1820—1821 гг.

12. Н Зр, 1821, № 3, с. 259, без подписи. Автограф первой редакции — ПД, архив Д. И. Хвостова (опубликована в РС, 1892, № 8, с. 411); автограф второй редакции — на обложке книги из библиотеки Рылеева: «Андромаха, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Расина. Перевод графа Д. Хвостова. Издание пятое, СПб., 1821» — в ПД. Граф Дмитрий Иванович *Хвостов* (1757—1835) — стихотворец, известный своей бездарностью и ретроградными литературными и политическими взглядами, член «Беседы любителей русского слова» и Российской академии, сенатор. Подвергался постоянным насмешкам со стороны литераторов «Арзамаса» и других представителей «новой поэтической школы». Известны пародии, сатиры и эпиграммы на него, а также иронические послания к нему В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, А. Ф. Воейкова, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова и др. Подобной шуткой над плодовитым графоманом было и послание Рылеева. Хвостов принял эти стихи за панегирик и отметил в примеч. к одному из своих стихотворений: «Нескромные хвалители найдут везде место к приветствию; иные ж даже превозносили автора за то, что лица в «Андромахе» его перевода иным казалися смешны, и что многие его не читают» (Сочинения графа Д. И. Хвостова, т. 2, СПб., 1821, с. LIII). Но какую-то тень насмешки он, видимо, почувствовал, и к строке после ст. 10 «За претерпенные гоненья», имевшейся в том варианте послания, которое Рылеев вручил ему, сделал следующее примеч.: «Прекрасно; но ополчение зоилов и даже невнимание современников не есть гонение. Гонимы были Тасс, Галилей и другие. Г. Рылеев напечатал сии стихи с переменами, что лица мои смешны. Я примечание о сем поместил в примечаниях к одному из моих посланий. Рылеев был тогда еще не на воздухе, и сказал, прочтя мое замечание: «Я пошутил, а ваше замечание пойдет в потомство». В ответ ему отвечать надобно было: „Потомства не страшись — его ты не увидишь!“» (РС, 1892, № 8, с. 412; см. также: П. О. Морозов, Граф Дмитрий Иванович Хвостов. — РС, 1892, № 6, с. 71—104, № 8, с. 396—430). *Твой славный перевод Расина, Буало.* Хвостову принадлежит также «Перевод «Науки стихотворства» Буало» (1804).

* **13.** ВЕ, 1888, № 11, с. 218; ПСС, с. 279, по автографу ПД. Автограф с позднейшими исправлениями и пометой в конце: «С пол⟨ьского⟩ К. Р — в». На обороте последнего листа — черновой набросок дру-

того варианта конца сатиры. Беловой автограф отрывка, не вошедшего в текст автографа ПД, — ЦГАОР. В. Е. Якушкин напечатал в ВЕ автограф ПД, учитывая правку, но соединил законченный перебеленный текст и черновой набросок. Ю. Г. Оксман в ПСС воспроизвел текст автографа, без позднейшей правки. Печ. по беловому автографу ПД. Стихотворение — перевод с польского сатиры Ф. В. Булгарина (оригинал неизвестен). Было представлено в Вольное общество 25 апреля 1821 г. (см.: «Ученая республика», с. 397). На том же заседании Рылеев был избран членом-корреспондентом общества. Тема сатиры — положение поэта в обществе — сближает ее с «Посланием к Н. И. Гнедичу» (№ 24). *Катон* — см. примеч. 1. *Перикл* (490—429 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель, при котором достигла расцвета афинская демократия, а также науки и искусства. *Цесарь* — Гай Юлий Цезарь (102—44 до н. э.) — римский государственный деятель, полководец и писатель; после ряда блестящих военных побед стал единодержавным правителем Рима. Против него организовался заговор республиканцев, положивший конец его диктатуре и жизни. *Брут* — см. примеч. 1. *Тит* Флавий Веспасиан — римский император (79—81 до н. э.), прославленный в позднейшей литературе как просвещенный и гуманный правитель. *Сенатор граф Глупон* — возможно, имеется в виду Д. И. Хвостов (см. примеч. 12).

* 14. РС, 1877, № 2, с. 360, публикация П. А. Ефремова по автографу, с разночтениями. Тот же текст воспроизводился во всех последующих публикациях стихотворения. Автограф — ЦГАОР. Написано весной 1821 г. в связи с ходившими тогда в обществе слухами о том, что командир отдельного Кавказского корпуса, боевой генерал и герой Отечественной войны 1812 г. Алексей Петрович *Ермолов* (1777—1861) назначается командующим русской армией, которая выступит против Турции в поддержку начавшегося восстания греков за свою независимость. На самом деле Ермолов был вызван в Лайбах, где находился Александр I, для получения инструкций насчет переброски русской армии в Италию для подавления Пьемонтского восстания. Русская армия за границу не выступила и никакой помощи грекам не оказала. А. П. Ермолов, популярный среди декабристов и либерально настроенной части общества, воспринимался многими как человек, сочувствующий делам и намерениям тайного общества, и прочился некоторыми из них, вместе с М. М. Сперанским и Н. С. Мордвиновым, в члены будущего Временного правительства. Ср. послание В. К. Кюхельбекера «А. П. Ермолову» (1821). Греческое восстание вызвало в передовых кругах русского общества горячее сочувствие, отразившееся в стихах Пушкина, В. Ф. Раевского, Кюхельбекера и др., а также в частной переписке и дневниках тех лет. См.: В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, с. 250—256; В. Селинов, Пушкин и греческое восстание. — Сб. «Пушкин», вып. 2, Одесса, 1926, с. 5—31. *Паллада* (греч. миф.) — одно из имен Афины, богини мудрости; она считалась также богиней-воительницей, стоящей на страже порядка. *Феникс* — в египетской мифологии волшебная птица, которая сжигала себя в огне и вновь возрождалась из пепла. *Фемистокл* (ок. 514—449 до н. э.) — древнегреческий политический деятель и полководец; прославился победами в войнах с персами.

15. РС, 1871, № 1, с. 66, в составе письма Рылеева к Ф. В. Булгарину от 20 июня 1821 г. из Острогожска в Петербург, по автографу ПД.

16. РС, 1871, № 7, с. 80, публикация П. А. Ефремова, которому текст сообщил М. А. Веневитинов со слов Я. Н. Бедраги. Дата — в РС. Яков Николаевич *Бедрага*, которому посвящено стихотворение, — сын Николая Григорьевича Бедраги, младшего брата М. Г. Бедраги, приятеля Рылеева (см. о нем примеч. 21). Видимо, это стихотворение вместе со стихотворением «Надгробная надпись» было представлено Рылеевым в Вольное общество 12 сентября 1821 г. под загл. «Младенцу» (см.: «Ученая республика», с. 402).

17—18. РС, 1871, № 1, с. 68, в письме Рылеева к Ф. В. Булгарину из села Подгорного Острогожского уезда в Петербург от 8 августа 1821 г., по автографу ПД. Рылеев пишет: «Скоро должен я буду оставить мое тихое, безмятежное уединение, дабы опять явиться в Северную Пальмиру. Холод обдает меня, когда я вспомню, что, кроме множества разных забот, меня ожидают в оной мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказных...» Далее следуют стихи («Когда от русского меча...» и т. д.). Второму стихотворному тексту предшествуют такие строки: «Ты, любезный друг, на себе испытал бессовестную алчность их в Петербурге; но в столицах приказные некоторым образом еще сносны... В столицах берут только с того, кто имеет дело, здесь со всех... Предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа; а исправники...»

19. РС, 1872, № 1, с. 65. Автограф — ПД, с подписью: К. Р — в. Обращено к Александру Ивановичу *Косовскому*, сослуживцу Рылеева по конно-артиллерийской роте с 1813 по 1818 г. (до выхода в отставку). Косовский оставил воспоминания о Рылееве (ЛН, с. 237—256). Обнаружение их дало возможность с уверенностью расшифровать адресат стихотворения, который в загл. был обозначен: «К К — му». Судя по адресату и содержанию, послание написано летом 1821 г., во время поездки Рылеева в Воронежскую губернию, где он служил в армии до выхода в отставку. Здесь он повидался со своими друзьями и знакомыми — А. И. Косовским, М. Г. Бедрагой и др. Стихотворение вполне соответствует тем настроениям Рылеева, которые, по свидетельству Косовского, он не раз выражал в обращении к товарищам: «Господа, вы или не в состоянии, или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас общих усилий для блага страны! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!» (ЛН, с. 247). *Знамена свободы* — по-видимому, намек на восстание в Греции в 1821 г.

20. «Соревнователь», 1821, № 10, с. 86. Стихотворение было представлено Рылеевым в Вольное общество 12 сентября 1821 г. (см. «Ученая республика», с. 402). *Пр⟨асковья⟩ Тих⟨оновна⟩ Чир—на* —

по-видимому, родственница *М. Г. Бедраги* (см. о нем примеч. 21). Догадка эта подтверждается стихотворением «М. Г. Бедраге» (№ 21), где речь идет об эпитафии, заказанной Рылееву адресатом.

21. Соч. и П, с. 200, по автографу ПД. Автограф на одном листе с записями исторического и этнографического характера, касающимися Острогожска и его окрестностей. О датировке см. примеч. 19. Михаил Григорьевич *Бедрага* (1773—1833) — подполковник гвардейского конно-егерского полка, участник войны 1812 г., тяжело раненный в Бородинском сражении. Знакомство Рылеева с ним относится к 1817 г. (см. письмо матери от 10 августа 1817 г. — ПССоч., с. 439), когда поэт со своей ротой находился в слободе Белогорье Воронежской губ. Ему посвящена «Пустыня» (№ 22) и статья «Еще о храбром М. Г. Бедраге» («Отечественные записки», 1820, № 8, с. 284—289; ПССоч., с. 295—297). Несмотря на длительную дружбу, Бедрага вряд ли разделял свободомыслие Рылеева. По свидетельству Николая I, в день 14 декабря 1825 г. Бедрага проявил себя как верноподданный офицер (сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», М.—Л., 1926, с. 41). *На смерть Полины молодой* — стихотворение «На смерть Пр⟨асковьи⟩ Тих⟨оновны⟩ Чир—ной» (№ 20), вероятно родственницы М. Г. Бедраги.

* 22. «Соревнователь», 1821, № 12, с. 337, с цензурными купюрами ст. 283—315; ПСС, с. 285, по автографу ПД. Написано во время пребывания Рылеева в Острогожске летом 1821 г.; 17 октября представлено в Вольное общество (см. «Ученая республика», с. 404). О *М. Г. Бедраге* см. примеч. 21. «Пустыня» — традиционное послание в стиле легкой поэзии, образец которого дал Батюшков в «Моих пенатах» (1811). Подражанием «Моим пенатам» явились «Городок» Пушкина (1814), «Послание к Дашкову» В. Л. Пушкина (1813). Мотивы, композиция, даже стихотворный размер этих произведений сходны. «Пустыня» отражает круг чтения Рылеева летом 1821 г. *От слепой богини*, т. е. от Фемиды (греч. миф.), богини правосудия, которая изображалась с завязанными глазами. Рылеев намекает здесь на то, что временно оставил свою службу в уголовном суде. *Цирцея* (греч. миф.) — легендарная волшебница, одна из героинь «Одиссеи» Гомера; в переносном смысле — опасная соблазнительница. *То Пушкин своенравный* и т. д. Стихи, в которых повествуется о круге чтения автора, показывают литературные симпатии Рылеева. Это «молодые поэты» Пушкин и Баратынский, признанные вожди «новой школы» Батюшков и Жуковский (причем Батюшков на одном из первых мест). Это и ряд традиционных имен с традиционными же характеристиками: Ломоносов («честь и слава россов»), Державин («важный наш Гораций, поэтов образец»), Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, драматурги XVIII в. А. П. Сумароков и Я. Б. Княжнин, а также В. А. Озеров — прославленный трагик начала XIX в. *Тацит-Карамзин с своим девятым томом.* Имеется в виду «История Государства Российского» Карамзина, девятый том которой Рылеев читал летом 1821 г. *Мом* (греч. миф.) — божество насмешки и порицания. *Костров* Е. И. (1752—1796) и *Гнедич* Н. И. — переводчики «Илиады» Гомера; Костров перевел первые восемь песен. Гнедич осуществил

весь перевод, законченный в 1828 г.; о Гнедиче см. примеч. 24. *Воейков-Буало.* Воейков А. Ф. (1779—1839) — поэт-сатирик, переводчик и журналист, автор дидактической поэмы «Искусства и науки», что дало повод к сближению его с Буало, автором знаменитого стихотворного трактата «Поэтическое искусство». *Милонов* М. В. (1792—1821) — поэт-сатирик и переводчик, заинтересовавший Рылеева своим подражанием сатире Персия «К Рубелию» (см. примеч. 1). *«Душеньки» творец* — Богданович И. Ф. (1743—1803), автор поэмы «Душенька» (1775). *Нелединский*-Мелецкий Ю. А. (1752—1828) — сентименталистский поэт, автор популярных песен и романсов. *Панаев* В. И. (1792—1859) — поэт сентиментального направления. Книга его «Идиллий» (1820) имелась в библиотеке Рылеева (см. ЛН, с. 320). *Петрополь* — Петербург. *Абазех, бах, абазинец* — народности Северного Кавказа. *Война, война кипит! В Морее пышет пламя* и т. д. Речь идет о начавшемся в 1821 г. восстании греков за свою независимость против Турции. Морея (южная Греция) была одним из главных очагов национально-освободительного движения. Сочувственное отношение Рылеева к восставшим грекам сказалось также в стихотворениях «А. П. Ермолову» (№ 14) и «На смерть Бейрона» (№ 34). *Оттоман* — турок; Оттоманская порта — официальное наименование Турции. *Ретирада* — отступление, уход. *Филомела* (греч. миф.) — афинская царевна, превращенная богами в соловья; поэтическое имя соловья вообще. *Досужих журналистов, которые тогда* и т. д. Намек на литературную полемику начала 1820-х годов, предмет которой Рылеев считал несущественным, как видно из его статьи 1825 г. «Несколько мыслей о поэзии» (ПСС, с. 371). *Война на Юге за свободу.* Снова речь идет о восстании в Греции.

23. Маслов, прилож., с. 40. Автограф — ПД, на обороте последнего из листов, занятых текстом «Пустыни». Адресат стихотворения — видимо, один из острогожских знакомых Рылеева.

24. СО, 1821, № 50, с. 175. Обращено к Николаю Ивановичу *Гнедичу* (1784—1833), поэту и переводчику «Илиады», бывшему в это время (1821) вице-президентом Вольного общества. Рылеев высоко ценил заслуги Гнедича и как гражданского поэта (его ранние произведения — «Общежитие», «Перуанец к испанцу»), и как переводчика Гомера, создавшего в русской поэзии высокий стиль героической эпопеи, и как литератора, глубоко интересовавшегося проблемами историзма и народности (его перевод «Простонародных песен нынешних греков» с обширным теоретическим предисловием). Рылеев очень дорожил мнением Гнедича и даже вверял ему судьбу собственных произведений (см. примеч. 58). Гнедичу была посвящена дума «Державин» (№ 68). Непосредственным поводом к написанию «Послания» послужила, видимо, речь Гнедича «О назначении поэта», произнесенная им 13 июня 1821 г. на заседании Вольного общества и опубликованная с цензурными купюрами в «Соревнователе», 1821, № 7, с. 129 (см.: И. Н. Медведева, Н. И. Гнедич и декабристы. — Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, с. 134). В этой речи Гнедич развивал мысли, характерные для декабристского понимания роли поэта: «Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: тверд, благороден, величествен! Перо пишет, что начертается на сердцах современников и потомства. Им писатель сражается с невежеством

наглым, с пороком могущим... Чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом» («Соревнователь», 1821, № 7, с. 138). Речь Гнедича — яркий документ литературной и общественной борьбы, которая развернулась в Вольном обществе (между «правым» его флангом, возглавляемым В. И. Каразиным, и «левым», к которому принадлежали Гнедич и будущие декабристы). Встреченная восторженно его единомышленниками, речь Гнедича вызвала нападки его литературных врагов (см.: «Ученая республика», с. 230—238). Стихотворение Рылеева — вольное подражание посланию Буало-Депрео к Расину «Epître VII. A monsieur Racine» (1677). Из послания Буало заимствованы общие рассуждения о зависти и кознях, которыми окружены великие поэты, и упоминание о судьбе Корнеля, впрочем, изображенной у Рылеева более пространно. *Илион* — Троя, *Пелид* — Ахилл, сын Пелея, один из персонажей «Илиады». *Агамемнон* — легендарный царь Микенский, один из вождей греков в Троянской войне, герой «Илиады». *Пергамский герой* — Гектор, один из вождей троянского войска, персонаж «Илиады»; Пергамское царство (III—II вв. до н. э.), находившееся в Малой Азии, иногда отождествляли с Троей. *Творца «Димитрия», «Фингала», «Поликсены»* и т. д. Имеется в виду судьба В. А. Озерова (1769—1816), автора трагедий «Дмитрий Донской», «Фингал», «Поликсена» и др., раннюю смерть которого современники связывали с кознями его «завистника» драматурга А. А. Шаховского. *Мельпомена* (греч. миф.) — одна из девяти муз, покровительница трагедии. *И Змейкина, себя узнавши в Простаковой* и т. д. Комедия Фонвизина «Недоросль» вызвала неприязнь некоторых современников (см.: К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, М., 1954, с. 210—211). *На трудном поприще ты только мог один* и т. д. Многие литераторы, в частности, члены Беседы любителей русского слова, сомневались в возможности существования русского гекзаметра (до Гнедича «Илиаду» переводил Костров александрийским стихом). Наоборот, передовая литературная молодежь (в том числе Пушкин, Кюхельбекер, Рылеев, А. Бестужев) горячо приветствовала перевод «Илиады» Гнедича, выполненный гекзаметрами. *Так деспот-кардинал* и т. д. Речь идет о судьбе П. Корнеля (1606—1684), постановка трагедии которого «Сид» (1636) вызвала, с одной стороны, восторг публики, с другой, — нападки литераторов и Французской Академии, действия которой во многом направлялись первым министром кардиналом Ришелье. Его не устраивало политическое свободолюбие Корнеля, критика феодальной монархии, проявившиеся в «Сиде». Последующие произведения Корнеля, и в особенности трагедия «Цинна» (1640), были уже ортодоксально монархическими произведениями и получили признание в официальных кругах. *Так и Жуковский наш... Эдема пышны двери.* Подразумевается поэма «Пери и Ангел» (1821), написанная Жуковским по мотивам второй части поэмы Т. Мура «Лалла-Рук»; она имела большой успех, в том числе в декабристской среде, так как в поэме содержались и вольнолюбивые мотивы, связанные с образом героя, погибшего за свободу Индии. *Царица-мать* — вдовствующая императрица Мария Федоровна (1759—1828), мать Александра I и Николая I.

* **25.** Б зап. 1861, № 19, стлб. 585; ПСС, с. 277 по черновому автографу ПД. По расположению чернового автографа на одном листе

с прозаическим очерком «Женская игрушка» (см.: ПССоч., с. 398), относящемуся к серии очерков «Провинциал в Петербурге» (Н Зр, 1821, № 2, с. 160), можно предположительно датировать 1821 г. Является подражанием отрывку из поэмы Парни «Coup d'oeil sur Cythère» (1787). Этот же отрывок из Парни лег в основу стихотворения Пушкина «Платоническая любовь» (1819), которое Рылееву не было известно. Об интересе Рылеева к Парни см. в письме А. А. Бестужева к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г. (РС, 1889, № 11, с. 377).

26. РС, 1870, № 7, с. 88, с редакционным загл. «Послание Кондратия Федоровича Рылеева к А. А. Бестужеву по поводу поездки А. Бестужева в Кронштадт», с датой. В РС стихотворение Рылеева напечатано, как сказано там, «со списка, собственной руки его друга, Михаила Александровича Бестужева». *Сделавшись жрецом Фемиды.* Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия. Рылеев говорит здесь о своей службе в Петербургской палате уголовного суда, о своих столкновениях с чиновниками, нарушающими законы (ср. примеч. 17—18 и вступ. статью, с. 10). *Аониды* (греч. миф.) — музы, которые именовались так по месту их культа в Аонии (древнее название Беотии). *Драгун ты хоть куда лихой.* А. А. Бестужев служил в 1822 г. в лейб-гвардии драгунском полку. *Мейеровой глазки.* Имеется в виду жена или родственница кронштадтского таможенного чиновника Мейера, в доме которого бывал А. А. Бестужев. *Пафосских... проказ* — любовных увлечений; Пафос — город на о. Кипре, где находился посвященный богине любви Афродите храм и где более всего был распространен ее культ. *Один пигмей литературный* — по-видимому, П. А. Катенин (1792—1853), с которым как раз в 1822 г. полемизировал А. А. Бестужев по поводу книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы».

27. РС, 1871, № 1, с. 101. Автограф — ПД, без загл., на одном листе с черновыми набросками к «Гайдамаку», «Партизанам» и др. набросками. Эпиграмма на австрийского императора Франца I (1792—1835), реакционного и жестокого правителя, неоднократно терпевшего поражения в войнах с Наполеоном и под старость впавшего в слабоумие. «В манию обратилась у него также страсть убивать мух. Для этого у Франца было много самых затейливых хлопушек» («Письма австрийского императора Франца I». — РС, 1870, № 1, с. 344). Ю. Г. Оксман связывает эпиграмму Рылеева с арестом итальянского поэта Сильвио Пеллико (1788—1854). Заключенный в 1820 г. в крепость за близость к карбонариям и выступление против оккупации Италии Австрией, С. Пеллико был в 1822 г. приговорен к смертной казни, замененной императором Францем I пятнадцатилетним тюремным заключением («Весь мир великостию духа сей император удивил»). Отсюда и датировка эпиграммы (см.: ПСС, с. 500—501).

28. Соч. и П, с. 277, неточно; ПСС, с. 298, по автографу ПД. Автограф в письме Рылеева к матери от апреля 1823. *Рыжко* — кличка лошади, принадлежавшей матери Рылеева. В том же письме, где содержится текст стихотворения, приписка жены Рылеева, которая, между прочим, пишет: «Ах, любезнейшая маменька! Как жаль вашего Рыжка, что он пропал. Я плакала, читая ваше письмо, он вас так

утешал, и вы его теперь лишились. Кондратий Федорович сочинял стихи ему на смерть и плакал так же. Я вошла, а у него глаза заплаканы» (Маслов, с. 331; орфография подлинника исправлена).

29. РА, 1871, № 7—8, стлб. 1012. Повод написания следующий. В конце мая — начале июня 1823 г. И. А. Крылов перенес удар паралича. В середине июня по приглашению императрицы Марии Федоровны переехал в Павловск для окончательного выздоровления. 15 июня им написана басня «Василек», текст которой он вписал в альбом Марии Федоровны. В басне Крылов изобразил себя в образе полузавядшего василька, а императрицу — в образе солнца, оживившего цветок. Опубликована басня была в СО (1823, № 35, с. 226) с пометой: «Павловск. Июня 15 дня 1823 года» (см.: В. Ф. Кеневич, Библиографические и исторические примечания к басням Крылова, СПб., 1878, с. 194—195).

* **30.** «Литературные листки», 1823, № 3, с. 39, с цензурными искажениями. Печ. по ПСС, с. 51, где исправлены ст. 49—50 и 62 по копии с несохранившегося автографа. В «Литературных листках» к тексту оды были сделаны редакторские примечания (Ф. В. Булгарина), имеющие цензурный характер. К ст. 48: «Под именем святой правды здесь подразумевается Священный Союз, установленный для блага народов». К ст. 52: «Сие относится к западной Европе, где дерзостные осмелились восстать против законной, богом установленной власти, и пали навеки — и Европа спасена от ужасов безначалия». К ст. 77: «История не любит именовать живых». Карамзин. «Истор. Гос. Росс.», т. 9, с. 427, строка 24». Ода посвящена сыну Николая I, будущему императору Александру II (1818—1881), которому в 1823 г. было пять лет. Она отражает либерально-монархические настроения Рылеева и других членов Северного общества, возлагавших надежды на просвещенного монарха, и в частности на Александра Николаевича, которого и позднее, во время междуцарствия, некоторые декабристы хотели провозгласить царем, чтобы, пользуясь его малолетством, провести в стране ряд преобразований. В литературном и политическом отношении ода Рылеева опирается на определенную традицию од-поучений, обращенных к будущим правителям. Ср. «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» (1776) Державина, «На восшествие на престол Александра I» и «На торжественное коронование Александра I» (1801) Карамзина, «На рождение великого князя Александра Николаевича» (1818) Жуковского. Не удовлетворяясь опубликованием оды, Рылеев распространял в списках ее доцензурный вариант, о чем признался на следствии (см.: ВД, т. 1, с. 176). В 1855 г. об этом стихотворении вспоминал Герцен в «Письме к императору Александру Второму». Выражая надежду, что политика нового царя будет отвечать интересам народа, он писал: «Рылеев приветствовал вас советом — ведь вы не можете отказать в уважении этим сильным бойцам за волю, этим мученикам своих убеждений? — Почему именно ваша колыбель внушила ему стих кроткий и мирный? Какой пророческий голос сказал ему, что на вашу детскую голову падет со временем корона?» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. в тридцати томах, т. 12, М., 1958, с. 273). Эпиграфом к своему письму Герцен взял ст. 53—68 из «Видения». *Румянцев*-Задунайский П. А. (1725—1796) — выдающийся полководец, фельдмаршал; прославился

победами в войне с Турцией (1768—1774). *Миних* Б. Х. (1683—1767) — русский государственный деятель; немец по происхождению; в царствование Анны Иоанновны командовал русскими войсками в войнах с Польшей и Турцией. Одержал ряд побед (взятие Данцига в 1734 г., взятие Хотина в 1739 г.). *Антонин* Марк Аврелий (121—180) — римский император и философ, один из представителей римского просвещенного абсолютизма.

* 31. ПЗ II, с. 27, по списку ранней редакции. Печ. по РС, 1871, № 11, с. 562, публикация П. А. Ефремова по не дошедшему до нас автографу. Отрывок чернового автографа ранней редакции — на обороте черновика письма к Ф. В. Булгарину от 7 сентября 1823 г. — ЛБ. Частично (ст. 1—20) этот автограф опубликован П. И. Бартеневым в сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 367, полностью — Ефремовым (Соч. и П, с. 249). Предназначалось для ПЗ 1824, но не было пропущено цензурой. Рылеев распространял оду среди членов тайного общества. См. показания на следствии декабриста А. П. Беляева (ЛН, с. 212) и самого Рылеева (ВД, т. 1, с. 176). Посвящено графу Николаю Семеновичу *Мордвинову* (1754—1845), адмиралу, председателю департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, не скрывавшему своего оппозиционного отношения к политике Александра I. Личность Мордвинова привлекала многих декабристов и независимо настроенной интеллигенции. О внимании к Мордвинову среди членов Вольного общества, почетным членом которого он был, см.: «Ученая республика», с. 322—323. Кроме оды Рылеева, известны были ода П. А. Плетнева «Долг гражданина», посвященная Мордвинову, и его же статья «Разбор оды Петрова Н. С. Мордвинову, писанной 1796 года». Ода Плетнева, как и ода Рылеева, не была пропущена цензурой, а статья его, прочитанная на заседании Вольного общества 3 марта 1824 г. («Ученая республика», с. 432), появилась в «Соревнователе», 1824, № 3, с. 265—284. Об изображении Мордвинова в ряде стихотворных произведений (В. Петрова, П. А. Плетнева, Пушкина, Баратынского и Рылеева) см.: Ю. Стенник, Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову». — «Русская литература», 1965, № 3, с. 172. Декабристы возлагали на Мордвинова большие надежды и намечали ввести его в будущее Временное правительство. Личное знакомство Рылеева с Мордвиновым состоялось уже после написания оды. На следствии Рылеев показывал: «Г-на Мордвинова узнал я по собственному его желанию, и был у него с Ф. Н. Глинкою. Поводом сего была ода, мною написанная, в коей я об нем упоминал. Через несколько времени он предложил мне место в Американской компании, правителя канцелярии, которое я получил... После того имел с ним сношения по делам компании и виделся у него по утрам, когда было нужно» (ВД, т. 1, с. 155). Через Рылеева распространялись среди членов тайного общества непечатные «мнения» Мордвинова, т. е. его записки по экономическим вопросам, его проекты реорганизации государственного аппарата, некоторые из которых докладывал он в Государственном совете (см.: ВД, т. 1, с. 342 и ВД, т. 2, с. 127). Позднее, перейдя на республиканские позиции, Рылеев не возлагал уже на аристократа Мордвинова больших надежд (см. показания Каховского — ВД, т. 1, с. 375). *Не ты ль прославила Катонов* — см. ниже. *Катилина* — см. примеч. 1. *Ари-*

стиды — здесь: мужественные и справедливые государственные деятели. Аристид (540—467 до н.э.) — афинский политический деятель и полководец; изображался историками как образец справедливого государственного деятеля. *Ареопаг* — верховный суд в древних Афинах. *И Панин наш и Долгорукой* — либерально-дворянские государственные деятели; с точки зрения Рылеева — политические предшественники Мордвинова. Н. И. Панин (1718—1783) в первые годы царствования Екатерины II возглавлял коллегию иностранных дел; автор проекта аристократической конституции, которую Екатерина не подписала; был в опале и оппозиции. Я. Ф. Долгорукий (1659—1720) — сподвижник Петра I, полководец и государственный деятель; проявил себя как смелый и неподкупный человек; Рылеев намекает на один из громких эпизодов служебной биографии Долгорукого («Дерзал оспаривать Петра»): однажды он порвал подписанное царем постановление Сената, считая его несправедливым. См. о нем также примеч. 71. *И Брутов двух и двух Катонов.* Люций Юний Брут (VI—V вв. до н. э.) — по римскому историческому преданию, организатор восстания против царя Тарквиния Гордого, приведшего к установлению в древнем Риме республики. Марк Юний Брут — см. примеч. 1. Катон Старший Марк Порций (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель и писатель, непримиримый враг Карфагена, защитник древних римских нравов. Его правнук — Катон Младший (см. о нем примеч. 1).

32. Маслов, прилож., с. 9. Автограф — ПД. В автографе подзаг. и посвящение вычеркнуты карандашом неизвестной рукой, подпись: «Рылеев» переделана в «—въ». Возможно, владелец автографа готовил стихотворение к печати уже после гибели Рылеева. Без посвящения и подзаг. стихотворение опубликовал Маслов. Подражание сонету А. Мицкевича «Воспоминание», написанному в 1818 г. и вошедшему в первый том стихотворных произведений Мицкевича, выпущенных им в Вильно в 1822 г. Сонет Мицкевича был переведен в 1823 г. В. И. Туманским. В том же году подражание Рылеева было представлено в Вольное общество (точная дата неизвестна; см.: «Ученая республика», с. 426). Рылеев не сохранил сонетную форму и изменил имя героини: у Мицкевича — Лаура, чем подчеркивалась связь с сонетами Петрарки, из которого был взят и эпиграф. Личное знакомство Рылеева с Мицкевичем произошло в 1824 г., когда польский поэт приехал в Петербург. Когда в январе 1825 г. Мицкевич уезжал в Одессу, Рылеев отправил с ним письмо к жившему там В. И. Туманскому: «Милый Туманский. Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей» (ПССоч., с. 477). Об идейной общности и духовной близости Рылеева и Мицкевича последний писал позднее в своем известном стихотворении «Русским друзьям» (1832):

О, где вы? Светлый дух Рылеева погас,
Царь петлю затянул вкруг шеи благородной,
Что, братских полон чувств, я обнимал не раз.
Проклятье палачам твоим, пророк народный!

(Адам Мицкевич, Собр. соч. в пяти томах, т. 3, М., 1952, с. 285, перев. В. Левика). Рылеев неоднократно обращался к переводу стихотворений Мицкевича. См. №№ 168—169 и примеч. к ним. *Рылеева* Наталия Михайловна (1803?—1853) — жена поэта.

33. РС, 1871, № 11, с. 568. Автограф ПД — на обороте листа с текстом стихотворения № 41. Написано на смерть сына Рылеева, Александра, скончавшегося 6 сентября 1824 г. Н. М. Рылеева писала мужу в Петропавловскую крепость 26 мая 1826 г.: «Мой друг, я заказала Сашеньке памятник и кругом решетку. Стишки твои нашла, которые ты ему написал, будут надписаны ему» (Соч. и П, с. 288).

* 34. «Альбом северных муз», СПб., 1828, с. 244, с цензурными искажениями в ст. 2, 22—24, 46—48, 60, 64, 69 и 71, без подписи, с произвольной датой: «1825 года», публикация А. А. Ивановского; ВЕ, 1888, № 12, с. 592, по автографу ПД, неточно; ПСС, с. 98, по автографу ПД. В автографе карандашные пометы и исправления, сделанные владельцем автографа (А. Ивановским?) при подготовке его к печати. Байрон умер 7(19) апреля 1824 г. в Греции, в Миссолунгах, куда он выехал летом 1823 г., чтобы принять участие в борьбе греческого народа за свою независимость. День его смерти был объявлен греческими патриотами днем национального траура. В конце мая весть о смерти Байрона дошла до России. И сочувствие греческому движению и восторженное отношение к Байрону русских романтиков вызвало ряд стихотворных откликов на смерть английского поэта. 24 мая 1824 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Какая поэтическая смерть — смерть Байрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину... Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый — это океан поэзии!» («Остафьевский архив князей Вяземских» т. 3, СПб., 1899, с. 48—49). Среди поэтических откликов на смерть Байрона были и религиозно-элегические («Бейрон» И. И. Козлова), но преобладали вольнолюбивые и даже революционные: «На смерть Байрона» Кюхельбекера, «Смерть Байрона» Веневитинова. Как революционного поэта изобразил Байрона Пушкин, посвятивший ему строфу в стихотворении «К морю». Оценку поэзии Байрона Рылеев дает чрезвычайно высокую, называя его «победителем Шекспира». Подобную точку зрения оспаривал Кюхельбекер; в том же году он противопоставлял «огромного Шекспира» — «однообразному Байрону» (альм. «Мнемозина», ч. 2, М., 1824, с. 41). О воздействии Байрона на творчество Рылеева см.: Маслов, с. 271—292. «На смерть Бейрона», как и названное произведение Кюхельбекера, обладает многими признаками классической оды, хотя Рылеев и не столь последовательно, как Кюхельбекер, выдерживает традиционные признаки жанра. Тем не менее Пушкин в своей пародийной «Оде его сиятельству графу Д. И. Хвостову» использовал не только произведения Кюхельбекера, но и Рылеева, в частности его рифму: «взмокла — Фемистокла», ранее употребленную в послании «А. П. Ермолову» (см.: Пушкин, т. 2, с. 387, а также в кн.: Ю. Н. Тынянов, Пушкин и его современники, М., 1968, с. 113). *Фемистокл* — см. примеч. 14. *Как будто идут на нее Султан и грозная Россия.* Упоминание о России

как враждебной Греции державе, по-видимому, не случайно, так как правительство Александра I официально заявило о нежелании поддерживать восставших греков. Сообщение об этом было напечатано в СО, 1821, № 4, с. 49—51. См. также: В. Селинов, Пушкин и греческое восстание. — Сб. «Пушкин. Статьи и материалы», вып. 2, Одесса, 1926, с. 5—31. *Царица гордая морей* — Англия. *Катон* — см. примеч. 1.

35. ПЗ II, с. 26, под загл. «Гражданин», среди других неопубликованных стихотворений Рылеева, с искажениями в ст. 9 и 20 и без ст. 13—16; ПЗ VI, с. 21, в составе «Воспоминаний о Кондратии Федоровиче Рылееве» Н. А. Бестужева, без загл., с разночтениями в ст. 9, 13 и 14; ПСС, с. 110, под загл. «Гражданин», отсутствующим в автографе ПД; Изд. 1956, с. 62, по автографу ПД. В ЛН, с. 92 приведен список, принадлежавший М. А. Бестужеву, под загл. «К молодому русскому поколению». Н. А. Бестужев утверждал, что эта «пиэса» написана «в последнее время», т. е. в 1825 г. («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 28), а Е. И. Якушкин приводит свидетельство И. И. Пущина, что стихи эти «написаны в декабре 1825 г.» (сб. «Девятнадцатый век», кн. 1, М., 1872, с. 354). Скорее всего декабрь 1825 г. — дата белового автографа ПД, принадлежавшего Пущину, а не время написания, так как в августе 1824 г. Рылеев отдал список стихотворения вместе с песней «Ах, тошно мне. . .» М. И. Муравьеву-Апостолу, уезжавшему из Петербурга на юг (ВД, т. 1, с. 176). Было одним из самых распространенных нелегальных произведений Рылеева как при его жизни, так и среди последующих поколений русских революционеров. Ст. 2 в измененном виде использован В. И. Лениным в работе «Что делать?» (см.: Ленин, Полн, собр. соч., т. 6, с. 127). *Брут* — см. примеч. 1. *Риего* — Рафаэль Риэго-и-Нуньес (1785—1823), вождь радикального крыла испанской революции 1820 г.; был казнен после ее поражения.

* **36.** ПЗ 1825, с. 115; ЛН, с. 123, по автографу ЦГАОР. Имеющаяся в автографе и не вошедшая в печатный текст строфа носит более выраженный гражданский оттенок. Однако исключение ее из текста ПЗ 1825 вызвано скорее всего не цензурными, а художественными соображениями. В списке, сделанном рукою А. А. Бестужева (ЦГАОР), эта строфа отсутствует. Датируется 1824 г., так как стилистически и ритмически «Стансы» чрезвычайно близки монологу Иоанны («Ах, почто за меч воинственный Я мой посох отдала. . .») из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского. Отрывок из пьесы с этим монологом был напечатан в ПЗ 1824, с. 18—19, а вся трагедия в том же 1824 г. вышла отдельным изданием. Стихотворение было воспринято критикой как типичная «унылая» элегия. Критик Д. Р. К. (Н. И. Греч) отнес «Стансы» «к тому роду поэзии, которую г. Кюхельбекер весьма удачно обозначил в 3-й части «Мнемозины» под именем тоски о погибшей молодости» (СО, 1825, № 10, с. 197). Греч имел в виду статью В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», напечатанную не в 3-й, а во 2-й ч. альм. «Мнемозина» (М., 1824, с. 29—44).

* **37.** «Северный Меркурий», 1830, № 8, с. 32, подпись: Р. В оглавлении «Северного Меркурия» эта публикация обозначена: «Р — ва

(Кон. Фед.)». Несомненная принадлежность стихотворения Рылееву подтверждается наличием черновых набросков в ПД и в ЦГАОР. *Т. С. К.* — Теофания Станиславовна К. См. о ней в «Воспоминаниях о Рылееве» Н. Бестужева, где она названа госпожой К., полькой по национальности («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 16). Частично инициалы Т. С. К. раскрыты в письме П. Михайловского к Рылееву от 30 сентября 1824 г. (ЛН, с. 160), где говорится о «Т. .ф. . . и Ст. н. сл. в. вне», т. е. Теофании Станиславовне. Она и «г-жа К.» — видимо, одно лицо. Сведения о ней крайне скудны, но наличие в архиве Рылеева нескольких любовных стихотворений, связанных между собой, подтверждает рассказ Н. Бестужева, что зимой 1824—1825 г. Рылеев пережил сильное увлечение Теофанией Станиславовной К.

38. «Северный Меркурий», 1830, № 11, с 44, подпись: Р. В оглавлении обозначено: «Р — ва (Кон. Фед.)». Публикация стихотворений 37 и 38 почти одновременно в одной и той же газете позволяет предположить, что тексты получены из одного источника и что стихотворения связаны общностью адресата или временем написания. *N. N.* — вероятно, Теофания Станиславовна К. (см. примеч. 37).

39—40. «Русское слово», 1861, № 4, с. 42 и 50; Соч. и П, с. 202; ПСС, с. 299, по автографу ПД. Автограф на одном листе с № 41, подпись: К. — в. Об адресате элегий см. примеч. 37. Первая из них близка к пушкинской элегии «Я пережил мои желанья. . .» (см. ПССоч, с. 631). Ранние наброски второй элегии в ЦГАОР показывают, что все три стихотворения (39—41) тесно связаны своими мотивами.

* **41.** Б зап, 1861, № 18, с. 582, в качестве примеч. к опубликованным там же стихотворениям: «Мне тошно здесь, как на чужбине. . .» и «О милый друг! Как внятен голос твой. . .»; РС, 1872, № 1, с. 66, с неверной датой: «1822», публикация П. А. Ефремова; ПСС, с. 300. по автографу ПД. Автограф на одном листе с текстами стихотворений 39—40. Черновой автограф — ПД, на обороте листа с автографом стихотворения 33, написанном осенью 1824 г. Первые три строфы стихотворения в несколько измененном виде были использованы Рылеевым в следующей элегии (№ 42). Обращено, по-видимому, к Теофании Станиславовне К. (см. примеч. 37).

* **42.** ВЕ, 1888, № 12, с. 590; ПССоч., с. 239, две последние строфы как самостоятельное стихотворение; ПСС, с. 103, по черновому автографу ПД. Первоначально в автографе стихотворение начиналось с строфы 3, ст. 1—8 приписаны на полях. См. примеч. 41. О связи этого стихотворения с циклом любовных элегий 1824—1825 г. см. во вступ. статье, с. 42—43.

* **43.** «Северная пчела», 1825, 12 мая, подпись: Р. Черновой автограф — ПД. Обращено к *В. Н. Столыпиной* (1796—1834), дочери адмирала Н. С. Мордвинова (см. о нем примеч. 31), и написано в связи со смертью ее мужа, сенатора Аркадия Алексеевича Столыпина (1778—1825), скончавшегося 5 мая. Столыпин отличался оппо-

зиционными настроениями. Декабристы считали его своим союзником и рассчитывали на его поддержку, хотя он не был членом тайного общества. Н. А. Бестужев показал на следствии: «Покойный сенатор А. А. Столыпин одобрял общество и потому верно бы действовал в нынешних обстоятельствах вместе с ним» (ВД, т. 2, с. 68). А декабрист В. И. Штейнгель также отметил, что «Рылеев не однажды вспоминал об обер-прокуроре Столыпине. „Вот был человек, — говорил он, — как жаль, что умер!“» (показание от 9 февраля 1826 г. — ЛН, с. 234).

44. РС, 1871, № 1, с. 94; ПСС, с. 106, по автографу ПД. Поводом к написанию стихотворения послужил строгий отзыв Пушкина о «Думах» Рылеева, переданный последнему А. А. Дельвигом (см. письмо Рылеева Пушкину от 12 мая 1825 г. — ПССоч., с. 494), а затем повторенный Пушкиным в письме Рылееву, во второй половине мая 1825 г. (Пушкин, т. 13, с. 175). Об отношении Пушкина к «Думам» см. во вступ. статье, с. 18—19.

* **45—47.** 1 — Б зап, 1861, № 14, с. 417, в разделе «Из непечатной литературы 20-х годов», с подписью: К. Р., пометой: «А. Р. — 1826» (т. е. Алексеевский равелин) и примеч. к ст. 7: «Кн. Евгений Петрович Оболенский». Печ. по сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 325, где помещено в составе «Воспоминаний о К. Ф. Рылееве» Е. П. Оболенского (публикация П. А. Бартенева), с исправлением опечатки в ст. 6: «свет» вм. «свят». В журнале «Будущность» (1861, № 10—11), где воспоминания Оболенского напечатаны впервые, текст их несколько отличается от текста сб. «XIX век», а стихотворение «Прими, прими, святый Евгений...» туда не вошло. Написано в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и каким-то образом переслано Е. И. Оболенскому. В своих воспоминаниях о Рылееве Оболенский рассказывал, что это стихотворение было «первой вестью», которую он получил от Рылеева, находясь вместе с ним в Алексеевском равелине. «При чтении этих немногих строк радость моя была неизъяснима. Теплая душа Кондратия Федоровича не переставала любить горячо, искренно. Много отрады было в этом чувстве. Я не мог ему отвечать: я не имел искусства уберечь перо, чернила, бумагу: последняя всегда была номерована» (сб. «XIX век», с. 326). *21 января* — день именин Е. П. Оболенского, день св. Евгения, к этому дню написано стихотворение.

2 — «Будущность», Париж, 1861, № 10—11, с. 82, в составе «Воспоминаний князя Евгения Петровича Оболенского»; Б зап, 1861, № 19, с. 581, с подписью: К. Р. и пометой: «А. Р. 1826 г.» (т. е. Алексеевский равелин). Печ. по сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 327. Написано в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Е. П. Оболенский вспоминал: «Раз добрый наш сторож приносит два кленовых листа и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит. Я спешу к заветному углу, подымаю листья и читаю ⟨следует текст стихотворения...⟩. Кто поймет сочувствие душ, то невидимое соприкосновение, которое внезапно объемлет душу, когда нечто родное, близкое коснется ее, тот поймет и то, что я почувствовал при чтении этих строк. То, что мыслил, чувствовал Кондратий Федорович, сделалось моим, его болезнь сделалась моею, его уныние усвоилось мне, его вопиющий

голос вполне отразился в моей душе» (сб. «XIX век», с. 326—327). Судя по воспоминаниям Е. П. Оболенского, это послание было получено им после предыдущего и перед следующим, чем и мотивируется его датировка. *Кто даст крылє мне голубине, да полечу и почию* — цитата из Библии (псалом 54, ст. 7). *Творец! Ты мне прибежище и сила* — цитата из Библии (псалом 45, ст. 2).

3 — «Будущность», 1861, № 10—11, с. 82; Б зап, 1861, № 19, с. 581; РС, 1871, № 11, с. 569; сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 328; ПСС, с. 304, по автографу ПД. В автографе ст. 13—16 записаны отдельно после всего стихотворения. Ю. Г. Оксман убедительно обосновал их место после ст. 12 (см. ПСС, с. 506). Ст. 25—29 вычеркнуты в автографе. Восстанавливаем их в основном тексте, так как без них связный смысл стихотворения нарушается. Черновой автограф — на обороте писем жены Рылеева от 26 мая и 4 июня 1826 г. Написано в Алексеевском равелине и переправлено в камеру Е. П. Оболенского вместе с письмом к нему (см. ПССоч., с. 518). Как и предыдущее стихотворение, было наколото на кленовых листьях. Ответ на письмо Оболенского к Рылееву, тайно переданное через сторожа Никиту Нефедьева (см. сб. «XIX век», с. 327—328). «Это была последняя, лебединая песнь Кондратия Федоровича, — писал Оболенский в «Воспоминаниях». — С того времени он замолк, и кленовые листы не являлись уже в заветном углу моей комнаты» («XIX век», с. 328). Стихотворения, обращенные к Е. П. Оболенскому, написаны под воздействием Библии и других книг духовного содержания. 21 января 1826 г. Рылеев писал жене: «Пришли мне, пожалуйста, все 11 томов Карамзина «Истории» ... да прикажи также приискать в книжных лавках книгу «О подражании Христу», переводу М. М. Сперанского» (ПССоч., с. 504). «Историю» Карамзина Рылееву передать не разрешили, а «Подражание Христу» было ему послано. 9 февраля 1826 г. Н. М. Рылеева писала мужу: «Очень рада, мой друг, что книга «Подражание Христу» приносит тебе удовольствие» (Соч. и П, с. 303). Книга «Подражание Христу» приписывается средневековому немецкому монаху и проповеднику Фоме Кемпийскому (1379—1471). Она содержит в себе изложение общехристианской морали, как понимали ее в средние века. Проповедуя аскетизм и смирение, автор подчеркивает вместе с тем, что значение имеют лишь добрые дела, а не рассуждения о догматах. Жизнь должна состоять в борьбе, цель которой общее благо, а не индивидуальная польза. Как установил В. И. Маслов (с. 345), в последнем из этих стихотворений использован текст Евангелия от Матфея (V, 10—12; X, 28). *И, как Петра, ведет его Христос.* По евангельской легенде, ведомый Христом апостол Петр чудесным образом прошел по воде озера, как по суше. *Как Моисей с горы Навав.* Подразумевается библейская легенда о том, как перед своей кончиной патриарх Моисей, следуя указаниям бога, поднялся на гору Нево, откуда он узрел обетованную страну.

ДУМЫ

Работа Рылеева над думами продолжалась в течение 1821—1823 гг. Тогда же они печатались в журналах и многие из них были прочитаны в Вольном обществе вскоре после написания. В 1823 г. возникла мысль об отдельном издании и появились первые строки

предисловия «Нечто о думах»: «За два года перед сим написал я несколько из сих дум. Известный литератор наш Ф. В. Булгарин увидел их у меня» (автограф — ЦГАОР). Однако реальная подготовка к изданию сборника началась в 1824 г. Видимо, тогда же была написана первая (неопубликованная) редакция предисловия к книге:

«С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния государственного. Здесь не место опровергать сие странное мнение, к тому ж оно, к счастью, не может в наш век иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей.

За полезное, однако ж, сказать почитаю, что один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом, жители Митиленские, покорив возмутившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретив детей их чему-либо учить. Благосостояние и тишина общественные реже нарушаются в государствах образованных, нежели непросвещенных, ибо народы первых лучше понимают истинные пользы свои, нежели последних, ибо просвещение — надежнейшая узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывают их излишнему просвещению. Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетворный яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли, лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения.

Обязанность каждого писателя — быть для соотечественников полезным, и я, по возможности желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений: «Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское Общество наук в Варшаве, — продолжает тот же писатель, — постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рассказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно мно-

гочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородн⟨ой⟩ цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских».

Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим, посредством дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобрят мое намерение — пролить в народ наш хоть каплю света» (ЛН, с. 15—16, черновой автограф — ЦГАОР).

Предисловие это было переработано и в новом виде включено в сборник. В ноябре 1824 г. «Думы» были посланы из Воронежа, где тогда находился Рылеев, в Москву, так как московские цензоры отличались от петербургских большей снисходительностью. Переговоры с Цензурным комитетом Московского университета, как и наблюдение за изданием «Дум», Рылеев поручил П. А. Муханову (см. ЛН, с. 142), а с конца января 1825 г. эту же работу продолжал Е. П. Оболенский (ПССоч., с. 479). Исторические справки к думам (кроме пояснений к думам: «Боян», «Петр Великий в Острогожске», «Наталья Долгорукова» и, возможно, «Богдан Хмельницкий», составленных Рылеевым) специально для этого издания были сделаны Павлом Михайловичем Строевым (1796—1876), московским археографом и историком, который знакомил Рылеева со своими примечаниями в процессе работы [1]. В январе 1825 г. Рылеев писал Строеву из Петербурга: «Некоторые примечания ваши я уже имею здесь и душевно благодарю вас за них. Вы совершенно оправдали выбор наш. Прошу вас покорнейше сделать и ко вновь присланным мною думам такие же примечания, если цензура была милостива ко мне» (ПССоч., с. 480).

Первоначально Рылеев отправил в Москву сборник, включающий двадцать дум. Дума «Петр Великий в Острогожске» в него не вошла. (Цензурный экземпляр сборника «Дум» находится в ЦГАДА.) Думы были поданы в той редакции, в какой уже появлялись в журналах. Все сомнительные в цензурном отношении места в таких думах, как «Курбский», «Ольга при могиле Игоря» и «Волынский», были уже «выправлены». 18 декабря «Думы» поступили в Цензурный комитет, а 22 декабря допущены к печати. Цензор — профессор Московского университета И. И. Давыдов — не потребовал никаких смягчений или исключений. Некоторая стилистическая правка производилась по указаниям Рылеева (см. письмо Вяземскому от 12 января 1825 г. — ЛН, с. 144), правке подверглись и авторские примечания. Ободренный этим, Рылеев, видимо, решил дополнить сборник дум другими, сомнительными в цензурном отношении. В январе 1825 г. в Москву были посланы еще три думы (см. письмо Рылеева П. А. Вяземскому от 12 января 1825 г. — ЛН, с. 144). По всей вероятности, одной из них была дума «Петр Великий в Острогожске», вошедшая в сборник 1825 г. Остальные думы цензура не пропустила. 20 февраля

[1] Ниже в примечаниях к думам отсутствие этих справок в первых публикациях не оговаривается.

1825 г. Рылеев писал Вяземскому: «Непропущенных цензурою дум не жалею, но боюсь за „Войнаровского"» (ЛН, с. 144) (поэма Рылеева проходила цензуру в это же время). Можно предположить, что запрещенными думами были «Голова Волынского», написанная в 1822 г. и в ранней редакции представленная в Вольное общество (см.: «Ученая республика», с. 422), и «Царевич Алексей Петрович в Рожествене». Беловой автограф последней думы, видимо, и представленный в цензуру, хранится там же, где и цензурный экземпляр сборника «Думы» (ЦГАДА). Таким образом, в сборник 1825 г. вошла 21 дума; расположены они были в строгой исторической последовательности. Список дум, включенных в сборник, был составлен Рылеевым на обороте автографа «Артемона Матвеева» (ПД). Названия дум здесь записаны без всякого порядка (видимо, Рылеев просто перечислял, какие из них отобраны для сборника). Судя по всему, список был составлен уже в самое последнее время, так как в него включена и дума «Петр Великий в Острогожске», не вошедшая в цензурный экземпляр. Думы, не пропущенные цензурой и не вошедшие в сборник 1825 г., в этом списке отсутствуют.

Рылеев продолжал работу над думами и после того, как им были написаны произведения, составившие сборник 1825 г. В архиве его (ПД) сохранился еще один список исторических стихотворений, датируемый 1823 г.: «Владимир. Рюрик. Вадим. Владимир Мономах. Василько. Гарольд и Елизавета. Пожарский и Минин. Марина. Марфа Посадница. Гермоген. Мазепа. Софья. Петр Великий. Лукьян Стрешнев. Миних. Румянцев. Суворов. Меншиков. Потемкин. Яков Долгорукий». Только думы «Владимир» и «Яков Долгорукий» были написаны; к думам «Вадим», «Марфа Посадница» и «Меншиков» сохранились черновые наброски, о работе же Рылеева над остальными сюжетами ничего не известно. Сохранившиеся в архиве Рылеева в большом количестве отрывки и наброски на исторические темы трудно связать с замыслом той или другой думы.

«Думы» печатались в типографии С. И. Селивановского, к которому Рылеев адресовался по рекомендации В. И. Штейнгеля и И. И. Пущина. Селивановский, передовой книгоиздатель, близкий к декабристским кругам, был единственным недворянином, которого некоторые декабристы думали даже принять в тайное общество (см.: ЛН, с. 235). В письме П. М. Строеву (конец января 1825 г.) Рылеев с большим уважением отзывался о своем издателе: «Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит. Истинно почтенный человек!» (ПССоч., с. 480). Сборник вышел в свет в начале марта 1825 г. (12 марта Пущин из Москвы послал экземпляр книги Пушкину в Михайловское) и возбудил большой интерес читателей и критики.

Уже после опубликования дум в журналах и «Полярной Звезде» они вызвали одобрительные отзывы современников. П. А. Вяземский писал 3 июля 1822 г. А. И. Тургеневу: «У этого Рылеева есть кровь в жилах, и думы его мне нравятся» («Остафьевский архив князей Вяземских, т. 2, СПб., 1899, с. 270), а 23 января 1823 г. сообщал Рылееву и Бестужеву о своем удовольствии от чтения дум (этот отзыв приведен во вступ. статье, с. 18). К 1823 г. относятся и первые печатные отклики на думы. А. А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» отметил: «Рылеев — сочинитель

дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков» («Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, М.—Л., 1960, с. 23). Сочувственно отозвался о думах Н. И. Греч в рецензии на ПЗ 1823 (СО, 1823, № 3, с. 113), а Булгарин в «Кратком обозрении русской литературы 1822 г.» писал, что «народность, благородные чувствования, заключающиеся в думах Рылеева, его простой и естественный рассказ заслужили общее одобрение и доставили уважение автору» («Северный архив», 1823, № 5, с. 421—422).

Определение жанра дум вызвало тогда же оживленную полемику. А. Бестужеву, назвавшему думы «гимнами историческими», возражал в рецензии на ПЗ 1823 критик К. (В. И. Козлов): «Дума не есть исторический гимн и не всегда служит к прославлению подвигов и доблести предков. Гимны суть похвальные, торжественные песни; а в думах излагаются уединенные размышления исторических лиц, тайные их намерения, борения противуположных страстей, угрызения совести и нередко такие чувства, кои не имеют в себе ничего ни торжественного, ни похвального. Дума есть особливый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует еще своей теории» («Русский инвалид», 1823, № 4, 6 января). А. Бестужев не оставил это возражение без ответа: «Во всей этой теории, которой никто от г. К. не требовал, не нахожу и тени правдоподобия. Во-первых, г. К. смешал сказанное мною о думе с тем, что сказано о Рылееве, а Рылеев, могу уверить, совсем не дума и не гимн. Во-вторых, вопреки г. К., гимны в Греции, равно как и исторические думы в Польше, введены были с одинаковою целью, т. е. для пения. Думы суть общее достояние племен славянских. Русские песни о Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сагайдачном; у богемцев вся Краледворская рукопись; да и самая песня о походе Игоря не есть ли дума? В-третьих, дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице и нередко олицетворенный об оных рассказ. Лучшие думы Немцевича в том порукою. Далее, в польской словесности дума не составляет особого рода: поляки сливают ее с элегиею (см. рассуждение Бродзинского об элегии в «Pam. Warsz.» 1822, № 5, na karcie 44, прим. сочинителя). Но как у нас введена дума Рылеевым, то, по его словам и самим произведениям (не по одному «Глинскому», из которого г. К. почерпнул свое определение), думу поместить должно в разряд чистой романтической поэзии. Впрочем, она составляет середину между героидою и гимном» (Ответ на критику «Полярной звезды», помещенную в 4, 5, 6 и 7 нумерах «Русского инвалида» 1823 года. — СО, 1823, № 4, с. 183—184). О характере нового жанра тогда же возник спор между Булгариным, определившим думу как промежуточный жанр «между элегией и героидою» («Северный архив», 1823, № 5, с. 422), и Вяземским, не согласившимся с определением Булгарина: «Несправедливо, кажется, полагает он, что сей род стихотворений занимает середину между элегией и героидою. По содержанию своему они ⟨думы⟩ относятся к роду повествовательному, а по формам своим к лирическому. Что может быть в них общего с элегиею, известною нам по образцам, оставленным Тибуллом и новейшими поэтами, или с героидами Овидия и многих француз-

ских поэтов, отличившихся по следам его?» (Н лит, 1823, № 4, с. 91). Выход сборника «Дум» в 1825 г. вновь вызвал несколько печатных откликов. Сочувственные, хотя в основном информационные анонимные отзывы были помещены в «Соревнователе» (1825, № 4, с. 109) и «Библиографических листах» (1825, № 13, с. 185—186). «Рылеев избрал для себя прекрасное поприще, — писал П. А. Плетнев в «Письме к графине С. И. С⟨оллогуб⟩ о русских поэтах». — Он представляет вам поэтические явления из отечественной истории. Его так называемые думы содержат лирический рассказ какого-нибудь события. Не восходя до оды, которая больше требует восторга чувствований и быстроты изложения, они отличаются благородною простотою истины и поэзиею самого происшествия. Чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы — вот что удовлетворяет в них любопытному вкусу» («Северные цветы на 1825 г.», СПб., 1825, с. 55—56). А Булгарин, посвятивший сборнику «Дум» большую рецензию, отмечал: «Издание дум г. Рылеева есть драгоценный подарок для русских патриотов... Любовь к отечеству и чистейшая нравственность суть отличительные черты сего сочинения» («Северная пчела», 1825, 26 марта). Булгарин также включился в спор о жанровой природе дум. Под влиянием предисловия Рылеева он писал: «Что дума есть принадлежность русского или Руси, мы не спорим, но нам кажется, что поляки заимствовали одно только имя, ибо обычай воспевать подвиги героев принадлежит равномерно полякам, богемцам, иллирийцам и сербам, как древним киевлянам и галичанам. Стихотворения сего рода называются в Польше и Богемии спевами (spiewy). Это слово нельзя по-русски перевести песнями, ибо они по-польски называются pieśń или piosnka. Вообще к слову спев прибавляется всегда изъяснение содержания описываемого подвига или имя хвалимого героя, например, спев о Луидгарде, и т. п. — это род гимнов, од или подобного рода возвышенных лирических стихотворений; итак, для означения сего рода весьма прилично было употребить славянское название д у м а: оное в таком смысле есть наследие предков, достойное потомков, которые своими подвигами составили богатую руду для пиитических дарований... Итак, дума есть род поэзии, приличный народному духу русских и принадлежащий им по наследию. Думы украинские и древние спевы польские, богемские и сербские, сколько нам известно, весьма просты в своем составе. Это рассказ происшествия, блистательного подвига или несчастного случая в отечестве: весь пиитический вымысел заключался в уподоблениях. Новые польские поэты, возобновляя сей род поэзии, обременяли свои описания картинами природы, длинными речами и т. п. Оттого их думы потеряли главное свое назначение, т. е. сделались неспособными к пению. Даже прекрасные «Исторические спевы» г. Немцевича, невзирая на то, что к ним приложены ноты, не могут быть петы по причине своей обширности: ни одна грудь не выдержит этого труда, и даже внимание слушателей утомится. — К. Ф. Рылеев при сочинении своих дум, как видно, руководствовался новым составом сего рода поэзии, и хотя он избегнул главного из означенных мною недостатков, т. е. обширности, но его думы писаны также для чтения, а не для пения, как показывает их первородное назначение на Украйне. Расположение, содержание и состав дум К. Ф. Рылеева чрезвычайно занимательны и во многом

превосходят думы польские, слишком единообразные. У г. Рылеева во многих думах есть действие, движение, и это самое придает им занимательность и достоинство небольших поэм. Собственно принадлежащие ему по изобретению, как то «Смерть Ермака», «Богдан Хмельницкий», «Иван Сусанин» и другие, превосходнее переведенной им для образца из Немцевича думы «Глинский» и тех, которые он написал в подражание оной. Что же касается до цели, то автор совершенно ее достигнул, ибо каждая дума припоминает что-нибудь знаменитое и возбуждает высокие чувствования» («Северная пчела», 1825, 26 марта). Успех дум сказался и в том, что другие поэты вслед за Рылеевым стали создавать исторические стихотворения подобного рода. Сведения об этом см.: Маслов, с. 245.

В 1860 г. «Думы» Рылеева впервые переиздали в Лондоне Герцен и Огарев. В предисловии к ним Огарев писал об огромном воздействии поэзии Рылеева на его современников. «В «Думах» он поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени; отсюда вышло ложное изображение исторических лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи. В «Думах» видна благородная личность автора, но не видно художника. Одно заметно — как стих постепенно совершенствуется. В «Олеге Вещем» чувствуется неуклюжий стих державинской эпохи; в «Волынском» он уже звучен и силен. Влияние «Дум» на современников было именно то, какого Рылеев хотел, — чисто гражданское» (Н. П. Огарев, Избр. произведения, т. 2, М., 1956, с. 448).

48. Н лит, 1822, № 11, с. 171. В предисловии к «Думам» Рылеев писал, что «пиеса» эта «не должна бы войти в собрание», — так как это «историческая песня», а не дума, указывал он, очевидно имея в виду отсутствие в стихотворении драматического элемента. Историческая основа думы — летописный рассказ о нападении Олега на Константинополь в 907 г. в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 1, гл. 5). Текст думы очень близок изложению Карамзина. *Евксин* (Понт Евксинский) — греческое название Черного моря. *И пред Леоновой столицей* — перед Константинополем, где тогда правил император Леон или Лев VI (886—912). *Потомки Брута и Камилла.* Византия образовалась после разделения Римской Империи на Западную и Восточную; это и дало основание считать римлян предками византийцев. Брут — см. примеч. 1. Камилл (V—IV вв. до н. э.) — римский полководец, глава аристократической партии, известный своими военными и гражданскими доблестями. *Прибил свой щит с гербом России.* На историческую ошибку Рылеева в этом стихе неоднократно указывал Пушкин. В мае 1825 г. он писал ему: «Ты напрасно не поправил в Олеге «герба России». Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: „Таже повеси щит свой на вратех на показание победы“» (Пушкин, т. 13, с. 176). В своей «Песни о вещем Олеге» (1822) Пушкин, в соответствии с летописным источником, написал: «Твой щит на вратах Цареграда», а позднее сделал примеч. к этому ст.: «Но не с гербом России, как некто сказал, во-первых потому, что во время Олега Россия

не имела еще герба. Наш Двуглавый орел есть герб Римской империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную. У нас же он ничего не значит» (Пушкин, т. 2, с. 741).

* **49.** Н лит, 1822, № 12, с. 187, с подзаг. «Дума», с незначительным вариантом в ст. 16. Печ. по изд. 1956, с. 76, где восстановлена пропущенная из цензурных соображений строфа 11 (впервые напечатана в ЛН, с. 19). Историческая основа думы — летописное предание о смерти князя Игоря и мести Ольги в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 1, гл. 6 и 7). Рылеев усилил просветительский характер этого рассказа, уже приданный ему Карамзиным.

50. «Соревнователь», 1822, № 7, с. 79, с подзаг. «Дума» и подписью: К. Р—в; Н лит, 1822, № 4, с. 61. Было представлено в Вольное общество 15 мая 1822 г. (см.: «Ученая республика», с. 416). Историческая основа думы — летописные предания в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 1, гл. 7). Действие же думы (размышления юного гусара, битва) происходит в 1773 г. во время русско-турецкой войны. 24 июля этого года в бою у турецкой деревни Кучук-Кайнарджи погиб русский генерал Отто-Адольф *Вейсман* фон Вейсенштейн, который упомянут в последней строфе. *Бунчук* — конский хвост, прикрепленный к древку, знак достоинства турецких пашей и военачальников. *Цимиский* (ум. 972 или 973) — византийский император, потерпевший поражение от Святослава. *Доростол* — древняя крепость на Дунае; под ее стенами в 971 г. шли упорные бои между греческими и русскими воинами; в том же году здесь был заключен мирный договор между Русью и Византией.

* **51.** СО, 1821, № 47, с. 33, с вариантами ст. 38—41, с примеч. к ст. 33: «Смотри «Историю Государства Российского», том II, стран. 18». Историческая основа думы — летописные предания в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 2, гл. 1). На том же материале построена сага В. К. Кюхельбекера «Святополк Окаянный» (1824).

* **52.** ПЗ 1823, с. 45 (ценз. разр. 30 октября 1822), с подзаг. «Повесть». Черновой автограф наброска — ЦГАОР (опубликован в ЛН, с. 20). В предисловии к «Думам» Рылеев оговорился, что «Рогнеда» «по составу своему более повесть, нежели дума», очевидно имея в виду большой объем произведения. Историческая основа стихотворения — летописный рассказ о Рогнеде, ее покушении на жизнь князя Владимира и о спасении ее благодаря сыну Изяславу в 985 г. в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 1, гл. 9). Предание о Рогнеде и Владимире использовалось в русской литературе и до Рылеева (см.: Маслов, с. 204—205), но Рылеев придал образу Рогнеды вольнолюбивый, тираноборческий характер. Дума вызвала неодобрительный отзыв адмирала А. С. Шишкова, который оставил мелочный и придирчивый разбор «Рогнеды». Он упрекал Рылеева в том, что тот «платит дань нынешнему новописанию» (см.: Маслов, с. 240—241), а неизвестный рецензент «Библиографических листов» был шокирован жестокостью Рогнеды. «Читатель, огорчаю-

щийся не совсем приличным женской нежности чувством Рогнеды, выраженным в словах:

> С какою б жадностию я
> На брызжущую кровь глядела, —

конечно помирится с автором, читая стихотворение... о Наталии Долгоруковой... посвятившей себя монастырской жизни!» («Библиографические листы», 1825, № 13, с. 185—186). *А. А. Воейкова* (рожд. Протасова, 1795—1829) — жена А. Ф. Воейкова (см. о нем примеч. 22), племянница и ученица Жуковского. Будучи умной и образованной женщиной, пользовалась уважением многих литераторов. *Скания* — Скандинавия. *Цимиский* — см. примеч. 50. *Нейстрия* — северо-западная часть раннефеодального государства франков, лежавшая между Сеной и Луарой. *Альбион* — древнее название Англии. *Одрина* — спальня.

* **53.** «Соревнователь», 1822, № 3, с. 330, с подзаг. «Дума» и более пространным примеч. Рылеева. Автограф ранней редакции думы и журнальной редакции примеч. — ЛБ. Представлено в Вольное общество 5 декабря 1821 г. (см.: «Ученая республика», с. 407). В журнальном варианте примеч. Рылеев безусловно относит время жизни Бояна ко времени князя Владимира, многочисленные победы которого «долженствовали воспламенить дух пиитизма и в диких чадах Севера, которые, впрочем, как например норманы, задолго до того любили склонять слух свой от звука оружий и рева бурных морей к сладостным песням своих скальдов. Сочинитель... «Слова» называет Бояна «соловьем старого времени». Время Владимирово (980—1015) в отношении ко времени неизвестного сочинителя «Слова о полку Игоря» (1187) может почитаться с т а р ы м».

54. ПЗ 1823, с. 282. Представлено в Вольное общество 15 мая 1822 г. (см.: «Ученая республика», с. 416). Историческая основа думы — летописный рассказ о единоборстве Тмутараканского князя Мстислава с косожским великаном Редедей в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 2, гл 2). О Мстиславе, «иже зареза Редедю пред полкы касожскыми», упомянуто и в «Слове о полку Игореве». На эту тему собирался молодой Пушкин писать поэму (см.: Пушкин, т. 5, с. 157). *Голиаф* — филистимлянский великан, сраженный, по библейской легенде, израильским юношей Давидом; в нарицательном значении — великан.

55. Н лит, 1822, № 19, с. 93, с подзаг. «Дума». Историческая основа думы — летописные данные об убийстве князя Михаила Тверского в Золотой Орде в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 4, гл. 7). Рылеев использовал не только фабулу, но, как показал Ю. Г. Оксман, и лексику беллетризованного рассказа Карамзина (см.: ПСС, с. 416). *Ятаганы* — кривые кинжалы. *Сердце хладное рукою вырвал дикий Романец.* Карамзин так описывает смерть Михаила: «Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами. Один из них, Романец, вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце» («История Государства Российского», т. 4, СПб., 1817, с. 175).

56. СО, 1822, № 40, с. 315. Представлено в Вольное общество 2 октября 1822 г. Историческая основа думы — летописные данные о Куликовской битве в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 5, гл. 1). Начальный монолог Дмитрия с гражданским, тираноборческим содержанием, написан, как установил В. И. Маслов (см. «Киевские университетские известия», 1916, № 2, с. 34), под воздействием произведения Ивана Ламанского «Речь Димитрия Донского перед сражением на Куликовом поле» («Русский вестник», 1812, № 6, с. 119—126). Позднее, находясь в заключении, В. К. Кюхельбекер перечитал думу Рылеева и записал в дневнике 27 сентября 1833 г.: «В «Сыне отечества» нашел я две думы, говорящие о Донском герое. Первая, которая называется его именем, очень не дурна и принадлежит к хорошим произведениям Рылеева; только начало несколько натянуто» («Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., 1929, с. 146). *За нас и Сергия молитвы.* Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) (1314 или 1319—1392) — церковный и политический деятель древней Руси, основатель Троице-Сергиевой лавры. Пользовался большим влиянием среди духовенства и князей. Перед Куликовской битвой Дмитрий с князьями и воеводами посетил Сергия и получил его благословение. *Бердыш* — холодное оружие, употреблявшееся в XIV—XVII вв. в Московской Руси, имел вид полулуния, насаженного на топорище или древко. *Пересвет* Александр — монах Троице-Сергиевой лавры, участвовал в Куликовской битве вместе с другим иноком того же монастыря — Осляблей. Пал в единоборстве с татарским богатырем Челибеем. *Там Белозерский князь и чада.* Князья Белозерские, Федор и сын его, Иван, в числе многих других князей и воевод, погибли в битве. *И черный стяг был пасть готов.* Черный стяг с золотым образом Спасителя (Христа) на нем — знамя московского князя. *Волынский*-Боброк Дмитрий Михайлович — родоначальник русского дворянского рода Волынских, выходец из Волыни. Был женат на сестре Дмитрия Донского Анне. В Куликовской битве командовал резервным полком, находящимся в засаде, и его своевременное вступление в битву во многом способствовало победе русских. *Силен русский бог.* Идиома «русский бог» возникла в глубокой древности, и ее употребление в разные эпохи приобретало специфические оттенки (см.: С. А. Рейсер, «Русский бог». — «Известия Академии наук СССР». Отделение литературы и языка, 1961, № 1, с. 64—70).

* **57.** «Соревнователь», 1822, № 9, с. 314, с подзаг. «Дума», с вариантами ст. 101, 103 и 104 и примеч. Рылеева; Н лит, 1822, № 14, с. 11, с вариантами ст. 82, 101, 103—104, 142 и 144, с тем же примеч. Черновой автограф отрывка — ЦГАОР. В журнальном примеч. говорилось: «Более неудачное подражание, нежели перевод прекрасной думы Юлиана Немцевича. Глинский, по влиянию своему на дела России и Польши, равно принадлежит истории обоих государств. Измена его отечеству и гибельный конец весьма поучительны. Это побудило меня сию пьесу Немцевича присовокупить к собранию дум, которое делаю я, избирая предметы из отечественной истории. (Прим. Сочин.)». Как перевод из Немцевича, «Глинский» был представлен в Вольное общество 7 августа 1822 г. (см.: «Ученая республика», с. 418), а 11 сентября Рылеев послал свой перевод Немцевичу вместе с письмом, в котором говорилось: «Любовь к правде и ко всему род-

ному вдохновила меня представить вниманию моих соотечественников великие деяния русских героев и друзей всего человечества, и ваши «Исторические песни» были для меня отличным образцом ... Позвольте мне поэтому преподнести вам одну из дум моих, переведенную с великолепного вашего собрания... Сам чувствую, что мой перевод далек от предмета и достоинств подлинника, но смею надеяться, что доброе желание вознаградит в глазах честного патриота поэтическую неспособность» (ПССоч., с. 467). Немцевич ответил Рылееву 30 октября 1822 г. любезным письмом. «Я имел честь получить письмо ваше с приложенным отличным переводом думы Глинского. Честь, оказанная моим слабым рифмам переводом оных, и похвальные выражения ваши возбуждают во мне наиживейшую благопризнательность. Лестно для меня находить в единоплеменном народе сердца и намерения, которые побеждают все предубеждения и предрассудки, посвящаясь наукам и славе отечества» (ПССоч., с. 775). Указание на источник стихотворения — текст Немцевича — было снято в сб. «Думы», так как оно не является переводом в обычном значении слова.

* **58.** СО, 1821, № 29, с. 129, с подзаг. «Элегия» и пометой: «Острогожск, июня 20, 1821». Печ. по ПСС, с. 145, где по автографу ПД восстановлены пропущенные и измененные цензурой ст. 25—32 и 46—48. Автограф — в письме Ф. В. Булгарину. Первая по времени написания дума. 20 июня 1821 г. Рылеев писал Булгарину из Острогожска, посылая текст думы: «Если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу ⟨Воейкову⟩ в „Сын отечества“» (см.: ПССоч., с. 458 и вступ. статью, с. 14).

59. «Русский инвалид», 1822, 17 января, с. 55, без посвящения, с примеч. издателя: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными. В⟨оейков⟩»; «Соревнователь», 1822, № 4, с. 100, без посвящения. Дума «Смерть Ермака» была представлена в Вольное общество 28 ноября 1821 г. (см.: «Ученая республика», с. 407). Историческая основа думы — рассказ о гибели Ермака в передаче Н. М. Карамзина («История Государства Российского», т. 9, гл. 6). Широко распространившаяся позднее в стихотворных сборниках и устной передаче, дума стала народной песней. *Муханов* Павел Александрович (1798—1871) — декабрист, историк; Рылеев доверил ему надзор за изданием «Дум».

60. ПЗ 1823, с. 176 (ценз. разр. 30 октября 1822), с подзаг. «Дума». Историческая основа думы — материалы, приведенные Карамзиным (в «Истории Государства Российского», т. 10, гл. 2), но положительная в целом трактовка царя Бориса восходит, как полагает Ю. Г. Оксман, ссылаясь на «Записки о моей жизни» Н. И. Греча (см.: ПСС, с. 420), к «Сокращенной библиотеке в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса» П. С. Железникова (СПб., 1804), принятой в качестве учебника истории в кадетском корпусе, где учился Рылеев. Осмысление Рылеевым личности Бориса Годунова предвосхищало в какой-то степени образ этого царя, созданный Пушкиным.

61. Н лит, 1822, № 2, с. 28, с подзаг. «Дума» и следующим примеч.: «Многие неблагонамеренные иностранные писатели усиливались доказать, что Самозванец был истинный Димитрий — сын царя Иоанна Васильевича Грозного; но знаменитый историограф наш блистательно опровергнул их умышленное сомнение. Г. Карамзин ясно доказывает (в Х-м томе «Истории Государства Российского», который, к славе отечества, вероятно выйдет в конце нынешнего года) из летописей, современных деловых бумаг и переписок, что самозванец — был самозванец и что истинный Димитрий-царевич убиен в Угличе». Кроме 10-го тома «Истории» Карамзина, известного Рылееву еще до выхода его в свет, литературным источником думы послужила трагедия А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771); см. об этом ПСС, с. 422. *Я введу закон римлян* — католичество. *Сарматы* — здесь: поляки; в этом значении слово «сарматы» часто употреблялось в поэтическом языке XVIII—XIX вв.

62. ПЗ 1823, с. 370 (ценз. разр. 30 ноября 1822), с подзаг. «Дума». Историческая основа думы — костромское предание об Иване Сусанине, введенное в литературу Афанасием Щекатовым в «Словаре географическом Российского государства» (М., 1807), и затем изложенное С. Глинкой в учебнике «Русская история в пользу воспитания», ч. 6, М., 1818, с. 11. Подвиг Ивана Сусанина нашел широкое отражение в литературе и искусстве (например, опера кн. А. А. Шаховского и К. А. Кавоса «Иван Сусанин» (1815), одноименная опера М. И. Глинки на либретто бар. Е. Ф. Розена (1836). Дума Рылеева оказала воздействие на оперу Глинки. Художественные достоинства думы были отмечены Пушкиным в письме к ее автору от мая 1825 г. Он исключил ее из общего числа неудачных, с его точки зрения, произведений и назвал «первою думой, по коей начал... подозревать» в Рылееве «истинный талант» (Пушкин, т. 13, с. 175). Интерпретация Рылеевым подвига Ивана Сусанина предвосхитила позднейшие оценки этого факта как в либеральной (Н. И. Костомаров), так и в революционно-демократической (Н. А. Добролюбов) и народнической литературе. Дума Рылеева была широко популярным произведением в прогрессивных кругах русского общества. Вспоминая о детских годах А. И. Ульянова, его сестра А. И. Ульянова-Елизарова пишет: «У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и праздникам. И вот я помню, что к одному из таких случаев Саша заучил по своему выбору «Ивана Сусанина» Рылеева и, мало любивший декламировать, читал с большой силой выражения слова жертвы того времени за благо отчизны, как он понимал тогда это». Далее, приведя строфы 16—17 думы, А. И. Ульянова-Елизарова продолжает: «Не больше восьми лет было тогда Саше, — это было еще до поступления его в гимназию, и характерно, с какой недетской серьезностью читал он это далеко не детское стихотворение» (сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», М.—Л., 1927, с. 39—40). *Сарматы* — см. примеч. 61.

63. «Соревнователь», 1822, № 6, с. 342 (ценз. разр. 1 апреля 1822 г.); «Русский инвалид», 1822, 1 марта, с. 215 (ценз. разр. 26 мая 1822); СО, 1822, № 23, с. 130 (ценз. разр. 10 июня 1822 г.) с примеч. издателя: «Автор сего стихотворения просит нас уведомить читателей

СО, что оно напечатано в «Русском инвалиде» без его ведома и с неверного списка. Изд.» Во всех публикациях различные варианты примечаний. В «Соревнователе» одно примеч. к ст. 92: «В мае 1648 года одержана Хмельницким при Желтых Водах первая победа над войсками Республики Польской, бывшими под начальством Степана Потоцкого». К тексту «Русского инвалида» следующие примечания: 1. К загл. стихотворения: «Герой, бессмертный в отечественной истории. Он возвратил матери-России отторгнутые от нее Малороссийские провинции и Киев, колыбель христианской веры, где св. апостол Андрей Первозванный водрузил первый крест, где почивают мощи святых божиих угодников и где образовались Феофан Прокопович, Ломоносов, Стефан Яворский, К. Безбородко и граф П. В. Завадовский. Р.»; 2. К ст. 92 — то же примеч., что и к тексту «Соревнователя»; 3. К ст. 111: «Настоящее имя Хмельницкого — Зиновий, а имя Богдана, как говорит предание, придано ему народом. Р.» В СО сохранены примечания к ст. 92 (без изменений) и к ст. 111 (в несколько иной редакции: вместо: «придано ему народом» — «есть почтенный придаток к имени его»). В цензурном экземпляре «Дум» (ЦГАДА) дума и примечания к ней даны как в СО, однако примечания вычеркнуты цензором, а ст. 2 исправлен в рукописи Рылеевым. Во всех публикациях, кроме сб. «Думы», этот ст. читался: «Куда лишь в полдень проникал. . .» Иронические замечания Пушкина об этой строке, высказанные им в письмах брату от 4 сентября 1822 г. («у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило») и от начала января 1823 г. («должно бы издавать у нас журнал «Revue des Bévues» ⟨«Обозрение ошибок»⟩. Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских. . .»), стали известны Рылееву позднее, когда сб. «Думы» уже был сдан в цензуру, и тогда же учтены автором. Представлено в Вольное общество 5 декабря 1821 г. (см.: «Ученая республика», с. 407). Сюжетная основа думы, как установил В. И. Маслов, восходит к повести Ф. Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1819) и к «Песне о Богдане Хмельницком» Л. Рогальского (русский перевод О. Сомова в «Благонамеренном», 1821, № 7, с. 76—77).

* **64.** «Русский инвалид», 1822, 7 февраля, с. 140, с подзаг. «Дума» и подписью: К. Р.——в. Автограф ранней редакции — ПД. Прочитано в Вольном обществе 17 апреля 1822 г. (см.: «Ученая республика», с. 415). Исторической основой думы послужила, как установил Ю. Г. Оксман (см.: ПСС, с. 427), книга, изданная Н. И. Новиковым: «История о невинном заточении боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху, с приобщением причины его заточения и возвращения из оного» (СПб., 1776). Здесь А. С. Матвеев трактуется как «друг добра» и «любимец народа», что отразилось и в думе.

* **65.** «Соревнователь», 1823, № 3, с. 287, с подзаг. «Дума», посвящением «Барону А. А. Дельвигу», с вариантами ст. 6, 29 и разночтениями в справке Рылеева, без подписи; Н лит. 1824, № 15, с. 46, без посвящения, с той же справкой и примеч. к ст. 6 («Сердюки — гвар-

дия гетмана»). Под загл. «Первое свидание Петра Великого с Мазепою» эта дума была представлена 13 мая 1823 г. в Вольное общество (см.: Маслов, с. 80). В цензурном экземпляре «Дум», поданном 14 ноября 1824 г., она отсутствует, так как была включена в сборник позднее. Историческая основа думы — сведения о свидании Петра I с Мазепой в Острогожске, приведенные в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (ч. 3, М., 1822, с. 29). Историческая справка представляет собой отрывок из прозаической заметки Рылеева «Об Острогожске», написанной, по-видимому, в 1822—1823 гг.; ее заключительный абзац стал примеч. к думе (см.: ПССоч., с. 297—299). Пушкин отметил поэтические достоинства думы в письме Рылееву от второй половины мая 1825 г.: «Окончательные строфы «Петра в Острогожске» чрезвычайно оригинальны» (Пушкин, т. 13, с. 175). *Где напрасно Брюховецкой добрых граждан возмущал.* Брюховецкий Иван — гетман Левобережной Украины (1663—1668). Путем интриг и подкупов добился избрания гетманом. Правление его характеризуется нарушением украинской автономии со стороны Москвы, первыми попытками установить крепостное право на Украине и заключением Андрусовского договора (1667), по которому Правобережная Украина с Киевом отдавалась под власть Польши. Вызвавший недовольство народа, Брюховецкий выступил с демагогическими лозунгами против России, с предложением передаться под власть Турции. Однако казаки и народ выступили против Брюховецкого, и 7 июня 1668 г. он был убит. Острогожские казаки, как отмечает Рылеев в статье «Об Острогожске», в борьбе против Брюховецкого оказали услуги царю и получили за это награды и некоторые льготы (см.: ПССоч., с. 298).

* **66.** Н лит, 1822, № 16, с. 42, с подзаг. «Дума», с исторической справкой Рылеева. Черновой автограф — ЛБ, перебеленный автограф более ранней редакции — ПД. По автографу впервые — РС, 1872, № 1, с. 62; более точно — в ПСС, с. 164. Ю. Г. Оксман воспроизвел в ПСС, а затем в Изд. 1956 первоначальную редакцию думы на том основании, что дальнейшие изменения текста «сделаны в целях его приспособления к цензурным условиям» (см.: Изд. 1956, с. 371). Однако изменения эти являются и результатом художественного улучшения, поэтому их нельзя исключать из основного текста. В журнальной редакции дума сопровождалась следующим примеч.: «Обер-егермейстер и кабинетный министр, Артемий Петрович Волынский, служил государям Петру I-му, Екатерине I-й, Петру II-му и Анне. В последние годы царствования императора Петра I-го был он астраханским губернатором и участвовал в 1723 году в усмирении калмыков. При императрице Анне, вскоре по составлении кабинета, был он назначен кабинетным министром и находился в сем высоком звании до 1736-го года, в которое время отправлен был вместе с д⟨ействит.⟩ т⟨айным⟩ с⟨оветником⟩ бароном Шафировым и т⟨айным⟩ с⟨оветником⟩ Неплюевым на Немировский конгресс для переговоров с турками. Возвратившись ко двору, он оставался в кабинете до 1740 года. Тут, движимый патриотизмом и разделяя всеобщую ненависть к Бирону, воспользовался он однажды удобным случаем, чтобы подать императрице челобитную, в коей представлял о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимец узнал о сем и решился погубить

мужа — патриота[1]. Фельдмаршал Миних упоминает, что сам видел, как императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговор Волынского. Предание говорит, что происшествие сие имело сильное влияние на добрую, но слишком доверчивую государыню и ускорило ее кончину. О характере Волынского кн. Шаховской в записках своих говорит, что он разговорами своими поселял высокое мнение о любви своей к отечеству, о ревности ко славе монаршей и усердии к пользе общественной. Казнь Волынского последовала 8-го июля 1740-го года. Он похоронен на кладбище церкви Самсония, что на Выборгской стороне, вместе с друзьями своими Хрущовым и Еропкиным». В примеч. к справке Рылеев указывает на использованные им материалы о Волынском: «Записки кн. Я. П. Шаховского» (1821) и «Манштейновы современные записки о России» (перев. с франц., 1810). Однако трактовка Волынского как борца за свободу, врага тиранов и друга народа принадлежит самому Рылееву. Она оказала заметное влияние на изображение Волынского в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835). *Долгорукий* — см. примеч. 31 и 71.

* **67.** Н лит. 1823, № 30, с. 61, с подзаг. «Дума» и справкой Рылеева, которая затем была повторена и в сб. «Думы». Автограф первоначальной редакции — ПД. «Наталья Долгорукова» была представлена в Вольное общество в 1823 г. (точная дата неизвестна, — см.: «Ученая республика», с. 426). Окончательная доработка думы происходила, видимо, летом 1823 г. В записке А. Ф. Воейкову от 1 июля 1823 г. Рылеев обещает быть у него «во вторник» и к «этому же времени» «обделать» думу (ПССоч., с. 469). Историческая основа думы восходит к запискам Н. Б. Долгоруковой, напечатанным в «Плутархе для прекрасного пола» (ч. 6, М., 1819), известным и в многочисленных списках и пересказах, а также, как установил Маслов, к повести С. Н. Глинки «Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Наталии Борисовны Долгоруковой, дочери фельдмаршала Б. П. Шереметева, супруги князя И. А. Долгорукова» («Русский вестник», 1815, № 1). Из повести С. Глинки взят эпизод прощания Долгоруковой со своим обручальным кольцом накануне пострижения. К образу Долгоруковой Рылеев обратился в неосуществленном замысле думы о Меншикове (см. примеч. 165). *Наталья Борисовна Долгорукова* (1714—1771) в 1730 г. стала женой Ивана Алексеевича Долгорукова (1708—1739), приближенного Петра II. После смерти Петра II вся семья была сослана в Березов. Арестованный там по доносу одного из своих врагов, Долгоруков под пыткой проговорился о составлении подложного завещания Петра II, в чем и он принимал участие. Был казнен (колесован). Его жена воспитывала двух сыновей. В 1758 г. постриглась в Киеве, в Фроловском монастыре. В 1767 г. писала свои записки. *Мне друг прекрасный и младой был дан, как призрак, на мгновенье.* Свадьба Н. Б. Долго-

[1] Волынский был неосторожен в словах. Бирон сим воспользовался; наряжена была комиссия, составленная из его врагов, чтобы судить Волынского. Муж сей погиб на плахе; друзья его были частью казнены, частью сосланы (см. «Записки» Манштейна).

руковой состоялась 6 апреля 1730 г., а 9 апреля муж ее был сослан. Позднее и жене разрешили следовать за ним.

* **68.** СО, 1822, № 47, с. 31, с подзаг. «Дума». Автограф ранней редакции — ПД. Черновой набросок строфы, вошедший в раннюю редакцию думы, формулирующий декабристское представление об идеальном гражданском поэте, был написан от первого лица. В ранней редакции строки, соответствующие строфам 8—12 окончательного текста, звучали гораздо острей, но затем они были изъяты из стихотворения не только в силу цензурных условий, а, как полагает Ю. Г. Оксман, и потому, что не соответствовали «всем подлинным социально-политическим установкам поэтики Державина» (см.: ПСС, с. 436). Представлено в Вольное общество 6 ноября 1822 г. (см.: «Ученая республика», с. 422). Первоначальное обращение Рылеева к образу Державина — в наброске «Вечернею порою...» (№ 149). *Гнедич* — см. примеч. 24. *Над Хутынским монастырем.* Хутынский Варламиев Спасо-Преображенский мужской монастырь находился на реке Волхов, недалеко от Новгорода. Основан в 1192 г. В 1816 г. в нем был погребен Державин. Сейчас прах Державина перенесен в новгородский кремль.

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

* **69.** ПЗ V, с. 6, по неисправному списку ранней редакции ПД, под загл. «Видение императрицы Анны»; РС, 1870, № 11, с. 524, по автографу ранней редакции; ПСС, с. 194, по позднему автографу ПД. Черновой автограф ранней редакции — ЛБ. 16 октября 1822 г. представлено в Вольное общество (см.: «Ученая республика», с. 422), под загл. «Видение императрицы Анны». Дума была «одобрена» и «избрана единогласно», но в печати не появлялась, видимо из-за цензурных условий. Сюжет ее восходит к преданию о муках совести, переживаемых Анной Иоанновной в последние годы жизни. О *Волынском* см. примеч. 66.

* **70.** РС, 1871, № 1, с. 75; ПСС, с. 186, по автографу рукописного отдела Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Черновой автограф части программы думы — ЦГАОР. Включено во второй список дум 1823 г. В Изд. 1956, с. 366 без аргументации датировано осенью 1822 г. При жизни Рылеева не печаталось, видимо по цензурным причинам: Владимир, причисленный церковью к лику святых, изображен здесь как кающийся злодей-братоубийца. Историческая основа думы — летописные данные в передаче Карамзина («История Государства Российского», т. 1, гл. 9). *И рокот струн живых.* Эта строка восходит к «Слову о полку Игореве», где об игре Бояна на гуслях сказано: «Боян ... свои вещие персты на живые струны воскладал; они же сами князьям славу рокотали». *И дуб, священный дуб перед тобой возжег!* Образ, восходящий к поэзии Оссиана и использовавшийся в русской предромантической поэзии. Так, Державин в оде «На победы в Италии» (1799) рисует картину прославления героев в духе Оссиана:

Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.

К ст.: «Пред ними сто дубов горят» Державин сделал примеч.: «У северных народов было обыкновение торжествовать их победы под звуком арф при зажженных дубах, где и пили они круговую чашу» (Державин, соч., т. 2, СПб., 1865, с. 272). Рылеев, вслед за Державиным, отождествлял обряды язычников славян с обрядами древних кельтов, изображенными в «Песнях Оссиана». *В десной* — в правой руке.

* **71.** РС, 1871, № 1, с. 78. Автограф с большой позднейшей правкой — ПД. Относится к 1823 г., так как ст. 25—28 были использованы в «Наталье Долгоруковой», написанной летом 1823 г. Князь Яков Федорович *Долгорукий* (1659—1720) — см. о нем примеч. 31. В 1700 г. в битве под Нарвой Долгорукий попал к шведам в плен, где находился более десяти лет. Бежал из плена в Ревель на шведской шхуне, которую захватил вместе с другими русскими пленными, когда их перевозили из Якобштадта в Умео. Историческая основа думы — по-видимому, «Дополнения к деяниям Петра Великого» И. И. Голикова (т. 17, М., 1798, гл. 147), откуда рассказ этот перешел во многие другие исторические сочинения. *Шканцы* — палуба военного судна. *Шишак* — старинный русский шлем, здесь: головной убор воина. *Готенбург* (правильнее: Гётеборг) — город в Швеции, крупный порт, до XIX в. военная крепость.

* **72.** «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 370, по черновому автографу. Печ. по беловому автографу ЦГАДА. В Изд. 1956, с. 370 и 410, указаны две несходные даты: вторая половина 1822 и январь — март (?) 1823; аргументации их не дано. Написано, вероятно, не ранее 1823 г., так как не вошло в перечень дум, составленный в 1823 г. Исторической основой думы мог послужить доклад декабриста А. О. Корниловича «О жизни царевича Алексея», сделанный 19 декабря 1821 г. в Вольном обществе (см.: Маслов, с. 225). Возможно, Рылееву были известны и устные предания, так как село Рожествено Царскосельского уезда, бывшая вотчина царевича Алексея, находилось недалеко от села Батова — усадьбы Рылеева. В печати не появлялось по цензурным причинам: о заговоре царевича Алексея и казни его в начале XIX века официально упоминать запрещалось.

ПОЭМЫ

* **73.** Отрывки: СО, 1824, № 3, с. 130, ст. 1—51, под загл. «Якутск»; ПЗ 1824, с. 82 и 230, ст. 312—433, под загл. «Юность Войнаровского», и ст. 620—692, под загл. «Бегство Мазепы»; «Соревнователь», 1824, № 3, с. 255, ст. 1036—1084, под загл. «Смерть Войнаровского». Полностью — отдельное издание: К. Рылеев, Войнаровский, М., 1825, с цензурными пропусками и изменениями, с введением и подстрочными примечаниями, имеющими несомненно вынужденный цензурный характер. Печ. по этому изд. без введения и подстрочных примечаний, с устранением цензурных искажений и восполнением купюр по списку поэмы из собрания князей Вяземских в ЦГАЛИ. По этому списку восстановлены ст. 524, 600, 655, 656, 1017—1020, отсутствующие в издании 1825 г. или замененные в нем точками, и ст. 652, 654, 714, 716, 812, 814, 843, 925, 1003, 1008, данные в указанном изда-

нии в искаженных вариантах. В том, что эти места были изменены или изъяты по цензурным причинам, легко убедиться из существа перечисленных стихов. Смягчена гражданская мотивировка действий героев, их декларации о борьбе за свободу Украины. Некоторые цензурные требования были предусмотрены поэтом и его друзьями заранее, что отражено в представленном в цензуру экземпляре (ст. 524, 714, 716, 1008, 1017—1020), после этого цензор потребовал внести ряд исправлений, касающихся положения Украины в составе России и личности Мазепы. Еще одно доказательство цензурного происхождения этих искажений — предшествующее жизнеописанию Мазепы введение к поэме и подстрочные примечания к ст. 283, 481, 520, 666, 742 и 980. То и другое несомненно сделано под давлением цензуры (специальный шрифт и кавычки, а также место этих примечаний отличают их от примечаний самого Рылеева, помещенных после текста поэмы). Приводим полностью это предисловие, а вслед за ним — примечания.

«Может быть, читатели удивятся противуположности характера Мазепы, выведенного поэтом и изображенного историком. Считаем за нужное напомнить, что в поэме сам Мазепа описывает свое состояние и представляет оное, может быть, в лучших красках; но неумолимое потомство и справедливые историки являют его в настоящем виде: и могло ли быть иначе? .. Для исполнения своих самолюбивых видов он употреблял все средства убеждения. — Желая преклонить Войнаровского, своего племянника, он прельщал его красноречивыми рассказами и завлек его по неопытности в войну против Великого государя. Но истина восторжествовала, и провидение наказало изменника».

Примеч. к ст. 283: «Так извиняет свое преступление справедливо и милосердо наказанный Войнаровский»; к ст. 481: «Напрасная забота! О благе Украины пекся великий преобразователь России»; к ст. 520: «Какая слава озарила бы Мазепу, если бы он содействовал Петру в незабвенную битву Полтавскую! Какое бесславие омрачает его за вероломное оставление победоносных рядов Петра!»; к ст. 666: «Это голос безрассудного отчаяния Мазепы, разбитого под Полтавою. Удивительная дерзость сравнивать себя с Петром»; к ст. 742: «Карл XII»; к ст. 980: «Татары и поляки». Очевидно, что все эти заверения о почитании автором Петра I и осуждении Мазепы и его сподвижников выполняют ту же роль, что и смягчение наиболее резких в политическом отношении строк поэмы.

Ни одного автографа поэмы в полном виде не сохранилось. Известны лишь следующие автографы отдельных ее частей: 1) беловой автограф посвящения А. А. Бестужеву — ПД; 2) беловой отрывок под загл. «Беседа Войнаровского с Мазепой» (ст. 457—524) в альбоме С. Д. Пономаревой — ПД (частично опубликован во «Временнике Пушкинского дома», вып. 2, Пг., 1914, с. 88); 3) черновик (ст. 1—226) с зачеркнутым загл. «Ссыльный. Отрывки из поэмы „Войн⟨аровский⟩“» — ПД (опубликовано П. А. Ефремовым в РС, 1871, № 4, с. 513); 4) черновики, а в некоторых местах и перебеленные отрывки (соответствующие ст. 1—135, 227—239, 299—545, 589—696, 1001—1014, 1021—1024) — ЦГАОР. Сюда же входят отрывки, не имеющие аналогии с окончательным текстом поэмы — расширенный вариант этнографического вступления, история взаимоотноше-

ний Мазепы и Кочубея, характеристика Карла XII, переадресованная затем Мазепе, размышление главного героя о самоубийстве, т. е. все то, что было отвергнуто Рылеевым в процессе работы над поэмой, а также отрывок, соответствующий ст. 572—588, который можно считать заготовкой как «Войнаровского», так и оставленного Рылеевым замысла «Меншиков в Березове» (№ 165); 5) черновой набросок (соответствующий ст. 405—424) — ЛБ. На этом же листе записан и отрывок из «Меншикова в Березове», что может служить косвенным свидетельством близости по замыслу этих двух произведений. Хранящиеся в ЦГАОР и ЛБ автографы описаны и частично опубликованы в статье Ю. Г. Оксмана «Новые тексты поэмы „Войнаровский“» (ЛН, с. 31—56). Кроме автографов, важным источником текста поэмы является ее список из собрания князей Вяземских (ЦГАЛИ), впервые введенный в научный оборот Ю. Г. Оксманом (Изд. 1956, с. 373). Изучение списка позволяет прийти к выводу, что он делался с предназначенной к печати авторской рукописи: в тексте его проставлены порядковые номера примечаний, которые должны были сопровождать поэму (в том числе и те, которые впоследствии, несмотря на эти номера, так и не появились: №№ 11, 19—23 части первой и все примечания второй части). Оригинал, которым пользовался переписчик, был явно окончательным, т. е. выполненным незадолго до представления в цензуру. Возможно, что список делался и после того, но с текста, не пострадавшего от цензурных вмешательств. Все разночтения с печатным текстом, кроме, разумеется, цензурных, имеют совершенно незначительный характер. Их нельзя даже отнести за счет стилистической правки: речь идет об одном нейтральном слове или даже его форме, к тому же этих разночтений всего шесть. Высокая авторитетность этого списка ЦГАЛИ доказывается и тем, что содержащиеся в нем доцензурные варианты целого ряда стихов подтверждаются сохранившимися автографами (ст. 524 — автографом альбома Пономаревой; ст. 600, 652, 654—656, 1003, 1008 — автографами ЦГАОР) или представленной в цензуру писарской копией поэмы, хранящейся в ЦГАДА (ст. 784, 843, 925). В копии этой выправлены ст. 600, 652, 654—656, 784, 843, 925, 1003, что полностью отразилось в издании 1825 г., и, кроме того, проведена некоторая стилистическая правка (авторская или редакторская — по почерку она отличается от правки вышеперечисленных стихов, и в настоящем издании она учитывалась в той мере, в какой вошла в издание 1825 г.). Следует учитывать и данные Соч. и П, подготовленного в 1872 г. П. А. Ефремовым (см. вступ. заметку к комментариям в наст. изд.). При всех текстологических дефектах этого издания, справедливо отмеченных Ю. Г. Оксманом (ПСС, с. XIII—XV), нельзя не считаться с тем, что в распоряжении Ефремова — с этим соглашается и Ю. Г. Оксман (ЛН, с. 48) — были автографы, которыми позднейшие исследователи не располагали (напр., ст. 1017—1020).

Замысел произведения о политическом ссыльном в Сибири относится к 1823 г. Герой его определился не сразу. В частности, некоторые наметки будущей поэмы можно усмотреть в ранее сделанных набросках к «Меншикову в Березове». Но уже в 1823 г. внимание поэта было поглощено сюжетами, связанными с украинской историей. В русском обществе в то время наблюдается возросший

интерес к Украине, ее прошлому и культуре (см.: Маслов, с. 251—265); широкий общественный резонанс получила вышедшая в 1822 г. книга Д. Н. Бантыша-Каменского «История Малой России». Связи Рылеева с такими знатоками и пропагандистами истории и фольклора Украины, как декабристы А. О. Корнилович, П. А. Муханов и А. Ф. Бригген или члены Вольного общества О. М. Сомов и Н. А. Цертелев, наконец личное общение поэта с украинцами (он несколько лет жил на юге Воронежской губ., где было немало выходцев из Малороссии, а в 1822 г. ездил на Украину) — все это содействовало его намерению избрать для будущей поэмы именно украинский сюжет. 22 мая 1823 г. Рылеев прочел на заседании Вольного общества начало поэмы. В течение 1823 г. интенсивная работа над поэмой продолжалась. «„Войнаровский" приметно подвинулся вперед. Когда же кончится и как кончится, не знаю сам», — писал Рылеев 3 октября 1823 г. В. И. Туманскому (ПССоч., с. 473). В письме от 24 мая 1824 г. Н. М. Языков сообщает брату о том, что «Войнаровский» закончен и скоро должен быть напечатан («Языковский архив», вып. 1, СПб., 1913 с. 136). Наконец, 7 января 1824 г. в том же Вольном обществе была зачитана заключительная часть поэмы. О предстоящем ее выходе в свет известил Ф. В. Булгарин в «Литературных листках» (1824, № 1, с. 25—26). Вторая половина 1824 г. — время усиленных хлопот, связанных с опубликованием «Войнаровского». Печатать его Рылеев решил в Москве, поручив надзор за прохождением поэмы через цензуру и типографские дела П. А. Муханову (см.: ПСС, с. 457). А. Г. Цейтлин предполагает, что примечания к «Войнаровскому» были написаны П. В. Строевым (ПССоч., с. 288), но предположение это спорно и сделано скорее по аналогии с одновременно печатавшимися «Думами», исторические справки к которым составил Строев. Во всяком случае в переписке со Строевым (ПССоч., с. 479) Рылеев говорит только о «Думах». Примечания же к «Войнаровскому» скорее всего писал он сам, за исключением справки о Палее, сделанной А. Бестужевым (см.: ПСС, с. 458). Цензурное разрешение на публикацию поэмы было получено 8 января 1825 г. В письме к Пушкину от 10 марта 1825 г. поэт предполагает, что адресат должен был уже получить печатный экземпляр поэмы (ПССоч., с. 489). В другом письме к нему же, датированном июнем того же года, речь идет о получении Рылеевым просимых им замечаний Пушкина на полях экземпляра «Войнаровского» (ПССоч., с. 495). Работая над «Войнаровским», поэт пользовался советами тех лиц, кто был хорошо знаком с бытом и природой Сибири и Украины. Так, он обратился к декабристу В. И. Штейнгелю, как знатоку Сибири, с просьбой проконсультировать его по вопросам сибирской этнографии («Общественные движения в России в первой половине XIX в.», т. 1, СПб., 1905, с. 410). Не меньшее внимание уделил он и деталям украинских сцен. В «Войнаровском» следы изучения народного творчества более ощутимы, чем в «Думах». В. И. Маслов (с. 268), сопоставляя «Войнаровского» с «Опытом собрания старинных малороссийских песней» Н. А. Цертелева (СПб., 1819), отмечает близость некоторых деталей поэмы к произведениям украинского фольклора. Поэма некоторыми своими чертами (политической программностью, композиционными

особенностями, формой монологической исповеди) тесно связана с «Думами», но одновременно носит явные черты влияния романтической литературной традиции, в первую очередь байроновской и в известной степени — южных поэм Пушкина. Это было отмечено еще современниками поэта. Так, недвусмысленно указал на это обстоятельство Н. Н. Раевский в письме к Пушкину от 10 мая 1825 г., где «Войнаровский» охарактеризован как «мозаичная композиция фрагментов из Байрона и Пушкина» (Пушкин, т. 13, с. 172). Еще более остро говорил об этом П. А. Катенин, писавший о поэме: «Все это копии с разных Бейроновых вещей в стихах по новому покрою. . .» (П. А. Катенин, Письма к Н. И. Бахтину, СПб., 1911, с. 86). Катенин возражал в первую очередь против трактовки образа Мазепы (эта часть его отзыва приведена во вступ. статье, с. 26). Поводы для таких суждений были. В. И. Маслов в своем труде показал, что, наряду с приемами обрисовки героев, описанием их внешности (Маслов, с. 280—283), схожими с байроновскими описаниями в «Гяуре» и «Корсаре», имеются прямые сюжетные совпадения с «Мазепой» и «Паризиной» Байрона — в сценах встречи героя и героини, бегства Мазепы, казни (там же, с. 284—287). С «Паризиной» Рылеев скорее всего познакомился по прозаическому переводу поэмы Н. А. Бестужева («Соревнователь», 1822, ч. 17, с. 304—307). Однако, как не раз отмечалось впоследствии (напр., в статье А. Г. Цейтлина «Творческий путь Рылеева». — Сб. «Бунт декабристов», Л., 1927, с. 267), степень этой зависимости была преувеличена, и в некоторых отношениях (построение гражданской и интимной линий сюжета, мотивировка поступков и настроений главного героя) Рылеев даже противостоял байроновской традиции. Большинство же современников поэта встретило «Войнаровского» одобрительно. Пушкин, хотя и скептически отнесся к изложенной в посвящении Бестужеву программной установке поэмы и формуле «я не Поэт, а Гражданин» и сделал ряд других критических замечаний, в целом отметил безусловный творческий рост автора «Войнаровского» (более подробно мнения Пушкина изложены во вступ. статье, с. 24). Н. М. Языков просил брата в письме от 18 марта 1825 г. передать Рылееву благодарность за «Думы» и «Войнаровского»: «. . . последний точно стоит благодарности, есть места восхитительные. . .» («Языковский архив», вып. 1, СПб., 1913, с. 163). Ф. В. Булгарин писал в «Северной пчеле» (от 14 марта 1825 г., с. 4): «Автор долго прислушивался к разногласным советам записных парнасских советников, прислушивался и к некоторым справедливым замечаниям истинных знатоков — и наконец решился напечатать свою поэму без всяких перемен и поправок точно так, как она вылилась у него из ума и сердца в первые минуты вдохновения. Нам кажется, что он поступил хорошо; по крайней мере, теперь все принадлежит ему одному, а в этой поэме так много прекрасного, что автору, право, не должно раскаиваться в своем деле. . . Предоставляем строгим судьям поэзии находить недостатки в этой поэме: они, конечно, отыщут некоторые повторения, некоторые неровности в стихах, может быть, излишнее пристрастие автора к описанию картин природы, которые, впрочем, живы и прелестны. Но эта поэма доставила нам удовольствие даже при неоднократном чтении. Это чистая струя, в которой отсвечивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви к родине и человече-

ству». Отметим еще анонимную рецензию в «Библиографических листах» (1825, № 13, с. 186—187), где говорилось, что погрешности против истории вполне искупаются «пиитическими достоинствами» и что это произведение «с удовольствием будет читано всяким русским, в особенности же каждым малороссиянином». Цитируя последние три стиха из посвящения А. А. Бестужеву, анонимный рецензент «Украинского журнала» (1825, № 19—20, с. 72) писал: «Читавшие «Войнаровского» первый из приведенных стихов отнесут к одной скромности, столь привлекательной в молодом поэте, со вторым охотно согласятся: он наилучшим образом оправдан в продолжении поэмы, а при третьем почувствуют особое уважение к сочинителю, который стремится соединить в себе сии священные названия: Поэт и Гражданин». Об огромном агитационном значении «Войнаровского» писал в своих «Воспоминаниях декабриста о пережитом и перечувствованном» А. П. Беляев (РС, 1881, № 3, с. 488). Другие отзывы современников после ознакомления с отрывками поэмы (по мере ее написания) или по выходе ее в свет см.: «Северный архив», 1823, № 11, с. 376; СО, 1823, № 21, с. 37 (оба — анонимные); письмо А. А. Бестужева к П. А. Вяземскому от 23 мая 1823 г. («Старина и новизна», кн. 8, М., 1904, с. 31); ПЗ 1825, с. 15 (в статье А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»); «Соревнователь», 1825, № 4, с. 109 (анонимная рецензия). Не указанные здесь отклики см. во вступ. статье, с. 25. Подробно о творческой истории «Войнаровского», его исторических и литературных источниках и откликах на поэму в печати и переписке современников см.: Маслов, с. 251—322, А. Г. Цейтлин, Творчество Рылеева, М., 1955, с. 105—135.

Часть 1. *Погасло дневное светило* — первая строка элегии Пушкина. *И одинока и бледна Плыла двурогая луна* — автоцитата из думы «Святослав» (ст. 1 и 3). *Серпян* — одежда, сшитая из серпянки, бумажной материи редкого плетения. *Батурин* — резиденция украинских гетманов. Часть 2. *Стогны* — площади. *Бендеры* — город в Молдавии, в то время находившийся под властью турок.

* **74.** Отрывки: «Киев», «Смерть Чигиринского старосты» и «Исповедь Наливайки» (с предисловием) — ПЗ 1825, с. 185, 30, 370, остальные — ВЕ, 1888, № 12, с. 582 (публикация П. А. Ефремова); ПСС, с. 242. Печ. по Изд. 1956 г., с. 208. В ПЗ «Исповедь Наливайки» предваряется следующим пояснением: «Буйство и утеснения поляков на Украйне переполнили меру терпения козацкого. Мститель их Наливайко, убив Чигиринского старосту, решается освободить отечество от ляхов, поправших святость договоров презрением к правам козаков и чистоту веры мучительским введением Унии. Перед исполнением сего важного предприятия он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдает исповедь печерскому схимнику». Назначение этого введения — отвести современные поэту ассоциации, замаскировать истинный смысл отрывка, его революционный пафос. В ПД хранятся 33 наброска (черновых и беловых) тринадцати больших отрывков из поэмы (в том числе и опубликованных в ПЗ) и 5 набросков — заготовок к ней, от 2 до 4 строк каждый. Три черновых автографа отрывков из «Наливайки» — ЦГАОР (опубликованы в ЛН, с. 26—28). Кроме стихотворных от-

рывков в ПД хранится план поэмы, на основании которого в ПСС, Изд. 1956 и в настоящем изд. устанавливается порядок расположения отрывков. План этот таков: «Сельская картина. Нравы малороссиян. Киев. Чувства Наливайки. Картина Украйны. Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Восстание народа. (Сражение). Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпилог. Церковь. Пещеры. Поход козаков. Молитва Наливайки. Наливайко в темнице. Он может и не хочет бежать».

Время работы над поэмой, примерно определяемое по ее черновикам и письмам автора, — конец 1824 и начало 1825 гг. Толчком для создания «Наливайки», как и «Войнаровского», послужил выход в 1822 г. «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского. Кроме того, Рылеев был знаком и с неопубликованной в то время рукописью «Истории русов, или Малой России» (см.: Маслов, с. 97—98). Стремление найти для поэмы героя, посвятившего жизнь борьбе за народную волю, побудило Рылеева искать его в среде деятелей украинского национально-освободительного движения XVI—XVII вв. Черновики «Наливайки» показывают, что герой этот был выбран не сразу. В одном из них, впоследствии частично использованном для «Палея», мы встречаем имя Сагайдачного, гетмана Украины начала XVII в., прославившегося успешными походами против татар и проводившего политику тесного союза с панской Польшей; в другом — имя Хмельницкого (к этой фигуре поэт неоднократно обращался на протяжении своего творчества). Не оставляя замысла произведения о Хмельницком, Рылеев обращается к деятелю истории Украины более раннего периода — Северину Наливайке, возглавившему в 1594—1596 годах крупнейшее казацкое восстание, поддержанное крестьянами, против польских магнатов. Восстание это охватило не только обширные украинские области, но и часть Белоруссии. Повстанцы взяли несколько больших городов, и лишь после того, как король двинул против них почти все свое войско, вынуждены были отступить и попытаться уйти в пределы русского государства. Окруженные превосходящими силами поляков, после длительной осады войска Наливайки были разбиты, а сам он в 1597 г. казнен в Варшаве. Герой — вождь казацкой вольницы, предводитель народных масс — принципиально новое явление в творчестве Рылеева. Появление отрывков из «Наливайки», как и публикация предыдущей поэмы Рылеева, тотчас вызвало отклики современников. П. А. Вяземский в «Московском телеграфе» (1825, № 8, с. 328) отмечал «сильные мысли и правильные, чистые стихи» поэмы. В помещенной в СО (1825, № 10, с. 197—198) рецензии за подписью: Д. Р. К. (псевдоним Н. И. Греча) говорится: «В описании «Смерти Чигиринского старосты» находятся такие подробности единоборства, такая быстрота в рассказе, такая пылкость в движении, что это место бесспорно могло бы украсить лучшую из эпических поэм. Описание Киева можно назвать историческою панорамою местности. Поэт в тесных рамках представил все прежнее его величие, всю красоту и богатство древнего русского града и все его уничижение под игом чуждых властителей. Но самая цветистая ветвь в стяжанном автором венце есть «Исповедь Наливайки». Здесь видишь отпечаток

души великой, непреклонной, воспламененной любовью к родине». Общий вывод рецензента: «Должно заметить, что слог г. Рылеева, с некоторого времени, принял необыкновенную гладкость, которая, в соединении с отличительными качествами слога его, т. е. простотою рассказа, пламенными порывами чувства и быстротою действия, образует стихосложение чрезвычайно приятное для слуха, оригинальное и ему одному свойственное». Более сложным было отношение к «Наливайке» Пушкина, высоко оценившего «Смерть Чигиринского старосты», но очень сдержанно подошедшего к «Исповеди...» (о переписке по этому поводу между Пушкиным и Рылеевым см. во вступ. статье, с. 30). Революционная патетика «Исповеди Наливайки» поразила современников. Довольно своеобразное отражение нашел этот факт в том, что В. И. Штейнгель, будучи уже арестованным по делу декабристов, выразил свое удивление по поводу пропуска этого отрывка в печать («Из писем и показаний декабристов», СПб., 1906, с. 67), а Д. И. Завалишин показал в следственной комиссии, что выход «Исповеди...» в свет убедил его в силе и влиянии тайного общества, в участии в нем «важных особ» (ВД, т. 3, с. 246). Цензор А. С. Бируков, от которого после этих показаний потребовали объяснений за пропуск в печать «Исповеди Наливайки», оправдывался вышеприведенным предисловием. «Я не предполагал, — писал он, — ни в сочинителе ее («Исповеди...»), ни в ней самой никаких чувствований буйной свободы безначалия... Из сего вступления видно, что сочинение сие есть историко-романтическое... Наливайко не представляется в оном возмутителем народа против законной власти, но защитником ее прав...» (комментарий к ПСС, с. 467—468). Однако то, чего не заметил цензор, прекрасно увидело не одно поколение читателей. Об огромном воздействии на них «Исповеди Наливайки» писал в письме к Рылееву украинский общественный деятель Н. А. Маркевич (РС, 1888, № 12, с. 599). Представитель украинского общественного движения более позднего этапа М. П. Драгоманов вспоминал, что в 1850-е годы «Исповедь Наливайки», как и «Войнаровский», переписывалась в потаенные тетрадки и заучивалась наизусть наряду со стихотворениями Т. Г. Шевченко («Листи на Наддніпрянську Україну», Київ, 1917, с. 13). Революционно-воспитательное значение этого отрывка высоко оценила В. И. Засулич («Былое», 1919, № 14, с. 94).

1. *Печерская обитель* (лавра) — основанный в XI в. в Киеве монастырь, один из древнейших и наиболее высокочтимых на Руси. *Гедимин* — великий князь Литовский (1316—1341), присоединивший к Литве несколько западных русских княжеств, прославился успешными походами на татар. 2. *Униат* — принявший униатское вероисповедание. Здесь имеется в виду Брестская уния 1596 г., объединившая на территории польского королевства католическую церковь с православной при сохранении за последней обрядов и служб на родном языке, но с признанием главенства римского папы. Жители русских, украинских и белорусских земель, находившихся под польским гнетом, с недоверием и ненавистью относились к униатскому духовенству. 3. *Чигирин* — город в окрестностях Киева, в те годы — центр так называемого «староства», т. е. надела, выделяемого польским королем в пожизненное пользование польским и украинским магнатам. Вскоре Чигирин стал одним из важнейших политических

и военных центров казачества. 5. *Пищаль* — ручное огнестрельное оружие. *Аргамак* — порода особо быстрых верховых лошадей. 6. *Лобода* — один из ближайших сподвижников Наливайки, казненный вместе с ним в 1597 г. 7. *Страстная* неделя — последняя неделя перед пасхой. 8. *Сарматы* — см. примеч. 61. 9. *Суремка* — украинский музыкальный инструмент. 11. *Кунтуш* — средневековая одежда поляков. *Жолкевский* (1547—1620) — коронный гетман Польши, подавлявший восстание Наливайки. 13. *Тясмин* — приток Днепра, на этой реке близ Чигирина произошло одно из решающих сражений между повстанцами Наливайки и польскими войсками. *Очерет* — камыш, тростник.

* **75.** «Соревнователь», 1825, № 4, с. 97, с пропуском ст. 22 и 142 и цензурным изменением ст. 145; ПСС, с. 255. Беловой автограф — ПД. В ПД хранятся также 6 черновых набросков отрывка, покрывающих весь его текст, а также несколько мелких фрагментов от 2 до 4 строк каждый. Кроме того, там же хранится более ранняя редакция отрывка (опубликована П. А. Ефремовым в РС, 1871, № 1, с. 102—109). Предпринятое в ПСС исправление этой редакции по черновым наброскам не представляется целесообразным, ибо сам автор таких попыток не делал, и речь может идти лишь о движении от первоначальной редакции к более поздней; за соответствие же последовательности этапов этого движения, намеченного в ПСС, авторскому замыслу поручиться трудно. В черновиках сохранилось также план отрывка: «Два козака. Гайдамак. Его характер. Конь прибегает без него. Будь проклят этот гайдамак» и попутные заметки: «Байрак. В пень. Барвинок. Жупан. На потеху. Порода. Спесь. Суремка. Суходолье». Над отрывками «Гайдамак» и «Палей» Рылеев работал в начале 1825 г. То, что эти отрывки связаны с замыслом поэмы «Мазепа», убедительно доказано Ю. Г. Оксманом (ПСС, с. 483—484). О родстве «Гайдамака» и «Палея» говорят результаты сличения их черновых набросков (см. «Другие редакции и варианты»), проведенного еще при подготовке ПСС, — некоторые места близки вплоть до текстуального совпадения. Не исключена возможность того, что герой отрывка «Гайдамак» — молодой Мазепа, ибо, во-первых, в черновых набросках мы встречаем имена гетмана Украины Самуся и полковника Палея, в войсках которых началась военная карьера Мазепы; во-вторых, «Гайдамак» — самое «байроническое» из всех произведений Рылеева — несомненно, испытал влияние поэмы английского поэта «Мазепа». Литературные источники «Гайдамака» прослежены В. И. Масловым (с. 282—283), подчеркивающим общие черты байроновских героев (Гяура, Конрада, Мазепы) с героем отрывка — и в обрисовке характера, и в портретной характеристике. Вместе с тем «Гайдамак», пожалуй, ближе всех из поэм Рылеева связан с украинским фольклором, что также отмечено Масловым (с. 269—271). Им проводятся сопоставления рылеевского текста с «Опытом собрания старинных малороссийских песней» Н. А. Цертелева, изданным в 1819 г. (см., напр., с. 24—25, 34—35, 42). *Гайдамак* — казак-повстанец, участник набегов на турецкие, татарские и польские земли в XVII—XVIII вв. (см. примеч. Рылеева к «Войнаровскому», с. 224). *Пищаль* — см. примеч. 74. *Сайдак* — колчан с луком и стрелами. *Чепрак* — суконная подстилка под седло.

* **76.** «Северная пчела», 1825, 3 января, с. 4, со след. примеч. редакции: «Семен Палей Хвостовский, полковник Малороссийского войска, удалой наездник, бич поляков, ужас крымцев — был оклеветан Мазепою перед Петром и сослан. После измены Мазепы Палей возвратился к войску и, удрученный летами и болезнью, присутствовал на Полтавском сражении, поддерживаемый двумя казаками». Автограф — ПД. Три черновых наброска поэмы — ПД и один — ЦГАОР. Черновые варианты «Палея» — PC, 1871, № 1, с. 110 (публикация П. А. Ефремова). «Палей», как и «Гайдамак», — часть задуманной Рылеевым поэмы «Мазепа». Один из промежуточных вариантов начала «Палея» — «Не тучи на небе сдвигались. . .» — перекликается с отрывками из «Наливайки» и записан среди черновых набросков этой поэмы, что говорит о постепенности дифференциации рылеевских сюжетов, связанных с историей Украины. Как и «Гайдамак», «Палей» тесно связан с украинскими песнями и думами (ук. Масловым, с. 268—271). См.: Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, СПб., 1819, с. 34, 46.

ДРАМА

* **77.** А. Г. Цейтлин, Неосуществленный замысел трагедии «Хмельницкий». — ЛН, с. 59 (в сокращении); Изд. 1956, с. 346. Автограф — ЦГАОР. Время работы над трагедией — последние месяцы 1825 г., что засвидетельствовано Ф. Н. Глинкой и В. И. Штейнгелем в их показаниях в следственной комиссии, где они рассказывали о своих последних встречах с Рылеевым. В показаниях Глинки говорится о том, что Рылеев собирался в новую поездку на Украину, «чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению». Штейнгель свидетельствует, что в середине ноября Рылеев читал пролог на вечере у Ростовцева (ЛН, с. 59, 216). В конце своего творческого пути поэт вновь возвращается к образу Хмельницкого, вождя массового казацко-крестьянского движения середины XVII в., деятельность которого, судя по прологу, он предполагал показать на широком народном фоне. Пролог относится к началу деятельности Хмельницкого, чье поместье находилось недалеко от Чигирина (см. примеч. 74), на площади которого разворачивается действие. Очевидно, Рылеев ставил своей задачей воспроизвести причины недовольства, охватившего крестьян и казаков, их стремление к сопротивлению, обусловившее выдвижение на авансцену гетмана, вскоре возглавившего вооруженную борьбу с польским владычеством. Одной из наиболее тяжелых форм гнета поляков над украинскими землями было предоставление ими права сбора доходов от православных церквей ростовщикам-арендаторам, чаще всего еврсям, что для украинцев оборачивалось как обременительными поборами, так и оскорблением их религиозных чувств. *Чинш* — арендная плата в Польше. *Парафия* — церковный приход. *Подстароста* — одно из главных должностных лиц в старостве, феодальном наделе в панской Польше, в данном случае — конкретное лицо — подстароста Чигирина Чаплицкий, ярый враг Хмельницкого. *Клуня* — хозяйственная пристройка для молотьбы и хранения хлеба. *Гоим* (еврейск.) — библейское название одного из племен Галилеи (страны в древней Палестине); часто употреблялось в значении «иноверец». *Сизматик* (искаженное «схизма-

тик») — от греческого «сизма», т. е. церковный раскол; в словоупотреблении католической церкви — православный. *Тарасовская ночь... Бог наших праотцев тогда чудесно одних лишь нас избавил в Переславле.* Эпизод украинского национально-освободительного движения в 1630-е годы, когда в Переяславле казаки, вождем которых был Тарас Трясила, перебили своих угнетателей. *Уряд* — порядок, устройство. *Сагайдачный* — см. примеч. 74. *Ясырь* (татарск.) — пленник, невольник.

II

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

Традиция связывает большинство агитационных песен, вышедших из декабристской среды, с именами Рылеева и А. А. Бестужева.

История текстов агитационных песен чрезвычайно сложна. Разумеется, они не могли быть напечатаны. До нас не дошло ни одного автографа. Исключение представляет песня «Ах, тошно мне...» (№ 80). В показаниях следственной комиссии 24 апреля 1826 г. (ВД, т. 1, с. 176) Рылеев признал ее своей и привел текст песни. Автограф позднее по приказу Николая I был уничтожен, но сохранилась копия с автографа, сделанная А. А. Ивановским. Степень участия Рылеева при создании других песен сейчас определить невозможно, восстановить их точный текст — тоже. Кроме № 80, наибольшая вероятность участия Рылеева в составлении песен 78—79, 81 и 89. Вопросы происхождения, авторства и текстологии агитационных песен освещены в следующих основных трудах: М. А. Брискман, Агитационные песни декабристов (сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951); А. М. Новикова, Революционные стихи и песни 30—40-х годов XIX века («Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 66, вып. 4, 1958); В. Г. Базанов, Спорное в декабристской текстологии («Русская литература», 1960, № 2).

78. ПЗ V, с. 9, объединено с песней «Ты скажи, говори...» и стихами Пушкина «Как в ненастные дни...», поставленными им в качестве эпиграфа к 1-й главе «Пиковой дамы»; Соч. и П, с. 208, с цензурными купюрами, объединено со стихами Пушкина «Там в ненастные дни...». Печ. по ПСС, с. 309, где текст установлен на основании критического изучения всех дошедших до нас списков песни. О существовании песни в 1823 г. знал Пушкин. В письме к брату от января 1824 г. он писал: «Мне bene ⟨хорошо⟩ там, где растет трин-трава, братцы» (Пушкин, т. 13, с. 86). *Острова.* Вероятно, подразумевается существовавший в Петербурге в 20-е годы кабачок «Веселые острова». *«Pucelle»* — «La Pucelle d'Orléans» («Орлеанская девственница») — антиклерикальная поэма Вольтера (1755), запрещенная в России. *Святцы* — годовой календарный список христианских святых, церковный календарь. *Бестужев-драгун.* Бестужев был поручиком лейб-гвардии драгунского полка до мая 1822 г., а затем был назначен адъютантом к Главному директору путей сообщения

Бетанкуру (ВД., т. 1, с. 426). *Карачун* — внезапная, неожиданная смерть. *Князь-чудодей* — великий князь Константин Павлович, живший в Варшаве и командующий войсками, расположенными на территории Польши, в то время он был наследником престола. *Танта* — тетка жены и домоправительница в доме Ф. В. Булгарина. *Магницкий* М. Л. (1788—1855) — статс-секретарь, один из сотрудников М. М. Сперанского в пору реформ 1802—1812 гг. После опалы и отстранения последнего Магницкий перешел в лагерь реакции. Будучи членом Главного управления училищ с 1819 по 1825 г., активно проводил реакционную политику в области народного просвещения. *Мордвинов* — см. примеч. 31. *Греч* Н. И. (1787—1867) — литератор и педагог, издатель «Сына Отечества». В 1820 г. заподозрен в составлении воззвания к солдатам в связи с возмущением Семеновского полка и привлечен к следствию. Греч полностью реабилитировал себя, а впоследствии совершенно отошел от передового литературного движения, а после 1825 г. вместе с Булгариным издавал официозную газету «Северная пчела». Слухи о том, что Греча высекли в тайной полиции в 1821 г., держались очень долго. *Где Сперанский попов Обдает, как клопов.* Сперанский М. М. (1772—1839) — один из приближенных Александра I, автор ряда проектов либеральных реформ, так и не осуществленных. После отставки (1812) и опалы Сперанский вновь был возвращен на государственную службу, но уже значительно «поправел» и проникся религиозно-мистическими настроениями. По происхождению Сперанский был из духовного сословия. *Измайлов* А. Е. (1779—1831) — поэт и журналист, издатель журнала «Благонамеренный», лично знакомый со всеми передовыми литераторами, но отличавшийся неустойчивостью взглядов и вкусов; в его облике проявлялись черты литературной богемы.

79. ПЗ V, с. 12, строфы 1—3, 6, 8; сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, с. 12, по списку из архива П. А. Вяземского (ЦГАЛИ). Печ. по ЛН, с. 79, где приведен контаминированный текст, составленный Ю. Г. Оксманом на основании списка из архива П. А. Вяземского и отрывка, приведенного в воспоминаниях Н. А. Маркевича (Из записок. — сб. «Глинка в воспоминаниях современников», М., 1955, с. 137, 141). Воспоминания Маркевича — ПД. Песня, как указывает Маркевич, пелась на голос дуэта «Як приїхав жолнір. . .» из оперы-водевиля П. Н. Семенова «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме», поставленной в 1817 г. и изданной в 1818 г. Время создания песни — осень 1823 г., что устанавливается на основании данных о служебном положении упоминаемых в ней генералов. *Волконский* П. М. (1776—1852) был начальником штаба до декабря 1823 г. 30 августа 1823 г. на должность финляндского генерал-губернатора *(«губернатор в Або»)* был назначен А. А. Закревский (1783—1865). *Потапов* А. Н. (1772—1847) — дежурный генерал Главного штаба с 30 августа 1823 г. *Масоны* (франкмасоны) — члены полулегальной организации, с религиозно-этической программой, носившей различный характер: от мистического, реакционного до политически прогрессивного. В 1822 г. масонские организации были официально запрещены в России. *Голубые ленты.* Высший орден Российской империи — Андрея Первозванного — носился на голубой ленте через плечо.

* **80.** ПЗ V, с. 11, без ст. 11—30, 36—50, 71—75; А. К. Бороздин, Из писем и показаний декабристов, СПб., 1906, с. 195, по копии с автографа, неточно; ПСС, с. 311; ЛН, с. 97 (также Изд. 1956, с. 232), контаминированный текст из разных списков. Наиболее авторитетный источник текста — копия с автографа, снятая А. А. Ивановским (ЦГАОР). Это была запись песни, представленной Рылеевым в апреле 1826 г. по требованию следственной комиссии. Автограф, по распоряжению Николая I, был уничтожен, копия Ивановского сохранилась. Утверждения Ю. Г. Оксмана о том, что, воссоздавая этот текст, Рылеев не стремился к полноте и достоверности (см.: ЛН, с. 86), представляются неубедительными, так как строфы, «пропущенные» Рылеевым, не являются самыми политически острыми. Очевидно, более ранняя редакция песни отражена в двух списках, находящихся в архиве П. А. Вяземского в ЦГАЛИ. Из них наиболее достоверным представляется первый, как самый ранний, восходящий, возможно, к оригиналу. Печ. по ПСС. Написано не позднее 1824 г., так как в августе этого года список песни был передан Рылеевым М. И. Муравьеву-Апостолу вместе с текстом стихотворения «Я ль буду в роковое время. . .», очевидно для нелегального распространения среди членов Южного общества (см.: ВД, т. 1, с. 176 и с. 210).

81. ПЗ V, с. 10, как часть песни «Ах, где те острова. . .», без шести последних строк; Рылеев, Полн. собр. соч., Лейпциг, 1861, полностью, но тоже как часть песни «Ах, где те острова. . .». Печ. по ПСС, с. 310. Ю. Г. Оксман обосновал, что стихотворение это — самостоятельное законченное произведение (см.: ПСС, с. 512). *Как капралы Петра* и т. д. Речь идет о свержении и убийстве Петра III в 1762 г. *А жена пред дворцом* — Екатерина II, осуществившая дворцовый переворот 1762 г. *Курносый злодей* и т. д. Император Павел I был убит заговорщиками в 1801 г. *Русский бог* — см. примеч. 56.

* **82.** «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 117, под загл. «Песня К. . .ой», без ст. 1—4, с разночтениями в ст. 6 и 9. Печ. по ВД, т. 9, с. 249, текст из показаний М. И. Муравьева-Апостола. Текст, приведенный им, явно неполон. Стихи эти, густо зачеркнутые в «деле», расшифрованы были в 1950 г. В показаниях следственной комиссии от 10 апреля 1826 г. М. И. Муравьев-Апостол отметил, что эту «песню никак Баратынского» получил в октябре 1825 г. от М. П. Бестужева-Рюмина. А. Осокин в статье «Об авторе нелегальной песни „Подгуляла я. . .“» (ЛН, с. 268—272) опровергает авторство Баратынского и связывает этот текст с другими агитационными песнями, написанными Рылеевым и Бестужевым. Не исключено, однако, что в «Подгуляла я. . .» использована ритмическая канва романса Баратынского «С неба чистая. . .». Загл., указанное в «Русской потаенной литературе», навело на мысль о возможной связи этой песни с Теофанией Станиславовной К., адресатом целого ряда лирических стихотворений Рылеева (см. о ней примеч. 37). *Развяжу язык у сенаторов*. По проекту вождей тайного общества, 14 декабря восставшие войска должны были заставить Сенат выпустить обращение «К русскому народу» (см.: ВД, т. 9, с. 19).

83—*89. Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, с. 13—14, по списку ЦГАЛИ (из архива П. А. Вяземского), публикация

М. А. Брискмана, атрибутировавшего песни А. Бестужеву и Рылееву. Песня 7 впервые — «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 425, др. ред., в качестве стихотворения Рылеева. Песня 3 в др. ред. — Л. А. Мандрыкина, Агитационная песня «Вдоль Фонтанки реки» и участие А. И. Полежаева в ее распространении. — ЛН, с. 108, по списку ЦГАЛИ. Весь цикл печ. по сб. «Декабристы и их время». О песне 3 есть упоминания в следственном деле декабристов. С. И. Муравьев-Апостол показал 6 февраля 1826 г., что получил из Петербурга через брата «две народные песни, одна — относящаяся к состоянию крестьян, на голос: «Скучно мне на чужой стороне», другая — возмутительная, на голос подблюдных... Наверное не знаю, чьего они сочинения, а слыхал, кажется, что они сочинения Рылеева» (ВД, т. 4, с. 289). Уточняя это показание, М. И. Муравьев-Апостол показал, что он «получил от Рылеева две песни. 1-я. «Ах скучно мне» (Рыл⟨еева⟩). 2-я. «Вдоль Фонтанки реки квартируют полки, слава» (Але⟨ксандра⟩ Бесту⟨жева⟩)» (ВД, т. 1, с. 210). Можно предполагать участие в составлении этой песни Рылеева, хотя сам он в показании от 24 апреля 1826 г. свое авторство отрицал (ВД, т. 1, с. 176). Первые строки песни содержат намек на восстание Семеновского полка в 1820 г. Участие Рылеева в составлении песни 7 устанавливается на основании указаний Герцена и Огарева в сб. «Русская потаенная литература» и свидетельства Е. И. Якушкина, согласно которому одной из самых распространенных песен из написанных Рылеевым и Бестужевым была песня «Кузнец» (сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 354). *Подблюдными* назывались песни, исполнявшиеся во время новогодних гаданий; на блюдо клали различные мелкие предметы (кольца, броши и т. п.), заливали их водой и накрывали платком, затем извлекали под песню тот или иной предмет и к владельцу его относили соответствующие слова песни. Подблюдные песни пародийно использованы в этом цикле декабристских стихотворений. 2. *Мужик из Нова́города́* — солдат из военных поселений, расположенных близ Новгорода.

III

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Автографы ранних стихотворений Рылеева хранятся в ПД и включают: 1) автограф (?) поэмы «Кулакияда»; 2) тетрадь под загл. «Смесь № 1-й» (3 стихотворения: «Бой», «Луна», «Путешествие на Парнас»); 3) тетрадь I, сшитую из отдельных листов различного формата не поэтом, а собирателями и хранителями его рукописей и включающую тексты стихотворений «Весна», «Людмила», «Акростих», «Минуты счастия промчались...», «В сей долине вечных слез...», ранние редакции стихотворений «Наталье Михайловне Тевяшовой», «Резвой Наташе», «Другу моему» («Приятелю»), список «Кулакияды» и несколько автографов более позднего времени — всего 16 стихотворений; 4) тетрадь II без загл. (26 стихотворений: «Наталье Михайловне Тевяшовой», «Песня» («Je vous assure, что вы мне милы...»), «В альбом девице N.», «Дорида, Амур и я», «Триолет

Наташе», «Мечта», «Мотылек», «К Фролову», «Н. М. Т⟨евяшо⟩вой», «К портрету N.», «Песня. Ответ на известную арию из Русалки...», «Друзьям (в Ротово)», «Посол», «Сон», «Утес», «Песня (на голос: «Винят меня в народе...»), эпиграмма «Надутов для Прелесты...», «Звезда-путеводитель», «К Лачинову», «В альбом ее превосходительству К. И. М⟨алюти⟩ной», эпиграмма «Пегас Надутова весьма, весьма упрям...», «Четыре степени любви», «Извинение перед Н. М. Т⟨евяшо⟩вой», «Песня» («Прости, за славою летящий...»), «К ней», «Песня» («Тише, тише, ветерочек...»); 5) тетрадь под загл. «Опыты в стихах Кондратия Рылеева» (18 стихотворений: «Экспромт», «Тоска», «Вольный перевод из Сафо», «К И. А — ву», «Триолет Наташе», «Утес», «Четыре степени любви», «Песня» («Je vous assure, что вы мне милы...»), «Романс», «Н. М. Т⟨евяшо⟩вой», «Звезда-путеводитель», «Приятелю...», «Богатство», эпиграммы («Вчера комедию мою играли...», «Ты видел Фирса-чудака...», «Узрев, что Слабоум, сын сельского попа...»), «Резвой Наташе», «Мечта», «К Надежде», «Бой»). Из перечисленных стихотворений только три, находящиеся в последней тетради: «Триолет Наташе», «Романс» и эпиграмма «Ты видел Фирса-чудака...» были опубликованы поэтом. Входящие в «Смесь № 1-й» произведения имеют точную авторскую датировку. Тетрадь II датировать трудно. Не исключена возможность, что некоторые вписанные в нее стихотворения относятся к 1814—1815 гг., — ко времени пребывания Рылеева за границей. Основанием для этого предположения является тот факт, что одно из стихотворений заграничного периода («Бой») включено в еще более позднюю тетрадь — «Опыты в стихах...». Большая же часть стихотворений, составивших тетрадь II, создана, вероятно, в 1816—1818 гг., в первые годы пребывания поэта в провинции. Некоторые стихотворения можно датировать несколько точнее. Так, «Друзьям» и «К Лачинову» написаны в Виленской губернии, следовательно не позднее 1816 г. Стихотворение «Мотылек» написано не позднее 1817 г. (см. письмо Гардовского к Рылееву от 15 ноября 1817 г., где упоминается это стихотворение. — ЛН, с. 156). Стихотворения «Н. М. Т⟨евяшов⟩ой» («Ты желаешь, друг прелестный...»), «Дорида, Амур и я», «Извинение перед Н. М. Т⟨евяшов⟩ой», «Резвой Наташе», «К ней», «Мечта» написаны не ранее 1817 г. — года появления поэта в Воронежской губернии и знакомства его с Н. М. Тевяшовой — его будущей женой. Самые поздние стихи этой тетради написаны в конце 1818 г., ибо Рылеев, посвящая стихотворения Наталье Михайловне, на которой в январе 1819 г. женился, проставляет в заглавиях ее девичью фамилию — Тевяшова. Таким образом, крайние даты тетради II: 1814—1818. В тетрадь «Опыты в стихах Кондратия Рылеева» вошло семь стихотворений из тетради II и одно — из тетради «Смесь № 1-й». Точной датировке стихотворения тетради «Опыты в стихах...» тоже не поддаются. Можно лишь с уверенностью сказать, что она является последней из подобных ей, ибо первое же ее стихотворение обращено уже к Н. М. Рылеевой, а не Тевяшовой. Таким образом, крайние даты стихотворений из этой тетради — 1814—1820 гг. (1820 год — последний год пребывания поэта в провинции). Стихотворения, входящие в эту тетрадь и не вошедшие в более ранние, написаны, видимо, в 1819—1820 гг. Однако стихотворение «К Надежде» следует датировать 1817 г. — вместе с «Мотыльком» оно упомянуто в письме

Гардовского от 15 ноября этого года (ЛН, с. 156), ранее же 1817 г. (года знакомства с семьей Тевяшовых) оно написано быть не могло. В фонде Рылеева в ПД хранится еще одна тетрадь с записью произведений разных авторов (см. о ней примеч. 184).

90. «Исторический вестник», 1885, № 1, с. 82 (ст. 145—160); № 4, с. 118 (ст. 1—16, 37—48, 53—60, 81—88, песнь 2 в сокращении и с перестановкой строк); ВЕ, 1888, № 11, с. 217 (ст. 1—12, 17—20); PC, 1896, № 3, с. 506; ПСС, с. 317. В «Историческом вестнике» публикация принадлежит Н. С. Лескову и сделана по памяти (отсюда пропуски и ошибки), в ВЕ поэма опубликована В. Е. Якушкиным по автографу, в PC — М. П. Кудрявцевым по списку. Печ. по автографу (?) ПД с учетом устраненных в ПСС ошибок и описок в ст. 61, 82, 92, 123, 129, 130. Поэма написана Рылеевым во время его пребывания в 1-м кадетском корпусе, т. е. не позднее 1813 г., ибо в начале 1814 г. он был выпущен в армию. По жанру это — так называемая ирои-комическая поэма, главная особенность которой в том, что поэтика героического эпоса сочетается с явно не соответствующим ей по банальности и сниженности сюжетом. Образцом этого жанра в России была поэма В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771). Об обстоятельствах написания «Кулакияды» подробно рассказал Н. С. Лесков в очерке «Кадетский малолеток в старости». Название «Кулакияда», сообщает он, «шло от собственного имени старшего корпусного повара Кулакова, который скоропостижно умер, стоя у плиты...» («Исторический вестник», 1880, № 1, с. 120—121). Песнь 1. *Тафель* (тафельдинер) — унтер-офицер, в ведении которого находилась столовая кадетского корпуса. *Бобров* А. П. — бригадир, эконом корпуса, отличался редким для этого учебного заведения гуманным обращением с воспитанниками. О нем, а также о корпусных легендах, связанных с его отношением к поэме Рылеева, см. очерки Н. С. Лескова «Один из трех праведников» («Исторический вестник», 1885, № 1, с. 80—85) и «Кадетский малолеток в старости» (там же, № 4, с. 111—131). *Клио* (греч. миф.) — муза истории. *Чумичка* — поварской черпак. Песнь 2. *Кастальские воды* (греч. миф.) — источник на Парнасе близ храма Аполлона, символ поэтического искусства. *Тулаев, Зайцев, Савинов, Смирнов, Миняев, Затычкин, Силин, Краснопевцов* — служители 1-го кадетского корпуса, как свидетельствует Лесков в очерке «Кадетский малолеток в старости». *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь, олицетворение поэтического вдохновения. *Смоленская* — в данном случае Смоленское кладбище на Васильевском острове Петербурга.

91. Соч. и П, с. 327, последняя строфа. Полностью печ. впервые по автографу ЛБ, с исправлением явной описки в ст. 35 («Миних» вместо «Минин»). Автограф до последнего времени считался утраченным. Одно из самых ранних стихотворений Рылеева. Написано в связи с кончиной М. И. Кутузова, умершего 3 апреля 1813 г. в силезском городке Бунцлау. *Термопиллы* (Фермопилы) — горный проход в северной Греции, где в 480 г. до н. э. спартанский отряд под начальством царя Леонида героически оборонял границу от войск персидского царя Ксеркса. Леонид и весь его малочисленный отряд погибли, нанеся огромный урон персидской армии. *Камилл* (V —

IV вв. до н. э.) — римский полководец и политический деятель; обвиненный в несправедливом распределении военной добычи, был изгнан из Рима. *Задунайский* — Румянцев П. А., см. примеч. 30. *Владимир* — скорее всего, имеется в виду князь Владимир Мономах (1053—1125).

92. «Литературная газета», 1941, 20 апреля, строфы 6—7; ЛН, с. 124, по автографу Архива внешней политики России (Москва). Автограф находится среди рапортов Рылеева своему начальнику генерал-майору Н. М. Рылееву, поданных в июне 1814 г. в Германии (ЛН, с. 166). Написано вскоре после смерти М. И. Кутузова (см. предыдущее примеч.). *Смоленский* — почетное прибавление к фамилии полководца, пожалованное ему за воинские заслуги. *Тарутин* и *Красный* — места кровопролитных сражений (18 октября и 16 ноября 1812 г.), в которых французские войска понесли большие потери. Битва под Тарутином ускорила отступление армии Наполеона. *Алкид* (греч. миф.) — Геракл.

93. Маслов, прилож., с. 3; ПСС, с. 348, по раннему автографу ПД. Печ. по более позднему автографу ПД («Опыты в стихах. . .»). Датированный автограф ранней редакции — тетрадь «Смесь № 1-й». Стихотворение это, написанное еще во время заграничных походов, переделано Рылеевым в Острогожский период его жизни: имя Эмилии заменено именем его жены.

94. Маслов, прилож., с. 4. Автограф — ПД (тетрадь «Смесь № 1-й»).

95. К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., Лейпциг, 1861, с. 325 (ст. 13—36); Маслов, прилож., с. 1; ПСС, с. 321, с неточностью в ст. 20. Автограф — ПД (тетрадь «Смесь № 1-й»). Подражание «Видению на берегах Леты» К. Н. Батюшкова. Написанное в 1809 г., стихотворение это широко распространялось в списках. Рылеев не знал, кому принадлежит «Видение. . .», и приписал его И. А. Крылову, отметив это в подстрочном примеч. В первой части «Путешествия на Парнас» выдержана направленность батюшковского стихотворения — объектом сатиры становятся как поэты круга А. С. Шишкова, лидера наиболее консервативной части литературных архаистов, так и эпигоны карамзинизма. *Пегас* — см. примеч. 90. *Боярский*, *Фролов* — лица, упоминаемые в нескольких ранних стихотворениях Рылеева, скорее всего друзья по корпусу, очевидно разделявшие его литературные интересы. *Львов* П. Ю. (1770—1825) — писатель, член возглавляемой А. С. Шишковым «Беседы любителей русского слова» и Российской Академии. *Шихматов* — Ширинский-Шихматов С. А. (1783—1837) — поэт, один из наиболее последовательных сторонников литературных взглядов А. С. Шишкова. *Десть* — стопка бумаги в 24 листа, здесь намек на монументальность произведений Ширинского-Шихматова. *Хвостов* — см. примеч. 12. *Гераков* Г. В. (1775—1838) — педагог и писатель, преподаватель истории 1-го кадетского корпуса, грек по происхождению (отсюда «потомок вздорливый Ираклов», т. е. Геракла). *Пиит слезливый* — скорее всего П. И. Шаликов (1768—1852), плодовитый, но малоталантливый поэт-сенти-

менталист, объект многочисленных эпиграмм и пародий. *Содом* — здесь в значении: беспорядочное скопление людей. *Рифей* — старинное название Урала.

96. Маслов, прилож., с. 15. Автограф — ПД (тетрадь II). Возможный литературный источник — «Мои пенаты» К. Н. Батюшкова (1811). Интересно отражение в стихотворении быта автора: детально перечисляются предметы воинского снаряжения. По названиям населенных пунктов, которые упоминаются в рапорте Рылеева командиру роты и воспоминаниях сослуживца поэта А. И. Косовского (ЛН, с. 165, 242), можно уточнить датировку стихотворения — оно написано не позднее 1816 г., во время пребывания Рылеева в Виленской губернии, откуда его часть была передислоцирована в Орловскую губернию в начале 1817 г. (указано Б. Т. Удодовым в кн. «Очерки литературной жизни Воронежского края», Воронеж, 1970, с. 88). *Ротово* (Ретово), *Вежайцы* — местечки в Виленской губернии, где стояли офицеры, друзья Рылеева и он сам. *Анахорет* (греч.) — отшельник, пустынник.

97. Маслов, прилож., с. 20. Автограф — ПД (тетрадь II). Датировка этого стихотворения, как и предшествующего, уточнена Б. Т. Удодовым (см. примеч. 96). *Лачинов* Е. Е. (1799—1875) — знакомый Рылеева, офицер, впоследствии — член Южного общества, сосланный на Кавказ по делу декабристов. *Эпикурейцы* — последователи Эпикура (конец IV — начало III в. до н. э.), философа-материалиста античности, который во времена Рылеева воспринимался прежде всего как создатель этического учения, призывающего к наслаждению радостями жизни. *Цирцея* — см. примеч. 22. *Жмудь* — название одного из литовских племен; здесь — Литва. *Боярский, Фролов* — см. примеч. 95.

98. Маслов, прилож., с. 41. Автограф — ПД (тетрадь I).

99. Маслов, прилож., с. 6. Автограф — ПД (тетрадь I).

100. Маслов, прилож., с. 12. Автограф — ПД (тетрадь II).

101. Маслов, прилож., с. 10. Автограф — ПД (тетрадь II). Автограф ранней редакции (с точной датой) — в тетради I. *Крезовых сокровищ*. Крез — см. примеч. 3.

102. Маслов, прилож., с. 39. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»). Стихотворение построено на игре слов: Надежда — имя сестры Наталии Михайловны Тевяшовой.

103. Маслов, прилож., с. 11. Автограф — ПД (тетрадь II).

104. Маслов, прилож., с. 13. Автограф — ПД (тетрадь II). *Фролов, Боярский* — см. примеч. 95. *Норов* — вероятно, принадлежал к тому же кругу лиц, что и два предыдущих.

105. Маслов, прилож., с. 14. Автограф — ПД (тетрадь II).

106. Маслов, прилож., с. 15. Автограф — ПД (тетрадь II). Литературный источник песни — в одном из текстов «Новейшего полного всеобщего песенника», СПб., 1815, с. 124 (ПСС, с. 528—529). *«Русалка»* — популярная в начале XIX в. на петербургской и московской сцене опера, либретто которой является одним из многочисленных переводов (точнее, переделок) с немецкого языка известного театрального переводчика того времени Н. С. Краснопольского. Ария, ответом на которую является песня Рылеева, представляет собою обращение женщин к мужчинам и начинается словами: «Вы к нам верность никогда не хотите сохранить».

107. Маслов, прилож., с. 17. Автограф — ПД (тетрадь II).

108. Маслов, прилож., с. 17. Автограф — ПД (тетрадь II). Как указано Ю. Г. Оксманом, восходит к VIII оде Анакреона «На свой сон» (ПСС, с. 529). Ср. «Анакреоновы стихотворения», перевод с греч. Ивана Мартынова, СПб., 1801, с. 8. О французских переложениях этой оды, оказавших возможное влияние на Рылеева, см.: Маслов, с. 133—134. *Тирские ковры.* Тир — крупный город в Финикии, славившийся своими товарами.

109. Маслов, прилож., с. 18. Автограф — ПД (тетрадь II). *«Винят меня в народе...»* — популярная народная песня. Текст ее см.: «Новейший полный и всеобщий песенник», СПб., 1818, с. 72.

110. Маслов, прилож., с. 19. Автограф — ПД (тетрадь II). *Невинная жрица Весты.* Жрицы храма богини целомудрия Весты (весталки) в древнем Риме приносили обет безбрачия.

111. Маслов, прилож., с. 22. Автограф — ПД (тетрадь II). Екатерина Ивановна *Малютина* (1783—1869) — жена генерала П. Ф. Малютина, родственника и друга семьи Рылеевых. К семье Малютиных Рылеев относился с большим уважением и после смерти П. Ф. Малютина уделял много заботы и внимания его детям, о чем можно судить по его письмам. Даже в письме, написанном накануне казни, он вспоминает Малютиных в числе самых близких ему людей (ПССоч., с. 519). Отношения Рылеева к Е. И. Малютиной не изменило и неблаговидное ее поведение по отношению к его семье (см. комментарий А. Г. Цейтлина к ПССоч., с. 819—820). Сын П. Ф. Малютина — М. П. Малютин, племянник Рылеева, офицер гвардейского Измайловского полка — был причастен к событиям 14 декабря 1825 г., агитировал солдат полка не присягать Николаю I (М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, с. 266, 478).

112. Маслов, прилож., с. 22. Автограф — ПД (тетрадь II).

113. Маслов, прилож., с. 23. Автограф — ПД (тетрадь II).

114. Маслов, прилож., с. 24. Автограф — ПД (тетрадь II).

115. Маслов, прилож., с. 31; ПСС, с. 331, по раннему автографу ПД. Печ. по более позднему автографу ПД («Опыты в стихах...»).

Ранний автограф — тетрадь II. *Часть* — в данном случае в значении: участь, судьба.

116. Маслов, прилож., с. 39. Автограф — ПД («Опыты в стихах...»). Более ранний автограф — тетрадь II.

117. Маслов, прилож., с. 32. Автограф — ПД («Опыты в стихах...»). Ранний автограф — тетрадь II. Песня написана так называемым макароническим стихом, основной принцип которого — смешение слов разных языков.

118. Маслов, прилож., с. 34; ПСС, с. 333, по раннему автографу ПД (тетрадь II). Печ. по более позднему автографу ПД («Опыты в стихах...»).

119. Маслов, прилож., с. 38. Автограф — ПД («Опыты в стихах...»). Более ранний автограф — тетрадь II.

120. Маслов, прилож., с. 11; ПСС, с. 325, под загл. «Наташа, Амур и я», по раннему автографу ПД (тетрадь II). Печ. по более позднему автографу ПД (на отдельном листе). В исправленном виде переписано на одном листе с более поздними стихотворениями («К Делии», «Счастливая перемена», «Триолет Наташе»). Имя своей жены Рылеев заменил именем, взятым из античной поэзии, а также внес отдельные стилистические исправления. Возможно, что переписанные на этом листе стихотворения подготавливались к печати.

121. Н Зр, 1820, ч. 4, декабрь, № 1, с. 212, подпись: К. Р—в. Три автографа ПД — в тетради II, в «Опытах в стихах...» и на отдельном листе (вместе со стихотворениями «К Делии», «Счастливая перемена», «Дорида, Амур и я»). «Триолет Наташе» был вписан Рылеевым в альбом его товарища по 1-му кадетскому корпусу А. В. Устинова. По свидетельству современника, «Устинов попросил его написать что-нибудь на память ему в альбом. Рылеев присел к столу и, подумав с минуту, написал следующий триолет к Наташе (имя его жены)» (Дм. Кропотов, Несколько сведений о Рылееве. — «Русский вестник», 1869, № 3, с. 238).

122. Маслов, прилож., с. 23. Автограф — ПД (тетрадь II). Автограф более ранней редакции (без загл.) — тетрадь I. *Геликон* (греч. миф.) — священная гора, обиталище муз; символ поэзии и поэтического вдохновения. *Крон* — см. примеч. 9.

123. Маслов, прилож., с. 24. Автограф — ПД (тетрадь II).

124. Маслов, прилож., с. 33; ПСС, с. 328, по раннему автографу ПД. Печ. по более позднему автографу ПД («Опыты в стихах...»). Как и стихотворение «К Надежде» (№ 102), построено на игре слов.

125. Маслов, прилож., с. 37. Автограф — ПД («Опыты в стихах...»). Более ранний автограф — тетрадь I. Адресат — жена поэта.

126. Маслов, прилож., с. 7. Автограф — ПД (тетрадь I). Имя героини и некоторые элементы баллады заимствованы у Жуковского.

127. Маслов, прилож., с. 7; ПСС, с. 352. Автограф — ПД (тетрадь I). *Акростих* (греч.) — стихотворение, в котором начальные буквы отдельных стихов составляют какое-либо имя или изречение.

128. ПССоч., с. 451. Автограф — ПД. Стихотворный текст — между строками письма поэта к сестре его невесты, Анастасии Михайловне Тевяшовой, от 14 января 1819 г. из Воронежа в Подгорное.

129. Маслов, прилож., с. 35. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»). Более ранний автограф — тетрадь I (под загл. «Другу моему»). Адресат стихотворения — А. Д. Коренев, дворянин Острогожского уезда Воронежской губернии, повод написания — предстоящая женитьба адресата на сестре жены поэта Анастасии Михайловне летом 1819 г. *Гименей* (греч. миф.) — божество брака.

130. Маслов, прилож., с. 25. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»).

131. Маслов, прилож., с. 25; ПСС, с. 341. Возможный литературный источник — стихотворение М. В. Милонова «Весна Тибулла» (Маслов, с. 122—123). *Филомела* — см. примеч. 22. *Делия* — см. примеч. 7.

132. Маслов, прилож., с. 28. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»). Как уже отмечалось (Маслов, с. 135—136), источник стихотворения — ода Сафо (адресат ее — женщина), а скорее всего ее французское переложение («Les poesies d'Anacréon et de Sapho», Amsterdam, 1815, p. 248, 250). Эта ода была известна во многих переводах (см. например, перевод В. А. Жуковского в ВЕ, 1807, № 5, с. 44). *Сафо* (конец VII — начало VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса.

133. Маслов, прилож., с. 29. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»). Б. Т. Удодовым высказано вполне резонное предположение, что адресат послания — упоминаемый в воспоминаниях А. И. Косовского (ЛН, с. 242) товарищ Рылеева по кадетскому корпусу офицер Асосков, с которым поэт состоял в постоянной переписке («Очерки литературной жизни Воронежского края», Воронеж, 1970, с. 100). *Киприда* (греч. миф.) — одно из имен богини любви Афродиты (Венеры).

134. Маслов, прилож., с. 36. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»). Литературные источники «Богатства» — XXIII ода Анакреона (см. «Анакреоновы стихотворения», пер. с греческого Ивана Мартынова, СПб., 1801, с. 22) и стихотворение Державина «Богатство» (см. Маслов, с. 134—135).

135—137. 2 — «Благонамеренный», 1820, № 5, с. 334; остальные — Маслов, прилож., с. 37. Автограф — ПД («Опыты в стихах. . .»).

138. «Благонамеренный», 1820, № 6, с. 415, подпись: К. Р—в. Автограф ранней редакции — ПД («Опыты в стихах. . .»).

139. ПСС, с. 352. Автограф — ПД (тетрадь I).

140. Печ. впервые по автографу ЦГАОР. Автограф без даты на отдельном листке. Судя по почерку и содержанию — одно из ранних стихотворений Рылеева.

ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ПЛАНЫ

141. ПСС, с. 355. Автограф — ПД, на одном листе с автографом следующего наброска. Судя по почерку, относится к начальному периоду творчества Рылеева.

142. ПСС, с. 355. Автограф — ПД, на одном листе с автографом предыдущего наброска.

143. Печ. впервые по черновому автографу ЦГАОР. Набросок представляет собой первоначальную заготовку для стихотворения, которое было закончено и представлено в Вольное общество, что видно из протокола заседания от 12 сентября 1821 г. (см.: «Ученая республика», с. 402). Стихотворный текст до нас не дошел. Перевод Элегии II «Ad Cynthiam» из Книги первой «Элегий» Секста Проперция (ок. 49 — ок. 15 до н. э.), римского лирика. *Цеосский.* Греческий остров Кеос (Цеос), неподалеку от Аттики, в древности славился хлопком, тканями, добычей сурьмы. *Цибелла* (греч. миф.) — фригийская богиня, мать богов и всего живущего на земле, возрождающая природу и дающая земле плодородие. Культ ее был распространен во многих странах античного мира; здесь — олицетворение земли, природы. *Кастор* и *Поллукс* (или Полидевк) — братья Диоскуры (греч. миф.). В одном из мифов рассказывается о похищении ими *Фебы* и *Гилаиры,* невест их двоюродных братьев, Ида и Линкея. *Марпесса* (греч. миф.) — возлюбленная Аполлона, которую похитил Ид на крылатой колеснице; Аполлон настиг Ида и вступил с ним в схватку за Марпессу, но она все же предпочла стать женой смертного Ида. *Пелопс* (греч. миф.) — сын Тантала, получил в жены Гипподамию, дочь царя Эномая, победив его в состязании на колесницах; по другой версии мифа, похитил Гипподамию, увезя ее на колеснице. *Апеллес* — древнегреческий живописец IV в. до н. э. *Аония* — местность в Беотии около горы Геликон, считалась родиной муз. *Паллада* — см. примеч. 14.

144. ЛН, с. 134, как два самостоятельных отрывка. Автограф — ЦГАОР. Больше оснований считать обе строфы связанными единым замыслом. На это указывает и то, что текст записан подряд на небольшом листке. В автографе первоначально ст. 7 предшествовал ст. 6, затем цифрами обозначен их новый порядок. Последняя строка не дописана. На обороте листа — записи исторического и этнографического характера, касающиеся Острогожска и его окрестностей (см.: ЛН, с. 136). Возможно, относятся к лету 1821 г., ко времени пребывания Рылеева в Острогожске.

145. Маслов, прилож., с 45; ПСС, с. 358. Автограф — ПД, на одном листе с черновиком стихотворения 25, написанного, по-видимому, в 1821 г. (см. примеч. 25). С 1821 г. у Рылеева появился обостренный интерес к истории России. Набросок произведения о Новгороде. *Вадим* — см. примеч. 159.

146. ЛН, с. 131. Автограф — ЦГАОР. Судя по почерку, расположению автографа и стихотворному размеру (александрийский стих, каким в 1821 г. писалась сатира «Путь к счастию»), скорее всего относится к этому времени. По предположению А. Г. Цейтлина, в этом наброске Рылеев полемизирует с точкой зрения Н. М. Карамзина (выраженной в его «Разговоре о счастии», «Письмах русского путешественника» и др. произведениях) на то, что только разум способен сделать человека счастливым (см.: ЛН, с. 131—132).

147. РС, 1871, № 1, с. 97; ПСС, с. 356, по автографу ПД. Как установил Ю. Г. Оксман, Рылеев использовал не подлинный текст «Слова», а его изложение, сделанное Н. М. Карамзиным в «Истории Государства Российского» (т. 3, гл. 7). Переложение Рылеева в большинстве случаев дословно совпадает с текстом Карамзина (см.: ПСС, с. 537). Относится, вероятно, ко времени начала работы над думами и усиленного чтения Карамзина.

148. Маслов, прилож., с. 43, не полностью; ПСС, с. 355, начальная (прозаическая) редакция перевода в извлечении. Полностью печ. впервые по автографу ПД. Прозаический (1) и стихотворный (2) перевод произведения польского поэта Станислава Трембецкого (1723—1812) «Sophiowka» (1806). Рылеев упоминает Трембецкого в письме Ю. Немцевичу от 11 сентября 1822 г. (ПССоч., с. 466—467). Посвящено описанию имения крупнейшего магната, политического и военного деятеля С. Ф. Потоцкого-Щенсного (1752—1805). Великолепный парк, разбитый недалеко от Умани в конце XVIII в., был назван Софиевкой в честь третьей жены Потоцкого Софии Константиновны (урожденной Клавона, по первому мужу — Витт), знаменитой красавицы и авантюристки (о семье Потоцких см.: Л. П. Гроссман, У истоков «Бахчисарайского фонтана». — «Пушкин. Исследования и материалы», т. 3, М.—Л., 1960, с. 56—59). *Сын Дария* — персидский царь Ксеркс (486—465 до н. э.); походы персов за Дунай и Северное Причерноморье имели место в VI—V вв. до н. э. *Пифон* (греч. миф.) — чудовище, дракон, убитый Аполлоном. *Как древо Юпитера в Додонских лесах. Додона* — святилище Зевсу (Юпитеру) в Древней Греции (в Эпире), на его территории находился священный дуб. *Церера* — см. примеч. 7. *Любимица Вертумна* — Флора (римск. миф.), богиня цветов; Вертумн (римск. миф.) — древнейшее божество времен года, покровительствующее садоводству. *Гимен* — Гименей (греч. миф.), божество брака. *Паллада* — см. примеч. 14. *Дщерь Латоны* — Артемида (греч. миф.), богиня охоты; Латона (или Лето) — титанида, супруга Зевса. *Дриады* — дриады (греч. миф.), нимфы лесов.

149. ВЕ, 1888, № 11, с. 222; ПСС, с. 356, по черновому автографу ПД. В автографе ст. 25—36 записаны на полях справа и слева от

записи предыдущих строф, занимающих всю страницу. На обороте того же листа — наброски для «Мазепы» (1822). В наброске речь идет о молодом Державине, служившем с 1762 г. в Петербурге солдатом Преображенского полка. Вскоре Рылеев посвятил Державину одну из своих дум.

150. ЛН, с. 31. Автограф — ЦГАОР. Время работы над отрывком — не позднее 1822 г. Как указывает Ю. Г. Оксман (ЛН, с. 34), впоследствии фрагменты «Ольбровна и Руслы» были частично использованы для «Войнаровского». Поэма на скандинавский сюжет — результат широкого распространения в русской поэзии конца XVIII— начала XIX в. «оссианизма», т. е. поэм Макферсона, шотландского писателя и филолога, опубликовавшего свои произведения под именем кельтского средневекового поэта Оссиана. *Скальд* — поэт-воин в средневековых скандинавских странах. *Скания* — см. примеч. 52.

151. РС, 1871, № 1, с. 96. Автограф — ПД, среди черновиков думы «Державин» и других записей 1822 г. Ю. Г. Оксман определил набросок как отрывок думы о Минихе, в которой речь должна была идти о свержении Минихом Бирона 8 ноября 1740 г. (см.: ПСС, с. 451). Однако характер наброска не позволяет судить о его жанре. О *Минихе* см. примеч. 30.

152. ПСС, с. 537. Автограф — ПД, на одном листе с автографом «Вечернею порою...» и набросками к трагедии о Мазепе.

153. Отрывки: наброски монологов и реплик, 5 — РС, 1871, № 1, с. 93 (публикация П. А. Ефремова); перечень действующих лиц, характеристики персонажей, план трагедии и схемы отдельных сцен — ВЕ, 1888, № 11, с. 209, № 12, с. 581; наброски монологов и реплик 3 и 6 — ВЕ, 1888, № 12, с. 581 (публикации В. Е. Якушкина); 4 — ПСС, с. 360; 1 и 2 — ЛН, с. 29 (публикация Т. Г. Снытко). Полностью — Изд. 1956, с. 342. Печ. по полной публикации Изд. 1956, сверенной по автографам, и в его композиции. Автографы отдельных стихотворных набросков, а также прозаических планов трагедии — ПД, ЦГАЛИ и ЦГАОР. Эти наброски — результат разработки одного из замыслов, вдохновленных «Историей Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822). В приложении к ч. 3 этого труда была напечатана «Дума гетмана Мазепы», переложением которой является рылеевский текст «С самопалом и булатом...». *Морозов* Б. И. (1590—1661) — боярин, приближенный царя Алексея Михайловича. *Дядя* — как отмечено А. Г. Цейтлиным (ЛН, с. 30), — скорее всего Л. К. Нарышкин (1668—1705), дядя Петра I с материнской стороны и один из руководителей внешней политики России в первые годы царствования молодого Петра. Второй участник диалога — Петр I. *Князь Меншиков прислал меня из Польши с известием, что Карл идет на Русь.* Король Швеции Карл XII в начале 1708 г. вступил в пределы России через Польшу.

154. РС, 1871, № 1, с. 95; ПСС, с. 358, по автографу ПД. В автографе нижний край листа оборван. На обороте того же листа — записи к думе «Державин». Датируется 1822 г. по расположению автографа. Обращено к Федору Николаевичу *Глинке* (1786—1880),

поэту-декабристу. В 1871 г. Глинка вспоминал: «С Рылеевым я был знаком. Он был членом Вольного Российского общества (соревнователи просвещения и благотворительности то ж), где я был президентом и где Пушкин, вся лицейская дружина и всего человек до 40-а заседали каждую неделю в доме Войвоцы. Познакомясь и с доброю, любезною женою Рылеева, я крестил у них сына, и всегда был почитателем прекрасного (по моему мнению) таланта моего кума — таланта всегда энергичного, всегда подтепленного огнем» (РС, 1871, № 3, с. 244—245).

155. ПСС, с. 357, по автографу ПД. По расположению автографа среди набросков к «Мазепе», вероятно, относится к 1822 г. Как предположил Ю. Г. Оксман (ПСС, с. 538), мадригал предназначен для С. Д. Пономаревой, в литературном салоне которой Рылеев бывал. Подтверждение этому — автограф Рылеева в альбоме Пономаревой (отрывок из «Войнаровского»).

156. ЛН, с. 134, по автографу ПД. Расположено среди набросков к «Мазепе», перед песней «Смело, други! в бой свирепый. . .», следовательно может быть отнесено к 1822 г.

157. РС, 1871, № 1, с. 101; ПСС, с. 189, по автографу ПД. Первоначальный черновой набросок — ЦГАОР. Печ. по более позднему автографу ПД. Ю. Г. Оксман определил этот набросок как начало думы о царевне Софье (см.: ПСС, с. 445). Однако оснований для этого нет. Судя по расположению автографа ЦГАОР (рядом со стихотворением 27) и ПД (среди набросков «Партизан»), возможно, относится к 1822 или 1823 г.

158. ЛН, с. 134, по черновому автографу ЦГАОР. Автограф на обороте листа с предыдущим наброском. Один из набросков, возможно навеянных чтением «Истории» Карамзина и относящихся к эпохе Ивана IV.

159. РС, 1871, № 1, с. 73; ВЕ, 1888, № 11, с. 221; ПСС, с. 185. Три черновых автографа — ПД. Печ. три последовательные редакции наброска. Дума «Вадим» включена в перечень запроектированных Рылеевым в 1823 г. дум. Край листа автографа, на котором записан текст третьего фрагмента, оборван; ст. 1—3 восстанавливаются по второму наброску. Образ Вадима, легендарного защитника вольности Новгорода, погибшего в борьбе с князем Рюриком в 863 г., широко использовался в русской литературе XVIII и начала XIX в. (см.: И. И. Замотин, Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе, Воронеж, 1901). В гражданской поэзии 1820-х годов Вадим изображался как героический борец с тиранией и самовластьем. Ср.: «Певец в темнице» В. Ф. Раевского (1822), наброски поэмы «Вадим» Пушкина (1822), «Последний сын вольности» Лермонтова (1830). Феодальная Новгородская республика с ее вечевым управлением была предметом особого почитания у декабристов как исконный край русской вольности. Такой же святыней был для них и древний Псков, где также существовало подобие республиканской власти. В январе 1825 г. Рылеев писал Пушкину: «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоя-

щий край вдохновенья — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы» (ПССоч., с. 479).

160. РС, 1871, № 1, с. 96; ПСС, с. 363, по автографу ПД. Автограф на обороте набросков к думе «Вадим».

161. РС, 1871, № 1, с. 112. Сохранились 2 автографа ПД — на обороте листа, занятого набросками произведения о Вадиме, и в черновиках «Наливайки». П. А. Ефремов считал это четверостишие фрагментом «Наливайки», и в 1872 г. напечатал его как отрывок из этой поэмы в Соч. и П; Ю. Г. Оксман — наброском к монологу Вадима (ПСС, с. 538). Скорее всего, эти стихи предназначались сначала для одного, а затем для другого произведения.

162. Печ. впервые по черновому автографу ЦГАОР. Зачеркнутые строки наброска на историческую тему, возможно относящегося ко времени работы над думами. Отдельные строки метрически соответствуют наброску думы «Вадим».

163. ВЕ, 1888, № 11, с. 221; ПСС, с. 186, по автографу ПД. В наброске использованы данные из «Истории Государства Российского» Карамзина. В 972 г. дружина князя Святослава была разбита печенегами, сам Святослав пал в битве. Печенежский князь Куря, «отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу» («История Государства Российского», т. 1, гл. 7). Относится, вероятно, к периоду работы над думами.

164. 1 — РС, 1871, № 1, с. 78; ПСС, с. 189, по автографу ПД. 2 — ЛН, с. 24, по черновому автографу ЦГАОР. Дума о Марфе Посаднице включена была во второй перечень дум, составленный Рылеевым в 1823 г. Относится к 1822 или 1823 г. Материал о Марфе Борецкой, возглавившей в 1471—1478 гг. борьбу Новгорода за свою независимость с московским царем Иваном III, взят Рылеевым из повести Карамзина «Марфа Посадница» (1803) и из его же «Истории Государства Российского» (т. 6, гл. 1 и 3). См. примеч. 159. Образ Марфы Посадницы, как и Вадима Новгородского, широко использовался в русской вольнолюбивой литературе начала XIX в.: трагедия Ф. Иванова «Марфа Посадница» (1809), строфы из «Певца в темнице» В. Ф. Раевского (1822), «Зосима» А. И. Одоевского (конец 1820-х годов). *Ярославово Дворище* — главная площадь в Новгороде на месте бывшего «двора» князя Ярослава; здесь собиралось вече. *Народ со всех пяти Концов.* В повести Карамзина «Марфа Посадница» к выражению: «собралися... старосты всех пяти концов новгородских» сделано примеч. автора: «Так назывались части города: конец Неровский, Гончарский, Славянский, Загородский и Плотнинский» (Н. М. Карамзин, Избр. соч., т. 1, М.—Л., 1964, с. 682). *И Марфа гордая в цепях.* После падения Новгорода Марфа Борецкая была арестована (2 февраля 1478 г.), отвезена в Москву, а затем пострижена в монахини.

165. 1 — РС, 1871, № 1, с. 96; ПСС, с. 193, по автографу ПД. Автограф среди черновиков «Гайдамака». Последние четыре стиха, написанные карандашом, почти не поддаются прочтению и печ. по

ПСС. 2 — ВЕ, 1888, № 12, с. 595; ПСС, с. 193, по автографу ПД. 3 — Соч. и П, с. 205; ВЕ, 1888, № 12, с. 595, неточно; ПСС, с. 193. Имеются также: черновой автограф наброска 3 (ПД, на одном листе с автографом наброска 2), автограф ст. 1—17 наброска 3 (ЛБ) и дополненный черновой автограф наброска 3 (ПД). 4 — ПСС, с. 194, как часть наброска «Будь ласков, дедушка, ко мне. . .». Автограф — ПД, на обороте листа с автографом «В стране угрюмой и глухой. . .». В ПСС черновой и беловой автографы наброска 3 соединены в один текст. Стихотворение о Меншикове включено во второй перечень запроектированных Рылеевым дум. Наброски 1 и 2 — начало думы (экспозиция, места ссылки), 3-й набросок — вариант разработки сюжета; 4-й — продолжение развития сюжета, связанный отчасти с 3-м, но являющийся самостоятельным наброском, так как собеседником старика является здесь мужчина («мой сын»), а не женщина, как в наброске 3. Эта женщина, по предположению Ю. Г. Оксмана, — Наталья Долгорукова, сосланная в тот же Березов, где до этого жил Меншиков (см.: ПСС, с. 449), встречается со стариком, который и должен рассказать ей о жизни героя. Возможно, с замыслом произведения о Меншикове связан набросок «Уж было ясно и светло. . .» (черновой автограф — ЦГАОР), на что указывают последние строки: «Носился мыслию крылатой в делах чудесных за Петром» (см. варианты к «Войнаровскому»). Его начало в измененном виде вошло в текст «Войнаровского» (ст. 572—579); последние строки этого наброска скорее относятся к Меншикову, чем к Войнаровскому. Замысел думы о Меншикове был оставлен, так как Рылеев в 1823 г. приступил к работе над поэмой «Войнаровский», куда вошли отдельные строки из «Меншикова в Березове». Это переходное произведение от дум к поэме может быть с уверенностью датировано 1823 г. Материал о Меншикове Рылеев мог взять из «Деяний знаменитых полководцев» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1812). А. Д. *Меншиков* (1673—1729) — знаменитый сподвижник и любимец Петра I — после его смерти (1725) стал фаворитом его жены, императрицы Екатерины I и фактическим правителем страны. После смерти Екатерины I (1727) ненавидевшая Меншикова аристократия положила конец его карьере: он был арестован и сослан в Березов, где и умер. *Березов* — город на реке *Сосва*, в Западной Сибири, Тобольской губернии.

166. РС, 1871, № 1, с. 97; Соч. и П, с. 209, под загл. «Н. М. Т.»; ПСС, с. 363, по автографу ПД, среди черновиков «Гайдамака» и «Меншикова в Березове», работа над которыми относится к 1823 г. Судя по загл., данному П. А. Ефремовым в Соч. и П, может относиться к Анастасии Михайловне Тевяшовой, свояченице Рылеева.

167. РС, 1871, № 1, с. 97, по автографу ПД. Автограф на одном листе с первоначальной редакцией «Натальи Долгоруковой» (1823), но представляет собой, по-видимому, набросок самостоятельного замысла, так как не соответствует думе метрически.

168. ЛН, с. 132, по черновому автографу ЦГАОР. Незавершенный перевод баллады «Świtezianka», вошедшей в сборник А. Мицкевича «Баллады и романсы» 1822 г. Фольклорную основу своей баллады подчеркивал Мицкевич в примеч. к ней: «Существует поверье, что на берегах Свитезя появляются ундины или нимфы, которых

сельский люд называет свитезянками» (см.: Адам Мицкевич, Собр. соч., т. 1, М., 1948, с. 494). Рылеев перевел (довольно точно) лишь начало баллады: двенадцать строф из тридцати восьми. Написано не ранее 1822 г. См. также примеч. 32.

169. Сб. «XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 371; Соч. и П, с. 210; ПСС, с. 360. Черновой автограф — ЛБ; стихи в нем расположены в такой последовательности: сначала 78—88, потом 56—74, затем 24—55 и в конце 93—99 и 1—23. Беловой автограф ст. 73—89 — ПД. Печ. по автографу ЛБ, ст. 72—88 по автографу ПД. Перевод баллады Мицкевича «Lilie», вошедшей в его сборник 1822 г. «Баллады и романсы». Рылеев перевел лишь начало баллады и последнюю строфу. Датируется как и предыдущий перевод.

170. Альм. «Северные цветы на 1828 год», СПб., 1827, с. 55, с подзаг. «Отрывок», без ст. 25—39 и 56—57; РС, 1871, № 1, с. 101, ст. 40—55 (публикация П. А. Ефремова, обнаружившего в архиве Булгарина автограф отрывка и установившего его автора); ПСС, с. 264, под редакционным загл. «Партизаны» и сохранением отсутствующего в автографе обозначения, появившегося в «Северных цветах»: «Песня партизанская» (после ст. 39). Печ. полный текст автографа ПД (с вычеркнутыми строками). Автограф — на обороте черновика «Гайдамака» (1825), что дает основание считать «Партизан» более ранним замыслом. В Изд. 1956 — немотивированная дата «1823 (?)». Ю. Г. Оксман высказал догадку о том, что «Партизаны» — попытка реализовать хранящийся в архиве Рылеева в ПД план поэмы из кавказского военного быта, но в Изд. 1956 г. (с. 398—399) пересмотрел свое мнение, отнеся отрывок к военным событиям 1812 г., что более вероятно. *Ахтырцы* — офицеры и солдаты Ахтырского гусарского полка, составившие значительную часть партизанского отряда прославленного героя войны 1812 г. Д. В. Давыдова. Один из них — М. Г. Бедрага — был хорошо знаком Рылееву по Воронежской губернии (см. примеч. 21). *Бугцы* и *донцы* — казачьи части, также активно участвовавшие в действиях партизанских отрядов Отечественной войны 1812 г.

171. ПСС, с. 363, по автографу ПД, находящемуся на одном листе с автографом стихотворения «Ты посетить, мой друг, желала. . .». Тематически и фразеологически связан со стихотворением «Я ль буду в роковое время. . .» (1824).

172. ВЕ, 1888, № 11, с. 208, неточно и с пропусками; ПСС, с. 489, по автографу ПД. План набросан на бумаге с водяным знаком «1824». На первом листе ему предшествует отметка: «Фроловы. Старик Фролов», а также набросок: «Порою на скачках меня обгоняли. Но никто еще в ⟨нрзб.⟩ не помешал ⟨?⟩ мне дороги». С замыслом этой несостоявшейся поэмы, должно быть, связан фрагмент «Седой Кавказ, краса природы. . .» (№ 173). Ю. Г. Оксман высказал догадку, что мысль об этой поэме зародилась у Рылеева под впечатлением встреч с декабристом Якубовичем (1798—1845), приехавшим в Петербург с Кавказа летом 1825 г. Якубович превосходно знал Кавказ и любил рассказывать о нем. Он открыл Рылееву, что цель его приезда в Петербург — осуществление мести Александру I, несправед-

ливо наказавшему его. Не исключена возможность, что «славное дело», о котором упоминается в плане рылеевской поэмы, каким-то образом соотносилось с проблемой цареубийства.

173. ПСС, с. 363. Автограф — ПД, представляющий собою запись среди черновиков «Наливайки». Ю. Г. Оксман правомерно предполагает, что это — набросок к запланированной Рылеевым поэме из кавказского военного быта (ПСС, с. 543).

174. ЛН, с. 134, по черновому автографу ЦГАОР. Заключительные строки наброска сближают его с черновиками стихотворения «В альбом Т. С. К.» (см. варианты), что дает некоторое основание для предположительной датировки этого текста.

175. ПСС, с. 543, как вариант наброска «Любя свободу, правду, честь. . .», по автографу ПД, находящемуся перед этим наброском. Вероятно, набросок произведения об Украине, — возможно, на историческую тему. Датируется, как и следующий набросок, 1825 г. (см. следующее примеч.).

176. РС, 1871, № 1, с. 96, второй набросок; ПСС, с. 364, по автографу ПД, находящемуся на одном листе с предыдущим наброском. На обороте листа — заметки, касающиеся К. П. Чернова, что служит основанием датировки. Дуэль Чернова и В. Д. Новосильцева, на которой Рылеев был секундантом Чернова, состоялась 10 сентября 1825 г. О дуэли Чернова с Новосильцевым Рылеев написал официальную объяснительную записку с.-петербургскому генерал-губернатору (см.: ПСС, с. 395—396; о дуэли см. также: «Иторический вестник», 1890, № 5, с. 591—602; ЛН, с. 257—267).

177. ПСС, с. 478, по автографу ПД, находящемуся среди черновых набросков к «Гайдамаку», к которому не может иметь отношения по теме. В черновиках «Наливайки» сохранился набросок замысла «Двор Екатерины». Так как на определенном этапе работы Рылеева над украинскими сюжетами есть текстовые пересечения между «Наливайкой», «Гайдамаком» и «Палеем» (см. примеч. 76), есть основания предполагать, что двустишие — заготовка к этому замыслу.

178. РС, 1871, № 1, с. 97; ВЕ, 1888, № 12, с. 596. Автограф — ПД. Набросок записан в черновиках «Наливайки», но к поэме никакого отношения не имеет. Судя по тому, что в этих черновиках есть и роспись об отправке разным лицам экземпляров «Дум» и «Войнаровского», высказывалось предположение, что четверостишие — надпись-посвящение к одному из этих экземпляров (ПСС, с. 543).

179. Соч. и П, с. 324; по автографу ПД, на тюремной бумаге, среди записей, сделанных в Петропавловской крепости; на этом же листе набросок «Благий Отец! Се час приходит мой! . .».

180. Соч. и П, с. 323, по автографу ПД, на обороте листа, на котором, среди других записей, автограф наброска «Сердце человече-

ское». Написано в Петропавловской крепости. Является стихотворным переложением строк Евангелия от Иоанна (XVII, 1—5).

181. ЛН, с. 134, по автографу ЦГАОР. Этот набросок, как и следующие два, датировке не поддается.

182. Печ. впервые по автографу ЦГАОР, находящемуся на одном листе с автографом «Когда вечерние лучи златого Феба...».

183. Печ. впервые по автографу ЦГАОР.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

184. Маслов, прилож., с. 77. Автограф (?) — ПД. Басня находится в тетради, состоящей из одиннадцати стихотворных и прозаических произведений, переписанных одной и той же рукой, возможно Рылеевым. По-видимому, тетрадь — сборник литературных упражнений воспитанников 1-го кадетского корпуса. Это подтверждается тем, что среди подписей встречается фамилия Фролова (см. о нем примеч. 95). Три стихотворения (№№ 184—186) и два прозаических отрывка («Причина падения власти пап», «Победная песнь героям») не имеют подписи и, видимо, принадлежат составителю тетради, т. е. Рылееву: возле стихотворений имеются приписки — другой рукой, атрибутирующие их Рылееву. Таким образом, его авторство почти не вызывает сомнений. Стихотворения были приведены в комментарии к ПСС, с. 519, с оговоркой о возможной их принадлежности поэту. Приписка возле басни гласит: «Когда стихи сии Рылеева читаю То точно как его... я будто лобызаю».

185. Маслов, прилож., с. 78. Автограф (?) — ПД, в той же тетради, что и предыдущее. Возле текста приписка: «Сии стихи писал Рылеев, мой приятель, Теперь да защитит его в войне создатель», из которой следует, что сатира написана незадолго до выхода Рылеева из кадетского корпуса. Она, видимо, обращена к Фролову, товарищу Рылеева по 1-му кадетскому корпусу, которого он упоминает в стихотворениях 95, 97, 104.

186. Маслов, прилож., с. 82. Автограф (?) — ПД, в той же тетради, что и два предыдущих. Приписка в тетради: «Хвала тебе, о мой любезный друг Рылеев. Поэт и сын ты истинно Ареев». Датируется по содержанию (написано не ранее изгнания наполеоновских войск из Москвы). *Десная* — правая рука. *Веси* — деревни. *Истнились* — уничтожились.

187. Альм «Эвтерпа», М., 1828, с. 24 (анонимно) и альм. «Эрато», М., 1829, с. 125 (анонимно). Печ. по альм. «Жасмин и роза», М., 1830, с. 78, где подпись: Рылеев. Последняя публикация отмечена Н. Н. Трубицыным («О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века», СПб., 1912, с. 88) и Н. П. Смирновым-Сокольским («Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.», М., 1965, с. 152). Ссылаясь на эти источники, а также на картотеку В. И. Чернышева, С. Л. Гинзбург в статье

«Забытая песня К. Ф. Рылеева» («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. 28, вып. 6, 1969, с. 539—543) утверждает, что это стихотворение принадлежит поэту-декабристу, оспаривая оценку его в ЛН (с. 333) как псевдорылеевского. Предположение С. Л. Гинзбурга не лишено основания, но считать принадлежность этой песни Рылееву доказанной нельзя. По стилю она отличается от других ранних песен Рылеева, песенник же, в котором она была опубликована с его подписью, нельзя считать достаточно авторитетным источником (именно в изданиях подобного типа нередки случаи приписывания писателям произведений, им не принадлежащих).

188. Н Зр, 1820, № 10, с. 41, подпись: — ѣ —. Это, как и следующие два стихотворения, без аргументации приписаны Рылееву в сб.: «Восстание декабристов». Библиография. Сост. Н. М. Ченцов, М.—Л., 1929, с. 490. Вошло как произведение Рылеева в ПСС, и Изд. 1956, но вопрос о том, кому в действительности принадлежит подпись «— ѣ —», представляется спорным.

189. Н Зр, 1820, № 10, с. 41, подпись: — ѣ —. См. предыдущее примеч. На принадлежность Рылееву ранее указывалось в кн.: Маслов, с. 1. Как произведение Рылеева вошло в ПСС, ПССоч. и Изд. 1956.

190. Н Зр, 1820, № 11, с. 147, подпись: — ѣ —. См. примеч. 188. Как произведение Рылеева вошло в ПСС, ПССоч. и Изд. 1956.

191. «Благонамеренный», 1821, № 4, с. 167, подпись: К. Р. В издание стихотворений Рылеева вводится впервые. На принадлежность эпиграммы Рылееву есть указание М. Н. Лонгинова, — запись, сделанная им на книге журнала «Благонамеренный», находившейся в его библиотеке. Этому свидетельству можно доверять, во-первых потому, что М. Н. Лонгинов — лицо в данном случае достаточно авторитетное: с отцом его Н. М. Лонгиновым Рылеев и А. А. Бестужев были знакомы, сохранился экземпляр «Полярной звезды на 1824 год» с дарственной надписью Бестужева Н. М. Лонгинову (см.: ЛН, с. 94). М. Н. Лонгинов мог иметь сведения об авторстве Рылеева от своего отца или его современников. Его указание, во-вторых, подкрепляется тем, что в том же журнале и в тот же период Рылеев печатал много аналогичных произведений.

192. «Собрание стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862, с. 199. Из нескольких приписанных Рылееву стихотворений это можно с большей вероятностью считать ему принадлежащим. И общая политическая направленность его, соответствующая направленности послания «А. П. Ермолову», и общие мотивы, отразившиеся, кроме этих произведений, еще в оде «На смерть Бейрона», и стилистические признаки (особенно в строфах 1 и 2) говорят в пользу авторитета Рылеева (подробнее см.: ПСС, с. 545). Написано весной 1821 г. в связи с начавшимся национально-освободительным движением в Греции в поддержку восставших. В это время Рылееву были свойственны либерально-монархические взгляды, аналогичные тем, которые выражены в стихотворении. Поводом для его написания послу-

жила, как полагает Ю. Г. Оксман (ПСС, с. 545), двадцатая годовщина восшествия на престол Александра I (11 марта 1821 г.). *Фемистокл* — см. примеч. 14. *Куршид-паша* — турецкий военачальник, возглавлявший карательные силы, брошенные на борьбу с греческими патриотами. *Испанец непреклонный* — Риэго (см. примеч. 35).

193. ПЗ VI, с. 62, в составе воспоминаний декабриста Н. Р. Цебрикова. Четверостишию предшествуют следующие строки: «Раз мне принесли обед... Я принялся рассматривать оловянные тарелки, и на одной из них нашел на обороте очень четко написанные гвоздем последние стихи Рылеева...» («Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ», М.—Л., 1931, с. 255). Однако, находясь в крепости, Рылеев вряд ли мог написать подобные стихи. Все творчество его 1826 г. проникнуто иными настроениями (см. примеч. 45—47). Ю. Г. Оксман (см. ПСС, с. 548—549) предположил, что стихи эти могли быть написаны ранее, но всплыть в памяти самого Рылеева или его друзей. Не полагаясь полностью на свидетельство Цебрикова, печатаем надпись на крепостной тарелке в разделе приписываемых Рылееву стихотворений.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Алфавитный порядок распространяется на фамилии адресатов, служащих заглавиями произведений, а не на инициалы; отрывки и наброски в указателе следует искать по первой строке.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* К. Ф. Рылеев. Рисунок О. А. Кипренского (карандаш) 1820-е годы. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).

2. *Между с. 128 и 129.* Титульный лист первого издания «Дум» (Москва, 1825).

3. *Между с. 160 и 161.* К. Ф. Рылеев. Гравюра неизвестного автора. (Медальон Н. М. Рылеевой.) 1820-е годы. Музей Революции СССР (Москва).

4. *С. 187.* Титульный лист первого издания поэмы «Войнаровский» (Москва, 1825).

5. *С. 230.* Автограф. Строки из поэмы «Наливайко» (фрагмент «Смерть Чигиринского старосты»). ПД.

6. *С. 335.* Черновой автограф. Строки из «Меншикова в Березове». ПД.

СОДЕРЖАНИЕ

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДУМЫ

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЭМЫ

ДРАМА

II

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ СОВМЕСТНО
С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

III

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ПЛАНЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

Рылеев Кондратий Федорович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1971, 480 стр. План выпуска 1971 г., № 323 Редактор *В. С. Киселев.* Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.* Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. Н. Аврунина.* Сдано в набор 26/I 1971 г. Подписано в печать 15/IV 1971. М 10828. Бумага 84×108¹/₃₂, № 2. Печ. л. 15 + 3 вкл. (25,52). Уч.-изд. л. 25,36. Тираж 40 000 экз. Заказ № 168. Цена 1 р. 09 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.